

Доклады
научной
конференции

**ARCHIVAL
MATERIALS
on Mongolian
and Turkic
peoples in
Russian
academic
collections**

**АРХИВНЫЕ
МАТЕРИАЛЫ**

**О МОНГОЛЬСКИХ
И ТЮРКСКИХ
НАРОДАХ В
АКАДЕМИЧЕСКИХ
СОБРАНИЯХ
РОССИИ**

Conference
papers

**ЦЕНТР
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
(ST. PETERSBURG BRANCH)
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ARCHIVAL MATERIALS
ON MONGOLIAN
AND TURKIC PEOPLES
IN RUSSIAN ACADEMIC
COLLECTIONS**

Conference papers

Edited by

I. A. Alimov, I. V. Kulganek, E. V. Pavlova

St. Petersburg
2000

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

**АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О МОНГОЛЬСКИХ
И ТЮРКСКИХ НАРОДАХ
В АКАДЕМИЧЕСКИХ
СОБРАНИЯХ РОССИИ**

Доклады научной конференции

Издание подготовили
И. А. Алимов, И. В. Кульганек, Е. В. Павлова

Санкт-Петербург
2000

Конференция проведена и издание осуществлено
при финансовой поддержке американского фонда IREX

Book was supported by a grant from the International Research &
Exchanges Board, with funds provided by the U. S. Department of
State (Title VIII). None of these organizations is responsible for the
views expressed

Ответственный редактор *С. Г. Кляшторный*
Составитель сборника *И. В. Кульганек*
Издатели *И. А. Алимов, И. В. Кульганек, Е. В. Павлова*

**Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в
академических собраниях России: Доклады научной кон-
ференции. — СПб.: «Петербургское Востоковедение»,
2000. — 160 с.**

В данном сборнике собраны доклады научной конференции «Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России», проходившей в СПбФ ИВ РАН в апреле 2000 г. и продемонстрировавшей большой интерес научного мира к поднятой теме. Докладчиками были введены в научный оборот ценнейшие материалы по истории, литературе, этнографии монгольских и тюркских народов, находящиеся в архивах СПбФ ИВ РАН, СПбО АА РАН (Санкт-Петербург), Архиве Института востоковедения (Москва), Российском Государственном военно-историческом архиве (Москва). Впервые была дана характеристика архива Музея-квартиры П. К. Козлова в Санкт-Петербурге. Некоторые доклады были посвящены отдельным рукописям, находящимся в архивах России, или материалам о конкретных событиях, связанных с монгольскими и тюркскими народами (т. е. об экспедициях, путешествиях, торговых, политических и экономических контактах). Материалы охватывают большой период времени — с момента гуннских завоеваний до образования первого монгольского государства и политических событий первой половины XX в. Введение новых материалов и архивов в научный оборот расширит и углубит области монголоведных и тюркологических исследований — как лингвистических, исторических, фольклорных, музыковедческих, так и политологических, культурологических, кроме того, это позволит представить панораму самих событий, а также их участников более зримо и наглядно.

ISBN 5-85803-148-X

© «Петербургское
Востоковедение», 2000

Зарегистрированная
торговая марка

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

А. Г. Сазыкин. Собрание монгольских рукописей и ксилографов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук.....	7
A. G. Sazykin. The Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs at the SP Branch of the RAS IOS.....	22
В. Л. Успенский. Архивные материалы по истории волжских калмыков из фондов библиотеки Санкт-Петербургского университета.....	28
V. L. Uspensky. Archival materials on the history of the Volga Kalmyks from the collections of the library of SP University.....	37
И. В. Кульганек. Монгольский фольклор в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН.....	42
I. V. Kulganek. Mongolian folklore in the Orientalists' Archive at the Saint-Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies (SPBIOS).....	57
В. К. Шивлянова. Фонозаписи музыкального фольклора тюрко-монгольских народов в Пушкинском Доме.....	63
V. K. Shivlyanova. Phonogram recordings of the folklore of Turkic-Mongolian peoples at the Pushkin House	72
Э. У. Омакаева. Материалы о калмыках в архивных собраниях Калмыкии и за ее пределами.....	75
E. U. Omakayeva. Materials on the Kalmyks in the archival collections of Kalmykia and elsewhere.....	81
А. И. Андреев. Архивное собрание Музея-квартиры П. К. Козлова.....	84
A. I. Andreyev. The archives of the P. K. Kozlov Memorial Museum.....	90

М. И. Гольман. Русские архивные документы по истории Монголии XVII в.....	94
M. I. Gol'man. Russian archival documents on the history of 17 th -century Mongolia.....	99
Т. А. Пан. «Устав шаманской службы маньчжур» в переводе А. В. Гребенщикова из Архива востоковедов	102
T. A. Pang. «Code of Shamanic sacrifices» in Russian translation by A. V. Grebenshikov at the Archives of Orientalists	107
А. Цендина. Об одном сочинении по истории буддизма в Монголии, хранящемся в библиотеке ИВ РАН	110
A. Tsendina. A work on the history of Buddhism in Mongolia from the library of the SPIOS	117
А. А. Бурькин. О рукописных и печатных источниках «Описания Якуцкой провинции» 1794 г.	120
A. A. Burykin. The handwritten and printed sources of the «Description of the Yakutsk Province» (1794).....	125
И. В. Зайцев. Российские архивные источники по истории Астраханского ханства (к хронологии правлений ханов Джанибека и Хусейна)	129
I. V. Zaitsev. Russian archival sources on the history of the Astrakhan' khanate (the chronology of the reigns of khans Dzhanibek and Khusein)	136
Е. В. Бойкова. Об одной неудачной экспедиции в Монголию (по материалам Российского Государственного военно-исторического архива)	139
B. V. Boikova. An unsuccessful Expedition to Mongolia (on the materials of the Russian State Military-Historical Archive).....	144
С. Г. Кляшторный. Формирование фонда памятников древнетюркской письменности СПбФ ИВ РАН (открытия и находки Д. А. Клеменца)	146
S. G. Kliashtorny. Collection of Old Turkic Inscriptions at the SP Branch of the Institute of Oriental Studies: Klements' contributions	151

А. Г. Сазыкин

**СОБРАНИЕ МОНГОЛЬСКИХ РУКОПИСЕЙ
И КСИЛОГРАФОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Среди более чем сорока коллекций монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся за пределами Монголии, самое многочисленное собрание находится в монгольском фонде рукописного отдела Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук (далее — фонд). История фонда, в котором в настоящее время насчитывается свыше восьми тысяч единиц хранения монгольских рукописных и печатных книг, восходит к 1720 г., когда в библиотеку Кунсткамеры поступили первые монгольские рукописи, найденные в развалинах буддийского монастыря Аблай-хит на Иртыше.

После основания в 1818 г. Азиатского музея эти материалы были переданы туда вместе с рукописями и ксилографами из коллекции И. Иерига, также доставленными в Санкт-Петербург в XVIII столетии. С этого времени и вплоть до 1955 г. в фонды музея поступило еще 43 коллекции монгольских письменных материалов, привезенных отечественными востоковедами практически из всех частей обширнейшей территории расселения монгольских племен — от Халхи до Поволжья и от Южной Монголии до Бурятии.

Коллекции эти весьма различны по своему объему — от одного пекинского ксилографированного издания, числящегося в коллекции VII, до 475 рукописей и ксилографов, переданных в Музей из Казанской Духовной академии. Разнообразны они и по своему составу. Так, если на

начальной стадии формирования монгольского фонда Азиатского музея туда доставлялось все, что могло быть приобретено в записи на монгольской графике, то позже стал проводиться уже более тщательный, целенаправленный подбор монгольских письменных источников.

Особенно явственно это проявилось в конце XIX—начале XX в., когда в Музей стали поступать коллекции таких известных российских монголоведов, как К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев, А. Д. Руднев, Ц. Ж. Жамцарано, Б. Я. Владимирцов. Собранные ими материалы во многом отражали их научные интересы, и потому неудивительно, что именно в указанных коллекциях представлены наиболее ценные в научном отношении, зачастую редкие, а порой и уникальные памятники монгольской старописьменной словесности.

Этим и объясняется то обстоятельство, что среди рукописей и ксилографов, доставленных в хранилище Азиатского музея (с 1930 г. — Института востоковедения) до 1955 г. и образовавших там старую часть монгольского фонда, объединившую 3305 единиц хранения, находим почти все имеющиеся в фонде исторические сочинения монгольских народов, материалы об их административной и хозяйственной деятельности, сборники степных законов, словари. Много здесь рукописных памятников монгольской оригинальной и переводной литературы. Только в старой части монгольского фонда Института можно обнаружить записи эпоса и фольклора.

Существенно отличается по своему составу новая часть фонда (шифр Q). Формирование этой части было начато в 1970 г. из рукописей и ксилографов, выделенных при разборке тибетского фонда Института. В настоящее время под шифром «Q» числится свыше пяти тысяч единиц хранения. Преимущественно это каноническая, обрядовая и религиозно-нравственная литература. Широко представлены также всевозможные гадательные и медицинские справочники, филологические работы, «шаманские» молитвы.

Значительную часть новых поступлений составляют пекинские и бурятские ксилографированные издания. В результате этого фонд обладает теперь наиболее представительной коллекцией ксилографов на монгольском языке, позволяющей существенно расширить наши знания об истории монгольского книгопечатания.

О деятельности пекинских печатных дворов по изданию литературы на монгольском языке достаточно хорошо известно благодаря монографии В. Хайссига [1] и опубликованным каталогам и описаниям зарубежных коллекций монгольских старописьменных материалов. В собрании фонда, располагающем 210 пекинскими изданиями, имеются, конечно, не все издания, учтенные в работах зарубежных востоковедов. Но в то же время здесь хранится не менее двадцати пекинских изданий, отсутствующих в других аналогичных коллекциях.

Среди них можно назвать, например, фрагменты ксилографа XIV в., найденные П. К. Козловым в развалинах субургана в Хара-Хото, уникальное ксилографированное издание гимнов в честь бодхисаттвы Манджушри в переводе Аюши-гуши, два издания «Панчаракши», одно из которых также содержит перевод Аюши-гуши, два неизвестных прежде издания сборника сутр и тарни (заклинаний) «Сундуй», шестнадцатитомное издание 1734 г. «Стотысячного Юма».

Еще более полезным фонд может оказаться для изучения истории бурятского ксилографирования. Ценность коллекций монгольского фонда Азиатского музея для этих целей в свое время отмечал Б. Я. Владимирцов в подготовленном им описании монгольских материалов, поступивших в музей от А. Д. Руднева [2], где в значительной мере были представлены как раз бурятские ксилографы. С тех пор собрание бурятских печатных изданий на монгольском языке значительно пополнилось и в настоящее время в собрании Института хранится более трех тысяч бурятских ксилографов и литографий, в которых представлено до пятисот различных изданий.

И пекинские и бурятские ксилографы содержат преимущественно буддийскую литературу, в рамках которой в первую очередь следует отметить монгольские переводы канонических сочинений. Первые переводы таких сочинений появились уже в XIV столетии. С началом распространения буддизма в его тибетском реформированном виде монгольские литераторы вновь активно принялись за переводы сочинений из тибетских канонических сборников «Ганджур» и «Данджур». Особенно активно такая работа велась во второй половине XVI—XVII в., т. е. еще до окончательного формирования монгольского классического пись-

менного языка. Поэтому понятен интерес филологов-монголоведов к переводам той поры, сохранившим следы монгольского доклассического письменного языка.

Работа монгольских литераторов над переводами буддийской канонической литературы, продолжавшаяся на протяжении нескольких столетий, велась в разных, порой весьма удаленных друг от друга, уголках северной и южной Монголии, а также у западных монголов (ойратов). В результате можно нередко обнаружить несколько монгольских переводов одного и того же канонического сочинения. Причем некоторые переводы представлены порой немалым числом ксилографированных и рукописных изданий, тогда как другие сохранились в единичных рукописных экземплярах.

В фонде хранится несколько редких монгольских переводов сочинений, включенных в буддийский Канон. Из них можно назвать, например, «Тарга чэн-по» в переводе Алтангэрэл убашаи, «Сутру о Вималакирти» в переводе Эргилуа Ринчина, еще один (уже пятый), остающийся пока анонимным, перевод «Ваджраччхедики».

Неплохо представлена в фонде также буддийская обрядовая и богослужебная литература. В ее состав входят руководства по совершению обрядов созерцания буддийских божеств, описания обрядов «лама-йога» и «гуру-йога». Есть тексты с описаниями обрядов жертвоприношения «трем драгоценностям» и ламам-наставникам, а также обрядов вероисповедания, чтения тарни и магической формулы «мани». Особое место среди обрядовой литературы занимают тексты, используемые во время похоронной церемонии. В первую очередь это, разумеется, «Книга мертвых» и многочисленные выписки из нее, а также рукописные описания обряда «пхо-ба».

К числу обрядовой и богослужебной литературы следует отнести и сборники текстов, используемых в повседневных монастырских службах. Издание такой литературы для нужд многочисленных монгольских монастырей было налажено в Пекине уже в конце XVII—первой половине XVIII в. За это время как минимум пять раз издавался сборник «Сундуй». В XVIII столетии были ксилографированы сборник переводов литургических текстов, используемых в практике тибетского монастыря Даший-Лхунбо, и два других объемных свода молитв, гимнов и благопожеланий.

Подобная литература прежде необычайно широко распространялась среди монгольских буддистов и в рукописном виде. В фонде хранится, например, не менее тридцати рукописей, в которых помещены такие полезные в повседневной жизни скотовода заклинания, как извлеченные из «Сундуя» тарни, оберегающие скот от болезней и падежа, ограждающие от клеветы и злословия, избавляющие человека от болезней и преждевременной смерти. Здесь же находим более четырехсот рукописных экземпляров отдельных молитв, гимнов, благопожеланий, а также до тридцати сборников, в которых в самых разных сочетаниях и количествах представлены эти поэтические образцы буддийской письменной словесности.

Необходимо особо отметить, что, несмотря на очевидные успехи пекинских, а с XIX в. и бурятских издателей в выпуске буддийской канонической и обрядовой литературы, в фонде имеется большое число рукописных копий ксилографированных изданий сочинений такого рода. Эти копии, как правило, не представляют особого интереса для изучения истории монгольской книги. Однако бывают исключения, и копии могут сослужить добрую службу в тех случаях, когда ксилографированный оригинал до нас не дошел и о его существовании можно судить лишь по его рукописной копии. Так, например, в фонде хранится копия с несохранившегося монгольского ксилографа «Сутры золотого блеска» 1587 г. издания и копия ойратского ксилографированного издания «Ваджрачchedики» первой половины XVIII в. Здесь же находится полная копия «Сундуя», ксилографированного в 1673 г. и известного пока лишь по неполному экземпляру, также имеющемуся в фонде.

Буддийская догматическая литература в фонде представлена пекинскими и бурятскими ксилографированными изданиями «Лам-рима» Цзонхавы и комментариев к нему, рукописными экземплярами буддийского катехизиса «Тонилхуй-йин чимег» и серией текстов с изложением основ буддийского учения о спасении и способах обретения святости.

Располагает фонд неплохой коллекцией сочинений по буддийской космологии. Наибольшим числом рукописей представлены два из них — «Чихула хэрэглегчи» (11 ед. хр.) и «Эрдэни шастр» (9 ед. хр.), содержащие соответствующее

представлениям буддистов описание Вселенной, а также рукописные и ксилографированные описания отдельных ее частей — легендарной страны Шамбала, буддийского рая Сукавади и буддийского ада.

Агиографическая литература в фонде представлена тридцатью пекинскими и бурятскими ксилографированными изданиями. Первыми в Пекине в 1712 г. были напечатаны «Мани гамбу», легенды о деяниях Авалокитешвары и тибетского царя Сонгцэн Гампо, почитавшегося перерождением этого бодхисаттвы, и «Падма гатан», жизнеописание Падма Самбхавы. Позднее появились жития Будды Шакьямуни, Атиши, Марпы, Цзонхавы, Миларайбы. Изданы были в Пекине также биографии тибетских Далай-лам и пекинских Джанджа-хутухт.

В отличие от житийной литературы, посвященной главным образом описанию чудесных способностей буддийских святителей и потому не представляющей для историков особенной ценности, в рамках монгольской письменной словесности появилось жизнеописание, дающее подробные, достоверные сведения об истории монголов XVII в. Речь идет о биографии ойратского Зая-пандиты Намхай-Джамцо. В фонде этот ценнейший историко-биографический памятник представлен двумя рукописями, которые были разысканы, приобретены и в конечном итоге сохранены для науки такими известными собирателями монгольских старописьменных памятников, как А. В. Бурдуков и А. М. Позднеев.

Благодаря многолетним трудам российских востоковедов фонд пополнился немалым числом и других ценных памятников монгольской историографии. В настоящее время в фонде хранятся, например, пять рукописей летописи Саган Сэцэна, три полных списка анонимной летописи «Алтан тобчи», две рукописи сочинения «Шара туджи» и ряд других исторических трудов монгольских авторов XVII—XIX вв.

Обладает фонд также значительной коллекцией бурятских летописей и родословных, практически не встречающихся в зарубежных рукописных собраниях. В их числе находим сочинения Юмсунова, Хобитуева, Тобоева, Тарбаева и некоторых других бурятских летописцев XIX в.

Важнейшим трудом по ойратской историографии является «История ойратов» Габан Шараба. В фонде имеются

две ойратских и одна монгольская рукописи этого сочинения.

Почти все исторические сочинения монгольских народов находятся в составе старой части фонда и учтены в описании Л. С. Пучковского [3], а следовательно, достаточно хорошо известны востоковедам. К тому же следует учесть, что монгольские летописи всегда привлекали особое внимание монголоведов и потому большинство их к настоящему времени уже изучены и опубликованы.

В описании Л. С. Пучковского включены также сведения практически о всех имеющихся в фонде письменных материалах по монгольскому праву и административному устройству монголов и бурят. Наибольшую научную ценность среди них представляют рукописные сборники монголо-ойратских законов 1640 г. «Их цааз» и рукописи монгольских законоуложений XVIII в. «Халха джирум». Интересны и разнообразны хранящиеся здесь подборки монгольских и бурятских административных документов и официальных отношений, а также документы о внешних сношениях и пограничных делах.

Среди материалов, включенных в старую часть фонда, заслуживает внимания и коллекция грамот и писем, насчитывающая до двухсот единиц хранения. В этой коллекции находятся, в частности, иллюстрированная грамота-свиток Алтан-хана тумэтского, датированная 1580 г., грамота Петра I купцу Спиридону Ливакосову от 1697 г., копия так называемой «грамоты вдовы Дармапаловой», написанной квадратным письмом Пагба-ламы. Есть здесь также письма калмыцких ханов Аюки и Цэрин-Дондуба начала XVIII в. Большинство же писем было написано в XIX—начале XX в. и адресовано О. М. Ковалевскому (97 писем), Г. Гомбоеву, А. В. Бурдукову, Ц. Ж. Жамцарано.

Собрание писем, адресованных российским монголоведам, интересное уже хотя бы потому, что ничего подобного нет в других монгольских рукописных коллекциях, замечательно еще и тем, что со всей очевидностью показывает исключительно доброжелательные и даже дружеские отношения, неизменно устанавливавшиеся у российских востоковедов с населением монгольских, бурятских и калмыцких улусов. Дружеские контакты, несомненно, способствовали успешной научной деятельности ученых и, в частности, много помогали им в поисках и приобретении

наиболее ценных для науки памятников монгольской письменности.

Так, например, в коллекции А. В. Бурдукова, насчитывающей всего 32 единицы хранения, находим весьма ценные для науки тексты таких монгольских эпических сказаний, как «Повесть о Хане Харангуй», «Легенда о царевиче Догшин Чингил», «Дайни Курлю». Исключительно благодаря содействию А. В. Бурдукова Азиатский музей получил полный текст биографии ойратского Зая-пандиты, рукопись ойратской версии «Двадцати пяти сказок Волшебного мертвеца», монгольский рукописный сборник рассказов из «Панчатантры».

Имеется в коллекции А. В. Бурдукова также рукопись восьми глав «Гэсэра». Это произведение героического эпоса монголов известно прежде всего по пекинскому ксилографированному изданию 1716 г., состоящему из семи глав. В фонде помимо рукописи Бурдукова хранятся еще несколько рукописей с дополнительными главами «Гэсэра». Чаще всего это восьмая и девятая главы. Есть и так называемая «версия Номчи-хатун» из двенадцати глав. В одной из южномонгольских рукописей помещены тринадцатая и пятнадцатая главы. Кроме того, в фонде хранятся запись бурятского «Гэсэра» и монгольский перевод тибетского «Лин Гэсэра».

Особо следует упомянуть огромную работу российских монголоведов по собиранию и записи монгольского и калмыцкого фольклора. Более других в этом преуспели Г. С. Лыткин, К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев, Ц. Ж. Жамцарано. Благодаря главным образом их трудам фонд обладает теперь коллекцией сказок (17 ед. хр.), пословиц, поговорок, загадок (16 ед. хр.), застольных и приветственных речей (26 ед. хр.), песен (46 ед. хр.), сказаний о Чингис-хане и его поучений (44 ед. хр.).

Хорошо представлены в фонде и так называемые «шаманские» рукописи. Описание семидесяти образцов «шаманской» лирики, имевшихся в старой части фонда, было опубликовано Н. Н. Поппе в 1932 г. [4]. Со времени выхода в свет этой работы количество рукописных материалов по указанной тематике в фонде удвоилось. Наибольшее число рукописей, поступивших в фонд в составе коллекции «Q», вошло в разделы «Кульг огня» (20 ед. хр.), «Кульг тэнгриев» (19 ед. хр.), «Кульг земель и гор» (11 ед. хр.).

Немалый интерес, на наш взгляд, представляют сравнительно небольшие по количеству материала рубрики «Культ Чингис-хана» (8 ед. хр.) и «Культ императоров» (2 ед. хр.), в которых представлены редкие, а в некоторых случаях и уникальные письменные образцы. Отдельного упоминания заслуживает и подборка рукописей, содержащих описание обряда призывания души умершего. Она состоит всего из дюжины рукописей, но является, тем не менее, наиболее полным в мире собранием записей этого издревле распространенного среди монгольских народов обряда.

Весьма различны по времени и месту происхождения хозяйственные и административные документы, включенные в собрание фонда. Есть здесь, например, фрагмент рукописи XIV в. с записью о распределении овец и другой средневековый документ с распиской в получении пшеницы, найденный П. К. Козловым в Хара-Хото. Включены в фонд материалы о некоторых бурятских дацанах по состоянию на 1831 г. и приходно-расходные книги монгольского монастыря Даши-Чоймпил за время с 1918 по 1933 г.

Заслуживает, несомненно, внимания литературная часть фонда. Лучше всего в ней представлены переводы индо-тибетской литературы. Некоторые переводы неоднократно печатались в Пекине и в бурятских дацанах. Так, например, в фонде имеются пять ксилографированных изданий «Субхашиты» и два издания сборника сказок «Комментария к Субхашите». Здесь же находятся два ксилографированных и одно литографированное издание сказок «Комментария к капле аршана, питающей людей». Дважды были напечатаны «Повесть о Лунной кукушке» и «Повесть о Молон-тойне».

Однако же наиболее значительная и интересная часть монгольской переводной литературы заключена в рукописях. Именно в них находим редкие, ценнейшие для науки образцы письменной словесности монгольских народов. Так, в фонде хранятся такие, например, раритеты, как сборник рассказов из «Панчатантры», сборники 25 и 35 «Сказок Волшебного мертвеца». В единственных рукописных экземплярах дошли до нас ойратская версия «Повести о Молон-тойне» и монгольская версия этой повести в переводе Алтангэрэл-убаши. Уникальна также рукопись «По-

вести о Чойджид-дагини» в переводе южномонгольского литератора Лубсан-лиг-шад-дарджая.

Наряду с переводами индо-тибетской сказочной и повествовательной литературы, получили значительное распространение среди монголов и переводы китайских романов и повестей. Первые из них появились в XVIII в., а к началу XX столетия насчитывалось уже не менее семидесяти монгольских переводов китайской прозы. В фонде имеются рукописи 15 переводных романов и в том числе таких весьма внушительных по объему сочинений, как «Путешествие на Запад» (10 тетрадей), «Пьяный монах» (26 тетрадей), «Чжун-дагини» (29 тетрадей), «Возвышение в ранг духов» (23 тетради).

Большинство рукописей с переводами китайских романов и повестей было доставлено в Азиатский музей Ц. Ж. Жамцарано, А. В. Бурдуковым и Б. Я. Владимирцовым из Пекина и Монголии. Ни в бурятских, ни в ойратских (калмыцких) рукописях мы не обнаружили ни одного перевода китайской прозы. Таким образом, очевидно, что эта литература получила распространение не у всех монгольских народов; к тому же такие переводы появились уже в довольно поздний период развития монгольской письменной словесности. Все же китайская литература оказала несомненное влияние на творчество монгольских авторов XIX столетия.

Одним из самых ранних литературных произведений, созданным под влиянием китайской повествовательной литературы, может быть признана «Повесть о Нарану-Гэрэл». Первоначальная ее редакция, рукописный экземпляр которой сохранился в фонде, обнаруживает несомненное китайское литературное влияние, под которым пребывал остающийся пока безымянным автор повести. Впоследствии текст сочинения был существенно переработан в соответствии с традициями буддийской дидактической повествовательной литературы, многие столетия доминировавшей в письменной словесности монголов.

Начало, положенное сочинителем «Повести о Нарану-Гэрэл», оказалось весьма удачным, и в 1812 г. харачинский литератор Буянтогтоху, используя мотивы китайского романа «Путешествие на Запад», написал «Повесть о деве Прекрасный Лотос», во многом отходившую от стереотипов буддийской повествовательной литературы.

Коснувшись вклада монгольских авторов в создание оригинальной, собственно монгольской старописьменной литературы, следует признать, что он был весьма скромен. Такое положение, по мнению Ц. Дамдинсурэна, объяснялось тем, что «монгольские писатели не так уж обращали внимание на то, чтобы сочинять самим. Многие из них всю жизнь занимались только переводами» [5]. Справедливости ради все же отметим, что произведения тибетской повествовательной литературы, попав на монгольскую почву, не всегда оставались в своем первоначальном виде, а порой существенно перерабатывались и дополнялись. К числу таких монгольских обработок можно отнести прозаическую версию «Повести о Чойджид-дагини», представленную в фонде тремя рукописями, а также сборник 22 рассказов о пользе «Ваджрачхедики», известный нам по бурятскому ксилографированному изданию.

К произведениям, созданным в рамках старописьменной монгольской литературы, с большой долей вероятности можно отнести «Повесть о Гусю-ламе» — небольшое сочинение на сюжет путешествия в ад, появившееся в Бурятии не ранее конца XVIII—начала XIX в.

Лучше представлена в фонде монгольская авторская поэзия. Здесь можно найти грустные и веселые стихи Ишидандзинванджила, частично иллюстрированный сборник шуточных стихов Хульч-Сандага, стихи ордосского поэта Кешигбату, стихотворный сургал (поучение) «Бумажная птица» Равджая.

Буддийская литература религиозно-нравственного содержания, вошедшая в состав фонда, насчитывает более трехсот единиц хранения. Большую их часть составляют небольшие сочинения бурятских лам, среди которых особенно много сочинений настоятеля Агинского дацана Д. Данжинова, написавшего и издавшего серию работ, в которых изложены такие, например, важнейшие требования, предъявляемые буддийской церковью к своим адептам, как необходимость почитания старших и родителей, беспрекословного послушания и полного доверия ламам-учителям, усердного изучения слов Будды и наставлений высших буддийских иерархов. Некоторые работы посвящены популярному изложению учения о десяти «черных грехах» и десяти «белых добродетелях» и их влиянии на судьбу живых существ. Есть также наставления о достой-

ном поведении женщин, о порядке проведения праздников, о необходимости «очищения» употребляемого в пищу мяса, о пагубности пристрастия к азартным играм, водке и табаку. Сочинения эти чаще всего компилятивного характера и включают подходящие к той или иной проповеди извлечения из буддийских канонических и догматических сочинений.

Религиозно-нравственные проповеди часто распространялись и в виде так называемых «посланий», или «наказов», высших лам буддийской церкви. Чаще всего авторами таких «посланий» назывались тибетские Далай-ламы и Панчен-ламы, пекинские Джанджа-хутухты и ургинские Джебцун Дамба-хутухты. Необычайно популярны среди монгольских народов были и «послания-пророчества», в которых обычно предвещалось наступление тяжелых времен и давалось наставление о пользе и спасительной силе учения Будды.

«Послания-наказы» и «послания-пророчества» встречаются, конечно, и в других зарубежных коллекциях монгольских рукописей и ксилографов. Тем не менее, фонд, где имеется более двухсот рукописей с «посланиями» не только тибетских и монгольских буддийских иерархов, но и некоторых бурятских лам, оказывается вне конкуренции и дает наибольшую возможность для изучения этого жанра монгольской письменной словесности.

Несомненный интерес, на наш взгляд, представляют образцы географической литературы, включенные в фонд. Среди них двенадцать рукописей и пекинских ксилографов (в том числе и редких) с описанием монастырей и буддийских святынь на горе Утайшань, а также десять рукописей с описаниями путешествий к святым местам Тибета, Непала и Индии. Первое из таких путешествий было совершено в XVIII в. бурятским хамбо-ламой Доржи-Заяевым. Остальные были предприняты в конце XIX в. тоже бурятскими паломниками Миджид-Дорджи, Андагаевым, Зангиаином. В настоящее время эта коллекция записей бурятских паломников является более полной, чем где бы то ни было.

Нельзя не упомянуть и о многообразии многочисленной специальной, практической литературы, имеющейся в фонде. Медицинской тематике в фонде посвящено до 130 единиц хранения. Чаще всего здесь встречаются пекинские и

бурятские ксилографированные издания переводов двух основных трактатов тибетской медицины — «Джуд-ши» и «Лхантаб», а также рукописные копии и выписки из указанных сочинений. Здесь же находим пособия по диагностике некоторых болезней, терапевтические справочники (руководства о способах кровопускания, иглотерапии и прижиганий), а также многочисленные фармакопеи.

Обширен и разнообразен раздел «Филология». Грамматики монгольского языка представлены преимущественно ксилографированными и рукописными изданиями сочинений «Джирухэну толта» и «Хэлэну чимег». Есть также учебники, разговорники и значительное число печатных и рукописных азбук монгольского и тибетского языков. Наибольший интерес в этом разделе представляют все же словари. Среди приблизительно четырех десятков словарей есть немало пекинских и бурятских изданий, уже достаточно хорошо известных востоковедам. Имеются, однако, и несколько раритетов, в числе которых пятиязычное пекинское и трехязычное бурятское ксилографированные издания краткой редакции терминологического словаря «Махавьютпатти», рукописный пятиязычный словарь имен будд и бодхисаттв и ойратская рукопись терминологического словаря в переводе Зая-пандиты Намхай-Джамцо.

В отличие от многочисленных филологических работ, астрономические сочинения на монгольском языке, имеющиеся в фонде, ограничиваются единственным пекинским изданием перевода китайского астрономического трактата да тремя краткими выписками из астрономических сочинений. Правда, к этой тематической рубрике примыкают руководства по составлению календарей и сами календари, где всегда помещены астрономические сведения. В фонде хранятся девять пекинских ксилографированных календарей, самый ранний из которых относится к 1722 г., и более двух десятков бурятских рукописных и литографированных календарей на годы первой четверти XX в.

Календари, и в особенности пекинские издания, наряду с астрономическими, содержат обычно и астрологические сведения. Существуют, разумеется, и отдельные астрологические сочинения, которые нередко включены в сборники наряду со всевозможными гаданиями и приметами. Количество образцов этого вида практической литературы в фонде превышает пятьсот экземпляров.

Поразительно разнообразна тематика этого самого обширного раздела фонда. Среди рукописей, доставленных из самых разных областей расселения монгольских народов, находим гадания о судьбе новорожденного, заболевшего и умершего человека, о свадьбе, о времени отправления в дорогу и о благоприятных для торговли днях. Большое число рукописей включает гадания о счастливых и несчастливых днях, месяцах и годах, о наиболее подходящем времени для валяния войлока, шитья одежды, стрижки и кастрации скота, постройки жилища и т. д. Есть немало сборников плохих примет и толкований сновидений.

Не менее разнообразны и способы ворожбы, которые использовали монголы в своей практике. Это были гадания по бараньей лопатке, по полету и крикам птиц, лаю собак, движениям человеческого тела, по ладони. Гадали монголы при помощи бросания жребия, пяти и девяти монет, белых и черных камешков. Использовались всевозможные гадательные карточки, таблицы и круги. Похоже, монголы сумели впитать все достижения астрологии и гадательной практики, коими обладали народы Центральной Азии и Китая.

Подводя итог краткому обзору фонда, отметим еще раз, что это самая обширная коллекция монгольских рукописей и ксилографов за пределами Монголии, в ней отражены практически все области письменной культуры монгольских народов и ее история за многие столетия. В фонде имеется немало редких, а порой уникальных памятников монгольской письменности, часть которых уже введена в научный обиход. Но еще очень многое предстоит сделать для должного изучения фонда и уяснения его подлинной научной ценности и значимости. И мы надеемся, что в будущем не одно поколение монголоведов с благодарностью вспомнит своих предшественников, потрудившихся разыскать и доставить в Азиатский музей (Институт востоковедения) ценнейшее сокровище, известное ныне как монгольский фонд рукописного отдела Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук.

Литература

1. *Heissig W.* Die Peking-er lamaistischen Blockdrucke in Mongolischer Sprache: Materialien zur mongolischen Literaturgeschichte. Bd. 2. Wiesbaden, 1954 (Göttinger Asiatische Forschungen).

2. *Владимирцов Б. Я.* Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский музей Российской Академии наук от проф. А. Д. Руднева // Известия Российской Академии наук. Пг., 1918. С. 1549—1568.

3. *Пучковский Л. С.* Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР // Ученые записки Института востоковедения. Т. IX. М.; Л., 1954.

4. *Понне Н. Н.* Описание монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения // Записки Института востоковедения АН СССР. Т. I. Л., 1932. С. 151—200.

5. *Damdinsüring Ce.* Mongyol uran jokiyal-un degeji jayun bilig oru-sibai // Corpus Scriptorum Mongolorum. Т. XIV. Ulaanbayatur, 1959. С. 14.

A. G. Sazykin

**THE COLLECTION OF MONGOLIAN MANUSCRIPTS AND
XYLOGRAPHS AT THE SP BRANCH OF THE RAS IOS**

Among the more than 40 collections of Mongolian manuscripts and xylographs outside of Mongolia, the largest collection is found in the Mongolian section of the Manuscript division of the SP Branch of the RAS IOS (henceforth, the collection). This history of the collection, which contains more than 8,000 items (Mongolian manuscripts and print books), goes back to 1720, when the library of the *Kunstkamera* acquired its first Mongolian manuscripts, discovered in the ruins of the Buddhist monastery Ablai-xit on the Irtysh.

In the late 19th – early 20th century, the museum began to acquire the collections of such well-known Russian experts on Mongolia as K. F. Golstunskii, A. M. Pozdneev, A. D. Rudnev, Ts. Zh. Zhamtsarano, and B. Ia. Vladimirtsov. The materials they gathered primarily reflected their scholarly interests; hence, it is not surprising that they contain items of the greatest scholarly value – frequently rare, and sometimes unique, texts of Mongolian old-script literature.

This explains why the manuscripts and xylographs brought to the Asiatic Museum (after 1930, the Institute of Oriental Studies) before 1955, which make up the old part of the Mongolian collection and bring together 3,305 items, include nearly all of the collection's works on the history of the Mongolian peoples, materials on their administrative and economic activities, collections of steppe laws, and dictionaries. Manuscript texts of original and translated literature are numerous. It is

only in the old part of the Institute's collection that one can find written recordings of epic and folklore literature.

The new part of the collection (call number Q) differs substantially. More than 5,000 items are today stored under call number Q today. These are primarily canonical, ritual, and religious-moralistic literature. One also finds all manner of reference works on divination and medicine, philology, and «shamanist» prayer.

Peking and Buryat xylograph editions make up a significant part of the new acquisitions.

Among them are fragments of a 14th-century xylograph discovered by P. K. Kozlov in the ruins of a suburgan in Khara-Khoto, a unique xylograph edition of hymns in honor of the Buddhisattva Manjusri in a translation by Ayushi-gushi, two editions of the «*Pančarakṣa*», one of which also contains Ayushi-gushi's translation, two formerly unknown editions of the «*Sungdui*» collection of sutras and tarni (incantations), and a 16-volume, 1734 edition of the «*100,000 Yum*».

The collection includes several rare Mongolian translations of works of the Buddhist canon. One notes, for example, the «*Tarpa chen-po*» by Altangerel ubashi, the «*Sutra of Vimalakīrti*» translated by Ergilua Rinchin, and yet another translation (the fifth, anonymous) of the «*Vajrācchedika*».

Ritual and clerical literature is relatively well represented. We find manuals on performing rituals for the contemplation of Buddhist divinities, descriptions of the «lama-yoga» and «guru-yoga» rituals. There are texts with descriptions of rituals of sacrifice to the «three objects of great value» and to laments, as well as rituals of the profession of the faith, reading of tarnis, and the magic formula «mani». Texts used during the funeral ceremony occupy a special place. Foremost among them, of course, is the «Book of the dead» and numerous extracts from it, as well as manuscript descriptions of the «pho-ba» ritual.

Among the ritual and clerical literature, one should include collections of texts used in every-day monastery services.

Buddhist dogmatic literature in the collection is represented by Peking and Buryat xylograph editions of the «*Lam-rim*» by Tszonkhava and commentaries on it, manuscript copies of the

Buddhist catechism «Tonilkhui-yin chimeg» and a series of texts which lay out the basic tenets of the Buddhist teaching of salvation and means of acquiring sanctity.

The collection also includes a good selection of works on Buddhist cosmology. Two works account for the largest number of manuscripts: «*Čhiqula kereglegčī*» (11 items) and «*Erdeni šhastr*» (9 items). They contain a Buddhist description of the Universe and manuscript and xylograph descriptions of its various parts, such as the legendary country of Shambala, the Buddhist paradise of Sukavadi, and Buddhist hell.

Hagiographic literature is represented by 30 Peking and Buryat xylograph editions.

The collection also has a significant number of Buryat chronicles and genealogies which are virtually impossible to find in foreign collections. They include works by Jumsunov, Khobituev, Toboev, Tarbaev, and several other Buryat chroniclers of the 19th century.

The «History of the Oirat» by Gaban Sharab is an extremely important work of Oirat historiography. The collection has two Oirat and one Mongolian manuscript of this work.

The most valuable of them are manuscript collections of Mongol-Oirat laws from 1640, «*Yeke čayaĵa*», and manuscripts of the 18th-century Mongolian law codices «*Khalkha ĵirum*».

Among the materials in the old part of the collection, one notes the documents and letters, which number approximately 200 items. They include, in particular, an illustrated scroll of the Altan-khan of Tumet dated to 1580, a document from Peter I to the merchant Spiridon Livakosov from 1697, and a copy of the so-called «document of the widow Darmapalova» in square writing by Pagba-lama. There are also letters from the Kalmyk khans Ayuki and Tserin-Dondub from the beginning of the 18th century. The majority of the letters were written in the 19th—early 20th centuries and are addressed to O. M. Kovalevskii (97 letters), G. Gomboev, A. V. Burdukov, and Ts. Zh. Zhamtsarano.

Of special note are the enormous efforts of Russian Mongolian specialists to collect and record Mongolian and Kalmyk folklore. The most successful in this endeavor were G. S. Lytkin, K. F. Golstunskii, A. M. Pozdneev, Ts. Zh. Zham-

tsarano. Thanks in large part to their efforts, the collection today possesses a collection of stories (17 items), proverbs, sayings, riddles (16 items), festive and greeting speeches (26 items), songs (46 items), narratives about Chingis-khan and his exhortations (44 items).

So-called «shamanist» manuscripts are well represented in the collection. In 1932, N. N. Poppe published a description of 70 examples of «shamanist» poetry held in the old part of the collection.

Of no small interest, in our view, is the relatively small heading «Cult of Chingis-khan» (8 items) and «Cult of the emperors» (2 items), which contain rare, and sometimes unique, texts.

Of undoubted significance is the literary part of the collection. It consists primarily of Indo-Tibetan literature.

The collection includes such rarities as a collection of tales from the «Pancatantra», collections of 25 and 35 «Tales of the Magic Deceased». Unique extant manuscript copies preserve for us the Oirat version of the «Tale of Molon-toyn» and the Mongolian version of this tale translated by Altangerel-ubashi. Also unique is the manuscript of «Tale of Chojjid-dagini» translated by the South-Mongolian literary figure Lubsan-ligshad-darjai.

Along with translations of Indo-Tibetan story and narrative literature, translations of Chinese novels and stories were widespread among the Mongols. The collections contains manuscripts of 15 translated novels, including such large works as the «Journey to the West» (10 quires), the «Drunken Monk» (26 quires), «Chun-dagini» (29 quires), and «Elevation to the rank of the spirits» (23 quires).

The majority of manuscripts with translations of Chinese novels and stories were brought to the Asiatic Museum by Ts. Zh. Zhamtsarano, A. V. Burdukov, and B. Ia. Vladimirtsov from Peking and Mongolia.

Among works created in Mongolian old-script literature, one can with relative certainty include the «Tale of Gusyulama», a brief narrative of a journey to hell which appeared in Buriatia no earlier than the late 18th—early 19th century.

Mongolian poetry by concrete authors is better represented. One finds here the melancholy and joyful verses of Ishidandzin-vanjil, a partially illustrated collection of humorous verses by Khulch-Sandag, verses by the Ordos poet Keshigbatu, and a poetic surgal (exhortation), the «Paper Bird» by Ravjai.

Buddhist literature of religious-moral content makes up more than 300 items. The bulk of them are small works by Buryat lamas, among which we find numerous works by the superior of the Aga datsan, D. Danjinov. He authored and published a series of books which lay out, for example, the most important demands made by the Buddhist church on its adepts, such as the necessity of venerating one's elders and parents, complete faith in and unwavering obedience to lama-teachers, the diligent study of the Buddha's utterances and the instructions of the Buddhist upper hierarchs.

Examples of geographic literature are, in our view, of undoubted interest. They include 12 manuscripts and Peking xylographs (some rare) with descriptions of monasteries and Buddhist holy places on the mountain Utaishan, as well as ten manuscripts with descriptions of journeys to the holy places of Tibet, Nepal, and India.

The diversity of the abundant specialized practical literature in the collection is striking. 130 items are on medical themes.

The «Philology» section is also extensive and diverse. Grammars of the Mongolian language are represented primarily by xylograph and manuscript editions of the works «*Jirüken-ü tolta*» and «*Kelen-ü čimeg*». One also finds textbooks, phrase-books, and a significant number of print and manuscript primers on Mongolian and Tibetan.

Unlike the numerous philological works, astronomical works in the collection consist of a single Peking edition of a translation of a Chinese astronomical treatise and three brief excerpts from other astronomical works.

Calendars, especially Peking editions, usually contain both astronomical and astrological information.

Among the manuscripts, we find divinations on the fate of a new-born, an ill or deceased person, on weddings, times for travel, and propitious days for commercial activity.

This is the largest collection of Mongolian manuscripts and xylographs outside of Mongolia, and it reflects virtually all areas of the written culture of the Mongolian peoples and its history over the centuries. The collection includes no small number of rare, and sometimes unique, Mongolian texts, some of which have already been introduced into scholarly circulation. Yet much study remains necessary to determine the collection's true scholarly value and significance.

Notes

1. *Vladimirtsov B. Ia.* Mongol'skie rukopisi i ksilografy, postupivshie v Aziatskii Muzei Rossiiskoi Akademii nauk ot prof. A. D. Rudneva [Mongolian manuscripts and xylographs acquired by the RAS Asiatic Museum from prof. A. D. Rudnev], in *Izvestiia Russiiskoi Akademii nauk*. Petrograd, 1918. P. 1549—1568.

2. *Poppe N. N.* Opisanie mongol'skikh 'shamanskikh' rukopisei Instituta vostokovedeniia [Description of Mongolian 'shamanist' manuscripts at the Institute of Oriental Studies], in *Zapiski Instituta vostokovedeniia AN SSSR*. Vol. I. Leningrad, 1932. P. 151—200.

В. Л. Успенский

**АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОЛЖСКИХ
КАЛМЫКОВ ИЗ ФОНДОВ БИБЛИОТЕКИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Среди калмыцких рукописей, поступивших в библиотеку Восточного факультета Санкт-Петербургского университета в 1863 г., был «сверток разных бумаг, заключающих в себе калмыцкие песни, поговорки, сказки и выписки из дел Астраханской палаты государственных имуществ». Этот сверток заключал в себе материалы, собранные Г. С. Лыткиным (1835—1907), который провел около двух лет в калмыцких степях после окончания Восточного факультета университета в 1858 г. Как следует из его записей, в основном он проживал в «сельце» Тюменевка Астраханской губернии, которое являлось главной ставкой Хошеутовского улуса.

Собранные Лыткиным материалы так и не привлекли к себе внимание исследователей; более того, значительная их часть до настоящего дня даже не закаталогизирована.

«Связка бумаг» была впоследствии расчленена на три части:

1. 40 документов, главным образом лично Лыткина. Старый шифр: Хул. Q 553, инв. № 1877/1-40.
2. 176 различных документов. Новый шифр: Calm. C 23, старый шифр: Хул. F 105, инв. № 1876/1-176.
3. Незакаталогизированные материалы.

Все эти материалы можно условно разделить на три большие тематические группы.

Первую группу составляют материалы, собранные Лыткиным для изучения истории калмыков в XVIII в. и, в особенности, их отношений с Россией.

В основном это письма калмыцких ханов и правителей различным русским должностным лицам, хранившиеся в архиве Астраханской палаты государственных имуществ в делах главного калмыцкого пристава. (С 1847 г. именно через эту палату осуществлялось управление калмыками.) В основном эти письма были написаны Аюка-ханом и его сыном Чагдорджабом. Лыткин переписал ойратские оригиналы этих писем и перевел на русский язык часть из них. Хронологически эти письма (каждое из них невелико по объему) распределяются следующим образом: за 1708 г. — 47 писем; за 1711 г. — 29 писем; за 1715 г. — 22 письма; за 1717 г. — 43 письма; за 1719 г. — 46 писем.

Имеются копии документов, относящихся к периоду, предшествовавшему перекочевке калмыков в Джунгарию в 1771 г. Приведем отрывок старинного перевода (ойратский оригинал также имеется) письма от наместника Калмыцкого ханства Убаши (который впоследствии возглавил перекочевку) от 25 апреля 1763 г.:

Его императорского величества бригадиру Алексею Дмитриевичу Бахтееву, верному приятелю моему.

В Цоохуры князя Дундукова улусы ездил мой человек и яко в кибитках спал, но при том слышал, что калмыки между собой разговаривают, яко Цебек и Кириби и прочие вверху поблизости его состоящие улусы все собираются в войско да и сами де между собою тревожатся.

За ложное и предпочел, однако как в нынешнее время в народе демоны вселились, потому без ошибки в предосторожность принять надлежит.

Как известно, в 1861 г. Лыткин опубликовал в Астрахани «Историю калмыцких ханов, сочинения Батур Убаши Тюменя». Батур Убаши был братом хошеутовского нойона Сербеджаба Тюменя, участника войны с Наполеоном. Среди разрозненных бумаг имеются относящиеся к Тюменям материалы (см. ниже).

Имеются также многочисленные разрозненные материалы, относящиеся к истории калмыков. Упомянем только «Законы Мунгальские и Калмыцкие (Перевод с права

мунгальского и калмыцкого народов)». Текст на ойратском языке с постатейным русским переводом. Судя по названию, это первый русский перевод монголо-ойратского уложения 1640 г., который был выполнен Василием Михайловичем Бакуниным (ум. 1766), секретарем, а затем советником Коллегии иностранных дел. Впервые опубликован в 1776 г. Ойратский оригинал этого перевода хранится в Центральном государственном архиве древних актов.

II

Ко второй группе материалов относятся собранные Лыткиным сведения о жизни, быте, обрядах, социальном и экономическом состоянии современных ему калмыков. В качестве образца таких материалов в приложении даются перечисление калмыцких праздников и список расходов, связанных с проведением калмыцкой свадьбы. Некоторые из материалов представляют собой оригинальные тексты на ойратском языке, например «Сауан сагауин биçиқ» (инв. № 1877/9). Упомянем также «Каталог книг рукописным, употребляемым правоверными ойратами» (инв. № 1877/8), который представляет собой список из 19 сочинений с замечаниями и пометками Лыткина.

Большой интерес представляют собой разного рода статистические сведения о калмыках, относящиеся к 1-й половине XIX в. Вот, например, выдержка из краткого, но очень информативного материала: «Статистические сведения об Астраханской губернии и калмыках, живущих в России (Донесение, читанное П. И. Коппенным в конференции Императорской Академии Наук)». Дата: 15 февраля 1840 г.

Ссылка на «Обозрение калмыцкого народа» Фадеева, составленное в июне 1839 г.:

По этому сообщению, число сего народа простирается до 57 888 душ мужеска пола и до 39 951 женского, всего же до 97 839 душ, которые кочуют в 12 967 кибитках на пространстве 10 197 587 десятин (98 053 квад. версты или 2000 квадрат. мили). Одна часть этого пространства принадлежит к Астраханской губернии, а другая к Кавказской области.

Кроме этих, и в других частях России живут еще более 42 000 калмыков обоего пола, а именно в Симбирской гу-

бернии. Ставропольское калмыцкое войско состоит из 3530 человек обоего пола. В земле Донских казаков от 14 т. до 15 т. человек обоего пола. В Томской губернии более 24 000 человек обоего пола.

Из сего следует, что число калмыков в Российском государстве составляет более 140 000 душ обоего пола.

Имеются также следующие статистические материалы:

«Ведомость о числе духовенства, владельцев, зайсангов и простолюдинов калмыков Харахусо-Эрдэниевского улуса, о тамгах их, о кочевьях и т. п.» (инв. № 1877/2);

«Бага-Цохуровский улус. Число аймаков, зайсангов, число кибиток, места кочевья, тавро и пр.» (инв. № 1877/32);

«Полный список всех калмыцких родов зайсангов по улусам с числом кибиток» (инв. № 1877/33) (подписан смотрителем училища детей калмыков).

Имеется также несколько планов местности (в частности, на них обозначена гора Богдо), видимо, также выполненных Лыткиным.

III

К третьей категории материалов можно отнести бумаги на калмыцком и русском языках самого разнообразного содержания и неясного происхождения. Судя по всему, это черновики переводов, официальных писем, документов и т. п. Имеется большое количество текстов на калмыцком и русском языках, имевших целью пропаганду медицинских знаний среди калмыков: об уходе за больными, о холере, о цинге, о необходимости вакцинации и т. д. Имеются также переводы христианской литературы и рассказов из русской истории. Не последнее место занимают различные законы. Упомянем «Устав о векселях» 1832 г. Определенный интерес представляют различные официальные письма. Приведем отрывок из длинного письма Сердеджаба Тюменя от 1822 г. «О принадлежащих рыбных ловлях, на земле владельца Тюменя находящихся»: «Имею я в наследственном владении после предков своих Астраханской губернии в уездах Астраханском, Енотаевском и Красноярском три дачи, при реке Волге лежащие и именуемые первая Коровьею Лужею, другая островом Круглым, а третья островом Песчаным. А на них 1000 кибиток

подвластных мне калмыков». Затем идет перечисление военных кампаний, в которых участвовали его предки и он сам. Как далее пишет Тюмень, часть его людей находится на службе для содержания кордонной стражи против киргиз-кайсаков, «и все сии службы исправляют они с полным собственным обмундированием, вооружением и лошадами со сбруею, и никакого от казны пособия кроме умеренного жалования, провианта и фуража не имеют». Снаряжение одной кибитки на кордон обходится лично ему в 1000 руб. Послал с письмом своего брата Батур Убаши. В самом конце письма изложена собственно просьба к властям: «Чтобы входящие в дачи мои воды, которые не есть морские, но протекающие по землям моим, предоставить мне обще с подвластными калмыками в вечное и потомственное владение».

Таким образом, находящиеся в библиотеке Санкт-Петербургского университета архивные материалы представляют определенный интерес для изучения истории калмыков в России в XVIII—первой половине XIX в., учитывая, что в XX в. многие подобные материалы были утрачены.

Инв. № 1877/17

От переводчика Хошоутовского улуса г. Овечкина. Августа 20-го числа 1858 года. Сельцо Тюменевка.

Калмыцкие праздники

а) Большие.

С 8-го по 15 мая (калмыцкого исчисления) семь дней — память принятия божественного имени Бурхан-бакши (учителя веры).

Июля 4-го — начало введения Закона естественного и священного предания во все языки.

Октября 22-го — переселение Бурхана Бакши в царство небесное и издание там священных заповедей и потом сошествие его на землю.

Февраля с 1-го по 15-е — пятнадцать дней — сотворены им, Бурхан Бакшей, различные чудеса и знамения между людьми и другими созданиями для сохранения и распространения истины.

Эти 4 дюючена есть торжественные праздники.

б) Средние праздники.

Осеннего среднего месяца с 8-го по 15-е число — семь дней совершается богослужение хурула Майдари (Бого-второго пришествия с небес на землю).

В один день осеннего среднего месяца, коего определенно назначить не можно, бывает усун аршан (водоосвящение).

Октября 11-го и 23-го числ бывает гал тайдак (жертвоприношение огню).

Ноября с 20-го по 25-е число — пять дней совершается богослужение в хурулах Зонхавы (великого святителя Божия).

Декабря месяца три дня бывает богослужение в хурулах для нового года; коих определенно нельзя назначить.

Января с 24-го по 30-е число — пять дней бывает богослужение в хурулах под названием «хуучал хурул» о пришествии нашего калмыцкого священного хранителя из царства Мангаса.

с) Меньшие праздники.

8, 15, 30-е числа каждого месяца бывает мацак (пост), в к[оторые] дни совершается в хурулах богослужение.

Примечание. В сии табельные большие, средние и меньшие праздничные дни кроме богослужения все калмыцкие духовные и светские от всяких дел свободны и оными не занимаются по закону и обычаям.

Приложение 2

Инв. № 1877/16. Лыткин. Папка 14.

Таблица

Свадебный расход

Наименование расходов	Руб.	Коп.
1	2	3
За корову	15	
За 3 барана по 2 р. 50 к.	7	50
Пять ведер водки	30	
Пять ведер виноградного вина	10	
Разных напитков на	8	
На угощение	7	
За три арбы с перевозами	7	
Гелюнам и зурхачею за совершение обряда	10	
Итого:	94	50
За шесть решёт [!] (терме) с 80 ^ю жердями (унинами)	20	
За 9 кошм (ишге) по 6 р. за каждую	54	
За круг (харачи) с обручами (цагарак)	2	50
Дверь (уюдюн)	2	
За поставец (табицё)	1	50
За кровать (орондак)	1	20
На угощение старух, которые шили кибитку	2	
За таган с шумовкой (тулга и кебкюр)	3	
За щипцы и ножи (чимкюр)	1	20
Котел и ковш (хачиун, шанага)	3	50
За 4 чаконки (зегесен)	1	60
За 3 подушки (дер)	3	
За 2 замка		20
За пару пробойн		16

Продолжение таблицы

1	2	3
За 3 фунта верблюжьей шерсти (для ниток на шитье кибитки)		90
За 10 фунтов бараньей шерсти (для обшивки кибиточных кошм)		50
За кувшин (хубин) для мытья рук		50
За пару сковород (тааба)		60
За ящик (шире)	1	
Итого:	99	06
За 7 овчин для зимнего одеяла	3	50
За отделку их	1	50
Выпушки (бёльцисин)	2	
Итого:	7	
Ситцу на полог 30 аршин по 20 к. ар[шин]	6	
Ситцу цветного на занавеску 10 ар. По 25 к. ар.	2	50
Канаусу (ханавар) 10 ар. То же для полога по 46 к. ар.	4	83
	16	50
За 11 ар. штофа (оштоб) по 1 р. 50 к. ар. на платье невесте	8	
Сукна красного на головную подушку (дер богцо) и обшивки шердыков 4 ар. по 2 р. за аршин		
Сукна черного на подушку для ног (кёл бокцо) 1 ар.	1	20
Ниток суровых два ар.		20
Шелку 3 золотника		27
За 3 сундука (абдыр)	7	65
За 15 чашек по 35 к. сер. за чашку	5	25
За три простых персидских ковра (маральджин)	7	
За один большой ковер (хебес) на постель	16	
За 2 штуки китайки (тююке) на покрывку полушубы	3	
За 12 ар. панки (ланка) (в подарок старухе, которая провожает невесту)	7	23
За 10 [аршин] штофа на казакин себе	15	
За 3 1/2 ар. сукна черного тоже на казакин	12	86
За 10 ар. тика на крышу шердыков	9	
За 1 одеяло (кенджил) стеганое на вате	3	
Итого:	119	49

Расходы, произведенные при начале сватовства

В 1-й день

Доску чаю	1	50
Штоф водки		80
Кренделей и других лакомств	1	

Во 2-й день

Доску чаю	1	50
Штоф водки		80
Кренделей и проч.	1	

Окончание таблицы

1	2	3
В 3-й день		
Две доски калмыц. чаю	3	
2 штофа водки	1	60
Лакомств и других гостинцев	1	50
Расходы, произведенные женихом при первом посещении		
За барана	5	
Ведро водки	6	
Доску чаю	1	50
Конфет и других лакомств	2	
Разных напитков [!]	4	
При втором посещении		
1 ¹ / ₂ ведра водки	9	
Доску чаю	1	50
Разных напитков [!]	5	
Конфет и других лакомств	2	
Итого:	48	70
Всего:	369	5

Состоящий в должности младшего переводчика Астраханской Палаты государственных имуществ Менко-Насун Османов, Яндыковского улуса, Бахунова рода аймаку зайсанга Дорджи-Бадма Церенова.

V. L. Uspensky

**ARCHIVAL MATERIALS ON THE HISTORY
OF THE VOLGA KALMYKS FROM THE COLLECTIONS
OF THE LIBRARY OF SP UNIVERSITY**

Among the Kalmyk manuscripts acquired by the library of the Eastern faculty of SP University in 1863 was a «bundle of various papers which include Kalmyk songs, sayings, tales, and excerpts from the affairs of the Astrakhan chamber of state property». This bundle included materials gathered by G. S. Lytkin (1835—1907), who spent approximately two years in the Kalmyk steppes after completing the university's Eastern faculty in 1858. We learn from his notes that he lived mainly in the «little village» of Tiumenevka in the Astrakhan gubernia, the main headquarters of the Khosheut ulus.

The materials gathered by Lytkin failed to attract attention; moreover, a significant number of them remain uncatalogued to this day.

The «bundle of papers» was later divided into three sections:

1. 40 documents, mainly Lytkin's personal materials. Old call number Xyl. Q 553, inv. No. 1877/1-40.
2. 176 various documents. New call number Calm. C 23, old call number Xyl. F 105, inv. No. 1876/1-176.
3. Uncatalogued materials.

All of these materials can be conditionally divided into three large thematic groups.

I

Materials gathered by Lytkin for the study of the history of the Kalmyks in the 18th century and, especially, their relations with the Russian administrative authorities.

In the main, these are letters from Kalmyk khans and rulers to various Russian officials. They were stored in the archive of the Astrakhan' chamber of state property among the affairs of the main Kalmyk superintendent. (After 1847, this chamber was responsible for administering Kalmyk affairs.) These letters were written largely by Ayuka-khan and his son Chagdorjab. Lytkin copied the Oirat originals of these letters and translated some of them into Russian. Chronologically, the letters (each of which is short) are distributed in the following fashion: for 1708 – 47 letters; for 1711 – 29 letters; for 1715 – 22 letters; for 1717 – 43 letters; for 1719 – 46 letters.

There are copies of documents from the period before the Kalmyks' migration to Jungaria in 1771. We cite an excerpt from an old translation (the Oirat original is available as well) of a letter from Ubashi, a deputy of the Kalmyk khanate (he later headed the migration), from April 25, 1763.

To His Majesty's brigadier, Aleksei Dmitrievich Bakhteev, my faithful friend.

My man rode to the uluses Tsookhury of prince Dundukov and while he slept in his tent, he heard the Kalmyks speaking among themselves that Tsebek and Kiribi and other nearby upper uluses were preparing to march and that there was unease among them.

I wish I could take this to be false, but as demons have inhabited the people of late, one should still take care without error.

We know that in 1861, Lytkin published «A history of the Kalmyk khans, the works of Batur Ubashi of Tiumen» in Astrakhan. Batur Ubashi was the brother of the Khosheut noyon Serbejab Tiumen and a participant in the war against Napoléon. Among the disjointed papers are materials which relate to the Tiumen (see below).

There are also numerous, disjointed materials on the history of the Kalmyks. We mention only the «Mungal and Kalmyk

laws (translation of the law of the Mungal and Kalmyk peoples)». The text is in Oirat with an article-by-article translation into Russian. Judging by the title, this is the first Russian translation of the Mongol-Oirat code of 1640, carried out by Vasilii Mikhailovich Bakunin (died 1766), secretary, and later councilor of the Collegium of foreign affairs. First published in 1776, the Oirat original of this translation is held in the Central State Archive of Ancient Documents.

II

The second group of materials includes information gathered by Lytkin on the life, everyday existence, rituals, and social and economic state of the Kalmyks in his time. Some of the materials are original texts in Oirat, for example Cagan sarayin biciq (inv. No. 1877/9). We also note the «Catalogue of manuscript books used by pious Oirats» (inv. No. 1877/8), a list of 19 works with comments and annotations by Lytkin.

Of great interest is various statistical information about the Kalmyks in the first half of the 19th century. We present, for example, an extract from some short, yet extremely informative, material.

«Statistical information about the Astrakhan' gubernia and the Kalmyks who live in Russia (Report delivered by P. I. Koppenn at a conference of the Imperial Academy of Sciences)»
Date: February 15, 1840.

Reference to an «Overview of the Kalmyk people» by Fadeev, drawn up in June, 1839.

According to this report, the population of this people extends to 57,888 individuals of the male sex and to 39,951 of the female sex, in all up to 97,839 persons who lead a nomadic way of life in 12,967 tents on a territory of 10,197,587 desiatinas [1 desiatina = 2.7 acres] (90,053 square versts or 2,000 square miles). One part of this territory belongs to the Astrakhan' gubernia, another to the Kavkaz oblast'.

Aside from these [Kalmyks], another 42,000 Kalmyks of both sexes live in other parts of Russia, in the Simbir gubernia. The Stavropol' Kalmyk host consists of 3530 persons of both sexes. Between 14,000 and 15,000 persons of both sexes on the

lands of the Don cossacks. More than 24,000 persons of both sexes in the Tomsk gubernia.

From this it follows that the number of Kalmyks in the Russian state is more than 140,000 persons of both sexes.

The following statistical materials are also available:

«Register of the number of clergymen, owners, zaisangs, and commoners of the Kalmyks, of the Kharakhuso-Erdeni ulus, of their tamgas, their encampments, etc.» (inv. No. 1877/2);

«Baga-Tsokhur ulus. Number of aimaks, zaisangs, number of tents, places of encampment, brand, etc.» (inv. No. 1877/32);

«Full list of all Kalmyk lineages of the zaisangs by ulus with [information about] the number of tents» (inv. No. 1877/33) (signed by the supervisor of a school for Kalmyk children).

There are also several area maps (in particular, they depict Bogdo mountain), evidently drawn up by Lytkin as well.

III

The third category includes papers in Kalmyk and Russian of the most varied contents and unclear origin. They would appear to be rough drafts of translations, official letters, documents, etc. There is also a large number of texts in Kalmyk and Russian which aim to popularize medical knowledge among the Kalmyks: information on treating the sick, on cholera, scurvy, the necessity of vaccinations, etc. We also find translations of Christian literature and tales from Russian history. Also of importance are various laws; we note the «Regulations on promissory notes» from 1832. Of some interest are various official letters. We cite here an excerpt from a long letter from Serdejab Tiumen in 1822: «On fishing areas located on land owned by Tiumen»:

«I have in hereditary ownership from my ancestors of the Astrakhan gubernia three woodland properties in the Astrakhan, Enotai, and Krasnoiarsk uezds. They lie on the river Volga. The first is called Korov'ia luzha, the second the island Krugly [Round], and the third the island Peschany [Sandy]. The tents of 1000 Kalmyks subordinate to me are on them.» The writer goes on to enumerate the military campaigns in which he and his ancestors participated. As Tiumen writes,

some of his people serve to maintain the cordon guard against the Kirgiz-Kaisaks, «and they perform these services entirely with their own uniforms, weapons, horses and harnesses, and receive from the treasury no aid aside from a small salary, provisions, and fodder.» Outfitting one tent for dispatch to the cordon costs him personally 1000 rubles. He sent his brother Batur Ubashi with the letter. His request to the authorities comes at the very end of the letter: «That the waters which are part of my woodlands, which are not sea waters, but run through my land, be given to me together with the subordinate Kalmyks as eternal and hereditary property».

In this fashion, the archival materials held in the library of SP University are of a certain interest for studying the history of the Kalmyks in Russia in the 18th—early 19th century, taking into account the fact that many such materials were lost in the 20th century.

И. В. Кульганек

**МОНГОЛЬСКИЙ ФОЛЬКЛОР
В АРХИВЕ ВОСТОКОВЕДОВ
ПРИ СПбФ ИВ РАН**

Монголоязычные фольклорные материалы являются ценными и важными источниками для изучения культуры монгольских народов и истории монголоведения. Именно фольклор из всех сфер творческой деятельности монголов представляет собой явление сугубо национальное, впитавшее в себя многовековую музыкально-поэтическую, речевую, культурную традиции монгольского народа. В фольклоре заключено все многообразие морально-этических представлений народа и как нигде зримо проявляется языковая картина мира. В нем высвечиваются вершины подлинно художественного творчества. В своей безыскусной простоте образцы его пленительны и оригинальны. И поскольку фольклор связан с образно-поэтическим восприятием мира, т. е. с самыми труднодоступными структурами ойкумены, он продолжает оставаться до конца не понятым европейскими исследователями.

Началом его активного собирания в России можно считать середину XIX в., время создания Восточного отделения при Русском географическом обществе в 1851 г., которое с первых дней своего существования стало проявлять большой интерес к сбору материалов по этнографии, религии, творчеству разных народов. С этого времени Санкт-Петербург стал центром востоковедения России. В него стали стекаться лучшие монголоведческие силы. В 1854—1855 гг. открылся Восточный факультет в Санкт-Петербургском университете, где стали готовиться кадры монголо-

ведов. В это время было осуществлено большое количество этнолого-лингвистических экспедиций, что позволило собрать громадный материал по различным говорам монголоязычных народов. В начале XX в. монголоведение в Петербурге было представлено в таких научных учреждениях, как Музей антропологии и этнографии при АН, Радловский кружок при МАЭ, Этнографический отдел Русского музея, Институт буддийской культуры, Ленинградский институт живых восточных языков.

Все это явилось причиной сосредоточения в Петербурге огромного количества архивных материалов, в том числе фольклорных, по Монголии, Бурятии, Калмыкии. Крупнейшими хранилищами стали Санкт-Петербургское отделение Архива академиков РАН, Архив Мемориального музея П. К. Козлова, Архив Географического общества, Архив Института русской литературы (Пушкинский Дом), Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, Архив Российского этнографического музея, Центральный государственный исторический архив. Наибольшее количество монголоязычных фольклорных материалов сосредоточено в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН, который, развивая лучшие традиции отечественного монголоведения, собрал под своей крышей лучших ученых, занимавшихся специально монгольским фольклором.

Уже среди первых поступлений монголоязычных материалов Азиатского музея из библиотеки Академии наук, которым большое внимание уделял первый директор Музея академик Х. Д. Френ, были записи, касающиеся фольклора селенгинских бурят [1]. Они были получены в результате экспедиции по Сибири Д. Г. Мессершмидта (1720—1724), по Забайкалью — Г. Ф. Миллера (1735—1741), Палласа (70-е гг. XVIII в.).

В архиве имеются богатейшие коллекции по фольклору Ц. Жамцарано, Б. Барадийна, Н. Очирова — бурятских ученых-собираателей начала XX в., значительно обогативших отечественное монголоведение. Эти материалы поступили в Азиатский музей из Русского Комитета для исследования Средней и Восточной Азии при К. Г. Залемане, который занимал пост директора на протяжении почти трех десятилетий. Ряд фондов был сформирован из материалов, переданных родственниками ученых А. В. Бурдукова, Н. П. Шастинной, Б. И. Панкратова, Б. Я. Владимирцова. В 1949—

1953 г. личные фонды действительных членов АН СССР и частично фонды членов-корреспондентов были переданы в Архив АН СССР. Среди них оказались фонды Б. Я. Владимирцова (ф. 82). Вместе с материалами, поступившими от дочери Б. Я. Владимирцова — Л. Б. Владимирцовой в 1965 г., они вошли в фонд № 780 (171 дело) Архива АН СССР (ныне Архив академиков РАН, далее СПбО АА РАН). Материалы В. Л. Котвича (ф. 31) были объединены с материалами, поступившими от И. Ю. Крачковского и из Караимского историко-этнографического музея в Вильнюсе, и сейчас составляют ф. 761 (67 дел) в СПбО АА РАН. Архивные материалы В. В. Радлова (ф. 45), объединенные с материалами А. И. Толмачева, полученными в 1936 г., находятся там же в ф. 177 (494 дела). Туда же были перенесены и копии путевых описаний О. М. Ковалевским его путешествия в 1820—1832 гг. в Кяхту и Пекин (ф. 2, оп. 1) и материалы Я. И. Шмидта (ф. 785). В настоящее время Архив востоковедов при СПбФ ИВ РАН, после многократных рефондирований, самое крупное из которых было проведено в результате соединения его с рукописным отделом в 1933 г. [2], а затем выделения вновь в самостоятельную единицу в качестве Архива востоковедов в 1937 г. [3], насчитывает 151 личный фонд, 29 тематических фондов (названных разрядами) и фотоархив, до сих пор не разобранный.

До сих пор не существует ни полного всеобъемлющего описания фольклорных монголоязычных материалов Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН, ни краткого каталога. Некоторая часть их отражена в обзорных статьях С. Ф. Ольденбурга [4], С. А. Козина [5], Н. П. Журавлева и А. М. Мугинова [6], Т. П. Горегляд [7], Л. И. Чугуевского [1], И. И. Иориша [8], Л. С. Савицкого [9], И. Д. Бураева [10], И. В. Кульганек [11], В. Ц. Найдакова [12].

Но, несмотря на отсутствие каталога фольклорных материалов, они всегда вызывали и в настоящее время вызывают большой интерес, о чем говорят учетные листы посетителей Архива востоковедов, где вписано много имен отечественных и зарубежных ученых-монголоведов. Изданные ими фольклорные материалы Архива позволяют в какой-то степени говорить о содержании монгольских коллекций. Прежде всего это издания, предпринятые Бурятским институтом общественных наук, такие как «Бүхү Хара Хүбүн», «Улигеры ононских хамниган», «Бурятский герои-

ческий эпос», «Абай Гэсэр хүбүүн» и др. Архивный материал по монгольязычному фольклору нашел также отражение в статьях, монографиях отечественных и зарубежных ученых.

В настоящее время фольклорные монгольязычные материалы находятся в трех разрядах: р. I, оп. 3: Монголия и Тибет; р. II, оп. 1: Буряты и Калмыки, р. III, оп. 1: Материалы отдельных лиц. Составление их относится к 1937—1938 гг., когда для приведения Архива в порядок была приглашена дирекцией группа из пяти квалифицированных специалистов, возглавил которую известный в те годы архивист, заведующий рукописным отделом Пушкинского Дома Л. Б. Модзалевский. Они стали впервые применять опыт обработки, внедрявшийся тогда в Академии наук. Именно в то время появились описи фондов и разрядов, книга поступлений материалов, были заведены дела фондов — формуляры, содержащие сведения по истории формирования фондов и коллекций [13]. Кроме этих разрядов, фольклорные материалы содержатся в следующих личных фондах:

- ф. 87. Барадийн Базар Базарович. 34 ед. хр.;
- ф. 62. Жамцарано Цыбен Жамцаранович. 148 ед. хр.;
- ф. 44. Позднеев Алексей Михайлович. 319 ед. хр.;
- ф. 29. Ковалевский Осип Михайлович. 29 ед. хр.;
- ф. 60. Голстунский Константин Федорович. 43 ед. хр.;
- ф. 63. Казакевич Владимир Алексеевич. 29 ед. хр.;
- ф. 83. Якимов Василий Дмитриевич. 30 ед. хр.;
- ф. 145. Панкратов Борис Иванович. 501 ед. хр.

Объединение в одну опись материалов по Тибету и Монголии закономерно, так как в то время Тибет и Монголия входили в единый культурно-исторический регион и исследование его осуществлялось одними и теми же учеными. В р. I представляют интерес записи текстов и дневники не только ученых-монголистов, но и людей, волею судеб попавших в Монголию: путешественников, поломников, торговцев. Это «Дневники путешествий Н. Н. Шнитникова (1895) по Северной Монголии», в которых, наряду с подробной фиксацией состояния природы, климата, рельефа Монголии, записано несколько песен (р. I, оп. 3, № 6/629,

тетр. 1.2.3), «Дневники путешествия в Ургу Л. Е. Жапова» (р. I, оп. 3, № 7/375).

В материалах Ц. Д. Номинханова есть обширные фольклорные записи по языку дербетов Северо-Западной Монголии (р. I, оп. 3, № 39). Несколько фольклорных текстов выявлено в материалах, собираемых для изучения редкого монгольского диалекта *задага* (р. I, оп. 3, № 47). Интересны материалы Соднома (р. I, оп. 3, № 48), Гр. Горина (р. I, оп. 3, № 14/374). В сборнике «Монгольский эпос» (р. I, оп. 3, № 56) наряду с «Поучениями Чингиз-хана» и «Историей о двух скакунах» записаны на старомонгольском языке 8-я и 9-я главы «Гэсэра», а также образцы афористической монгольской поэзии. Среди большого количества переводов чиновника иркутского департамента А. В. Игумнова есть стихи о Дар-эхэ (р. I, оп. 3, № 61). В этом же разряде находится статья Т. А. Бурдуковой об искусстве калмыцких сказителей (р. I, оп. 3, № 53) и записи улигеров, сделанные А. К. Богдановым (р. I, оп. 3, № 41).

В разряде «Буряты и Калмыки», насчитывающем 392 дела, основную часть составляет переписка (прошения, разговоры, донесения, петиции, копии документальных материалов степных дум, личных архивов тайшей, родовых начальников) конца XIX—начала XX в., когда в Забайкальской области (Бурятии) были проведены волостная реформа и мероприятия по землеустройству. Здесь имеется некоторое количество фольклорных материалов. Это прежде всего «Материалы по устной народной литературе астраханских дербетов 1909—1911 гг.» Н. Очинова (р. II, оп. 1, № 344), включающие более двухсот загадок и пословиц, более 50 песен на калмыцком языке, а также материалы собирателей Б. Цыренова (р. II, оп. 1, № 550), Г. Хамгашалова, Г. Бертагаева и «других аспирантов ИВ РАН» (р. II, оп. 1, № 358), Ф. В. Муромского (р. II, оп. 1, № 346), И. З. Хамаганова (р. II, оп. 1, № 353). Определенный интерес представляют также содержащее образцы бурятской поэзии сочинение «О бурятах и тунгусах пограничного казачьего войска» майора по особым поручениям, состоящего при генеральном губернском Восточно-Сибирском штабе К. С. Безносика (р. II, оп. 1, № 2), и «Отчет о летней командировке студента А. Борзинкевича в калмыцкие кочевья Астраханской губернии в 1909 г.» (р. II, оп. 1, № 349). Самыми же ранними в этом фонде являются «Граммати-

ческие и словарные материалы по калмыцкому языку, калмыцкие тексты протестантских миссионеров в Сарепте и доставленные в Петербург сыном сарептского аптекаря Гольбаха в начале XX в.».

Особенности формирования единицы хранения из группы рукописей фондообразователя, их суммарное описание затрудняют выявление фольклорного материала. Единицы хранения комплектовались не только по тематическому, но и по географическому, хронологическому, номинальному принципу, в одной единице хранения оказывались разнородные материалы. Не всегда соблюдалось основное правило формирования единицы хранения, по которому она не должна превышать 200 страниц. Можно сказать, что фольклорные образцы часто рассыпаны как жемчужины среди совершенно чужеродного материала. Встречаются явные несоответствия названия единицы хранения ее содержанию, такие, например, как в р. III, оп. 3, № 67.

Наибольшее количество фольклорных материалов сосредоточено в фонде монголоведа проф. Петербургского университета А. М. Позднеева (ф. 44) (из 319 дел, переданных в дар Азиатскому музею вдовой фондообразователя — В. Н. Позднеевой, а затем дочерью — Римской-Корсаковой, фольклорные записи содержатся в 30 ед. хр.), в фонде бурятского ученого, сотрудника Ученого комитета МНР и ЛО ИВ РАН, общественного деятеля, собирателя бурятского и монгольского фольклора Ц. Ж. Жамцарано (ф. 62). О нем другой известный монголовед А. Д. Руднев в свое время сказал, что такое «изумительное количество текстов не собирал, кажется, ни один другой собиратель, ни у какого другого народа». В его фонде из 148 дел, более ранняя часть которых поступила в Азиатский музей через Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии, фольклорный материал находится в 50 единицах хранения.

В фонде Б. Б. Барадийна, монголиста и тибетолога, сотрудника Ученого Комитета МНР и ЛО ИВ РАН, большая часть архива которого находится в БКНИИ (ф. 87), из 34 единиц хранения фольклорные записи есть в 20 единицах хранения. В фонде Б. И. Панкратова, китаиста, маньчжуриста, тибетолога и монголоведа, сотрудника ЛО ИВ РАН (ф. 145), из 501 дела, которые поступили в дар от вдовы Б. И. Панкратова — Н. Б. Родионовой, фольклор занимает 33 единицы хранения. В фонде К. Ф. Голстунского

(ф. 60), материалы которого были выделены из состава его коллекций рукописей и ксилографов, поступивших, по-видимому, в конце XIX в., фольклорные материалы представляют собой главным образом песни; они находятся в 5 единицах хранения. В фондах В. А. Казакевича (ф. 63) и В. Д. Якимова (ф. 83) есть интересные современные легенды монголов, касающиеся личности Джа-ламы. В личных фондах иногда встречаются фольклорные материалы, не принадлежащие фондообразователю. Так, например, в фонде Б. И. Панкратова находятся работы по фольклору Н. Н. Поппе (ф. 145, оп. 3, № 42, 43, 45), Б. Бамбаева (ф. 145, оп. 3, № 84), в фонде А. М. Позднеева есть материалы А. Д. Руднева (ф. 44, оп. 1, № 229), в фонде Ц. Жамцарано имеются материалы С. Дылыкова (ф. 62, оп. 1, № 79, 81) и Д. Цэдэнова (ф. 62, оп. 1, № 127).

Таким образом, фольклорные материалы в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН находятся в фондах: р. I, оп. 3; р. II, оп. 1; р. III, оп. 1, 3; ф. 62; 87; 63; 44; 60; 145; 83; 29, т. е. в 11 (одиннадцати) фондах, и составляют 150 единиц хранения, в которых содержатся более 3000 уникальных фольклорных произведений. Многие из них до сих пор не изданы. Среди материалов встречаются интереснейшие образцы народной литературы по различным говорам монголов, бурят и калмыков, как собственно монгольские (халхасские, дархатские, ордосские, чахарские, абага, суннитские, узумчинские, баргутские, урянхайские, дербетские), так и бурятские (хоринские, агинские, эхиритские, кижингинские, баргузинские, булгатские, аларские) и калмыцкие (донских, ставропольских калмыков).

В настоящее время вопрос о жанровом делении устного фольклора монголоязычных народов остается до некоторой степени открытым, поскольку зачастую оказывается расплывчатым само понятие жанра из-за взаимопроникновения различных его компонентов, что диктуется постоянной динамикой внутрижанровых и межжанровых связей. Неисследованными также являются «специфические понятия и определения, при помощи которых можно было бы описать фольклорные жанры как систему». Однако, исходя из принятой в современной фольклористике классификации деления фольклорных произведений на «роды, жанры и жанровые разновидности», где под родом понимается способ изображения действительности (эпический,

лирический, драматический), под жанром — тип художественной формы (былины, сказка, песня, пословица и проч.), под жанровой разновидностью — тематическая группа произведений (сказки волшебные, сказки о животных, сказки социально-бытовые...), а также опираясь на теоретические исследования в области жанрового определения монголоязычного фольклора современных фольклористов, таких как Г. И. Михайлов, К. Н. Яцковская, Х. Сампилдэндэв, Л. Хурэлбатыр, П. Хорло, С. Ю. Неклюдов, М. И. Тулохонов, С. С. Бардаханова, М. Гадамба, а также их предшественников ученых-монголоведов Ц. Дамдинсурэна, Б. Я. Владимирцова, Г. Д. Санжеева, А. М. Позднеева, было решено фольклорные монголоязычные материалы Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН распределить по следующим разделам:

1. Крупные поэтические жанры: героический эпос — сказания, поэмы (монг. *тууль*);
2. Малые поэтические жанры: восхваления, благопожелания, поучения, речи, песни (монг. *магтаал*, *үг*, *ерөөл*, *сургаал*, *дуу*);
3. Прозаические жанры: легенды, мифы, предания, сказки, сказы, анекдоты, притчи, рассказы (монг. *домог*, *яриа*);
4. Афористические жанры: пословицы, поговорки, загадки (монг. *цэцэн үг*);
5. Конфессиональная поэзия: заклинания, обращения, молитвы, призывания, проклятья (монг. *бө мөргөл*, *хараал*).

Кроме непосредственно записей фольклорных произведений в Архиве есть ряд материалов, имеющих прямое отношение к этому жанру: конспекты, планы, описи фольклорных записей, статьи, лекции по фольклору, ноты.

Особенностью фольклорных монголоязычных материалов Архива востоковедов при СПбФ ИВ РАН, представленных всеми крупными и малыми фольклорными жанрами, является многоаспектность их содержания и разнообразие по форме записи. Часть их относится к концу XIX—началу XX в., т. е. к тому времени, когда ярко проявился интерес к диалектным особенностям языка и живым говорам, к народной литературе. Эти тексты записаны в академической фонетической транскрипции, учитывающей палатализацию, долготу, краткость звуков, уда-

рение в каждом конкретном произношении. Именно в такой транскрипции записано большинство образцов, собранных Ц. Жамцарано, Б. Барадийном, А. Д. Рудневым. Материалы К. А. Голстунского и А. М. Позднева — более раннего периода — представляют собой записи на старомонгольском языке (на уйгурской графике), поскольку собирателей в то время произведения интересовали прежде всего как факт устной литературы народа. Путешественники, не знающие монгольского языка, записывали приблизительное звучание монгольских слов русскими буквами (например Н. Н. Шнитников).

Кроме экспедиционных записей фольклора в Архиве востоковедов есть сборники, составленные по жанровому принципу, например, содержащие только пословицы и загадки (ф. 44, оп. 1, № 86) или песни и благопожелания (ф. 44, оп. 1, № 95). Иногда собиратель располагал материал по диалектам, как, например, Н. Очиров, в одну тетрадь которого вошли загадки и песни на калмыцком языке (р. II, оп. 1, № 333). Есть корректура работы Н. Н. Поппе «Северо-халхасское наречие», которая содержит 20 новых песен, поэму и сказку, к ней приложен рукописный вариант этих песен с переводом (ф. 145, оп. 3, № 43).

В первом выделенном нами разделе — «Крупный поэтический жанр: героический эпос» — находятся главным образом поэмы (бур. *ульгэр*), собранные Ц. Жамцарано и Б. Барадийном во время их этнолингвистических командировок в Забайкалье и Монголию в начале XX в. от Русского Комитета при Академии наук для изучения Средней и Восточной Азии. Это были первые записи бурятского и монгольского фольклора такого рода, когда не пересказ фиксировался, а велась дословная запись всего произведения. Лучшие *улигершины* Забайкалья и Монголии — Маншуд Эмэгенев (Эмегеев), Бутушка Бурлаев, Базар Галданов, Бадма Цырен Дашибалов, Харитон Николаевич Терентьев, Лазарь Бардаханов и др. — пели и рассказывали им иногда по несколько дней кряду, с небольшими перерывами на еду и сон, как это подтверждают «Дневники Ц. Жамцарано» (ф. 62, оп. 1, № 40, тетр. 1—5), свои героические поэмы, насчитывавшие от 5 до 20 тысяч стихов, в которых мифологические представления монголов тесно сплелись с их тысячелетней историей и борьбой за жизнь. Ц. Жамцарано, будучи сотрудником ЛО ИВ АН, успел немало

опубликовать. Из собранного они вместе с А. Д. Рудневым издали 3 тома в пяти выпусках образцов фольклора монгольских племен. Позже не раз Бурятский институт общественных наук обращался к архивному наследию Ц. Жамцарано, хранящемуся в Архиве востоковедов. Но есть еще поэмы, которые ждут своих исследователей и издателей, такие как, например, «Ёндон хан». Эта поэма записана Ц. Жамцарано в 1906 г. от Терентьева в Кудинском ведомстве. Не изданы былины, записанные Б. Барадийном среди агинских бурят «Буха нойон баавай» — от Аюурзаны Намсрайн, насчитывающий 2230 стихов (ф. 87, оп. 1, № 20), «Уншин хара хубүүн» (там же), записи Цыренова «Халдай Мэргэн хан» (р. II, оп. 1, № 350/I), а также «Баян хуурай хан» (р. II, оп. 1, № 359), записанный С. П. Балдаевым, который, по словам Г. О. Туденова, «после М. Хангалова и Ц. Жамцарано открыл в Кудинской степи целую плеяду не менее талантливых *улигершинов*, сказителей и других исполнителей». Большая часть записей сделана в академической фонетической транскрипции, которой можно было с высокой степенью точности отразить особенности диалектного произношения, что превратило эти записи в ценные лингвистические источники по изучению различных диалектов монгольских языков.

Во втором выделенном нами разделе — «Малые поэтические жанры» — находятся произведения любимейших жанров монголов: *уртын дуу* (длинные песни) и *богино дуу* (короткие песни), различающиеся по манере исполнения. В Архиве их огромное количество, среди них есть как обрядовые: хвалы, оды, величальные песни, благопожелания, здравицы, поучения, наставления, так и необрядовые: эпические, исторические, лирические, философские, сатирические. Они сопровождали монгола на протяжении всей его жизни, от колыбели до смерти, поскольку жизнь кочевника, как и жизнь любого члена традиционного общества, была жестко регламентирована и проходила в рамках точных установок в виде обычаев и традиций. Музыкально-поэтические формы творчества были приурочены к каждому событию жизни члена общества.

В Архиве востоковедов есть тексты восхвалений и благопожеланий, собранные среди различных монгольских народностей: дербетов, хорчинов, горлосов, туметов, узумчинов, ордосцев, хори-бурят, суннитов, абага, баргузинцев,

часто — с соблюдением особенностей каждого из этих диалектов. Ценными для фольклориста являются комментарии собирателя к содержанию песен, характеру, поводу исполнения, заметки об информантах, о местности, где собирался данный материал. Наиболее объемные собрания представляют собой записи Ц. Жамцарано — 44 свадебных благопожелания эхирит и булгат (ф. 62, оп. 1, № 1) и Ц. Номинханова — 10 благопожеланий калмыков (р. I, оп. 3, № 39б). Интересны записи собранных последним у дербетов Северо-Запада Монголии (р. I, оп. 3, № 39а) благопожеланий, произносимых «при приготовлении блюда из внутренностей барана», «при дегустации новой водки», «после окончания первого числа первого месяца работы по таврованию и выхолашиванию скота», «во время праздника весны — 21-го числа первого летнего месяца, в честь хозяев земли и воды». В Архиве востоковедов есть несколько записей известнейшего *магтаала* коню, пришедшему первым на скачках. Это запись Х. Номинханова, имеющая 15 стихов (р. I, оп. 3, № 39а, л. 162), запись Б. Барадийна от агинского хори-бурята Ринчин Эрдэни в 98 стихов (ф. 87, оп. 1, № 15, л. 118—122), две записи Ц. Жамцарано, одна из которых сделана от Доржи 18 лет в Майма-хоте и насчитывает 32 стиха (ф. 62, оп. 1, № 2, л. 273), вторая — от Лувсан Цэрэна, 37 лет, халха, в Гударге Цеценхановского аймака 1909—1910 гг. (ф. 62, оп. 1, № 18). Некоторые из них изданы.

Большую часть этого раздела занимают необрядовые малые поэтические формы: эпические, лирические, исторические, религиозные, философские, революционные песни. Их более тысячи. Среди них есть известные исторические песни, такие как о «Торой Банди» (р. I, оп. 3, № 6/629, с. 11—12, 3 тетр.) и о «Шилде Занги» (ф. 62, оп. 1, № 1, л. 95). В Архиве есть немало сборников песен, например в материалах Ц. Жамцарано (ф. 62, оп. 1, № 1), Х. Номинханова (р. I, оп. 3, № 39 а, б, в), Б. Барадийна (ф. 87, оп. 1, № 19). Часть песен вошла в различные издания.

В конце XIX в. у собирателей повысился интерес к информантам. Поэтому в их записях стали появляться пометки о родовой принадлежности, месте жительства, о социальном статусе, об отношениях с родственниками исполнителя. Нередки разъяснения к тексту и сведения об истории создания, значении, месте песни в фольклоре.

Например, среди комментариев Ц. Жамцарано можно встретить такие: «песня-насмешка о кударинце, женившемся на русской, интересна тем, что встречаются русские слова „хорошка“ — „крупа“ и „подавайдла“ — „подавать“» (ф. 62, оп. 1, № 1, л. 261); «песня бродячих лам о времени рождения и учении Шакьямуни и его учеников Сарипуты и Ананды, объясняющая значение символических частей палки и нищенской чаши» (ф. 62, оп. 1, № 2, л. 241). Большинство записей начала XX в. сделаны в академической фонетической транскрипции и сгруппированы с учетом диалектной принадлежности. В архиве есть также описание любимого среди бурят танца «хатарха» (ф. 87 оп. 1, № 16, л. 76) и одни из первых образцов нотных записей монгольских песен, предпринятых Н. Н. Шнитниковым (р. I, оп. 3, 6/629, тетр. 3, л. 10—12).

В третьем разделе — «Прозаические жанры» — находятся предания, легенды, мифы, сказания, бывальщины, сказы, сказки, былички, басни. Как известно, эти жанры часто генетически взаимосвязаны, что затрудняет их классификацию. В архиве есть этиологические легенды, например, о «происхождении вина» (ф. 29, оп. 1, № 25), демонологические, такие как «Черт» (ф. 67, оп. 1, № 15, л. 95), (р. II, оп. 1, № 342), антропогенные — «Легенда о Майдари, который украл у Шигемуни цветок» (ф. 44, оп. 1, № 228, л. 67), охотничьи рассказы (ф. 62, оп. 1, № 15, л. 155), (ф. 62, оп. 1, № 18), есть сказки о Бегирмеджид-хане, имеющие санскритский литературный источник, ставший на несколько веков чрезвычайно популярным в Монголии, Бурятии, Калмыкии (ф. 62, оп. 1, № 12, л. 73—84), генеалогические предания о происхождении родов эхирит и булгат (ф. 62, оп. 1, № 40 (6), л. 63), несколько сказок о Балан Сенге (или Далан Худалчи) — хитром бродячем монахе, дурачившем богачей, незадачливых путников и жадных хозяев (ф. 62, оп. 1, № 40 (4), л. 32—39), (ф. 62, оп. 1, № 2, л. 99—106). Существует немало изданий монгольских, бурятских, калмыцких сказок.

В раздел «Афористические жанры» помещены пословицы, поговорки (*зүйр цэцэн үг*), загадки (*оньсого*). «Ими обосновывают свои положения, дают прогнозы, выражают сомнения, упрекают, оправдываются или извиняются в чем-то, утешают кого-то, издеваются, злорадствуют над кем-то, жалеют, обещают, разрешают, приказывают, запрещают»

ют». Однако функции пословиц и поговорок монголоязычных народов, как и паремий многих других народов, во всей их полноте не выявлены. Поэтому классификация изречений по функциональному назначению и смысловой структуре все еще остается одной из актуальных проблем дальнейших паремиологических исследований. Образцы афористической поэзии часто живут как вкрапления в более крупных фольклорных формах, таких как улигеры, эпические песни. Их много в «Гэсэре», в «Алтай Цаган Хубун». Есть целые собрания пословиц и загадок. Иногда собиратели объединяли их в одну тетрадь по тематическому принципу, например, пословицы «о нравах» (ф. 44, оп. 1, № 88) или «о женщине» (ф. 44, оп. 1, № 3). Иногда мудрые изречения собирались по диалектному принципу, как, например, записи Х. Номинханова (р. I, оп. 3, № 39а). Самыми объемными являются записи А. М. Позднеева: одна тетрадь насчитывает 86 монгольских поговорок (ф. 44, оп. 1, № 86), другая — 97 монгольских пословиц (ф. 44, оп. 1, № 88). Много афоризмов записано Н. Очировым: одна его тетрадь содержит 115 калмыцких пословиц (р. I, оп. 1, № 344).

Большой популярностью среди монголоязычных народов пользуются загадки и пословицы. По своей структуре они бывают дву-, трех- и четырехчленны, т. е. представляют собой дву-, трех- и четырехстишия — так называемые «триады» и «катрены». В Архиве востоковедов их также достаточно много. Среди загадок и пословиц есть халхаские, дербетские, узумчинские, абага, суннитские, хэшигтен, ордосские, чахарские. Многие из них изданы.

В разделе «Конфессиональная поэзия» сосредоточен материал, имеющий отношение к древнейшей вере монголоязычных народов — к шаманизму, выработавшему различные словесно-поэтические ритуальные формы: заклинания, молитвы, заговоры, проклятья, призывания, сопровождавшие шаманские обряды. По представлениям древних людей, произносимые слова обладали магической силой и помогали при преодолении препятствий, выполнении трудных заданий, воскрешении умерших, признании родства, избавлении от болезней и несчастий, т. е. во всех делах, на которые они были направлены. Наибольшее количество материалов относится к бурятскому шаманизму и содержит тексты, произносимые почти при всех видах

шаманских обрядов: *ду хаалга* (монг. *сацал*, обряд капанья, брызганья) (р. II, оп. 1, № 343); *хаялга* (более сложный обряд, который включает, кроме брызганья, предварительное очищение жертвенной пищи и еды огнем и благовоениями, развешивание ленточек, веток березы) (ф. 44, оп. 1, № 30); *захил* — следующая ступень обряда жертвоприношения, заключающаяся в заклании одного или нескольких животных, с последующим выставлением на шесте *зухли* — кожи жертвенного животного с головой, конечностями и хвостом. Этот обряд совершается только с помощью шамана в случае тяжелой болезни, несчастья или гибели скота (ф. 44, оп. 1, № 37), (р. II, оп. 1, № 353). Записи шаманской поэзии, хранящиеся в Архиве востоковедов, ценны тем, что почти все они содержат комментарии к текстам, например, пространный комментарий имеет текст призывания, записанный Н. Хамагановым (р. II, оп. 1, № 353). В ф. 28, оп. 1, № 255 имеется не только текст молитвы шамана на свадебном вечере, но и описание всего обряда сватовства с участием шамана. А. Д. Корнаков, приводя похоронное молебствие, описывает все похороны Танцзин-ламы, где шаману отведена определенная роль (р. I, оп. 3, № 26). Собратель Уланов приводит тексты калмыцких шаманов, рассказывая при этом об обычаях жертвоприношения (ф. 28, оп. 1, № 262). Самый богатый материал по шаманской поэзии собрал Ц. Жамцарано, среди его записей 28 текстов с комментариями, касающимися как самих текстов, так и описаний обрядов, таких как «обряд призывания души», «вымаливания детей», «призывания к богам западным и восточным», «о 12 пятницах», «о большом и малом тайлганах» (ф. 62, оп. 1, № 15, 18, 40 (1—5 тетр.)). Изданы из них очень немногие.

В большинстве своем все это богатейшее наследие ждет своего исследователя и издателя.

Литература

1. Чугуевский Л. И. Архив востоковедов (б. Азиатский музей) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XXIII годовичная сессия ЛО ИВ АН СССР: Материалы отечественного востоковедения. Ч. III. М., 1990.
2. СПОАА РАН, ф. 152, оп. 1, д. 328.
3. СПОАА РАН, ф. 152, оп. 3а, д. 35.

4. *Ольденбург С. Ф.* Азиатский музей // Азиатский музей Российской Академии наук, 1818—1918: Краткая памятка. СПб., 1920. С. 6—7.

5. *Козин С. А.* Азиатский архив при Институте востоковедения Академии наук СССР // Библиография Востока. Институт востоковедения СССР. Л., 1934. Вып. 5—6. С. 55—56.

6. *Журавлев Н. П., Мугинов А. М.* Краткий обзор архивных материалов, хранящихся в Секторе восточных рукописей Института востоковедения АН СССР // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. VI. М., 1953. С. 34—53.

7. *Горегляд Т. П.* Обзорение архивных материалов Ц. Ж. Жамцарано // Бюллетень архива востоковедов. Вып. I. Л., 1961. С. 11—13.

8. *Иорши И. И.* Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда. История, право, экономика. М., 1966; *Он же.* Обзорение архивных материалов Позднеева А. М. // Бюллетень Архива востоковедов. Вып. 2. 1961. С. 1—12.

9. *Савицкий Л. С.* Обзорение архивных материалов Барадийна Б. Б. // Бюллетень Архива востоковедов. Вып. 3. Л., 1963. С. 1—28; *Он же.* Обзорение фонда Б. Б. Барадийна в собрании архивных материалов ЛО ИВ АН СССР // Письменные памятники и проблемы истории культур народов Востока: XXIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР: Материалы по истории отечественного востоковедения. Ч. III. М., 1900. С. 141—170.

10. *Бураев И. Д.* Рукописный фонд Ц. Жамцарано в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР // Цыбен Жамцарано, жизнь и деятельность: Доклады и тезисы научной конференции. Улан-Удэ, 1991. С. 55—63. Далее: Жамцарано. Доклады...

11. *Кульганек И. В.* Песенники из монгольского рукописного фонда ЛО ИВ АН СССР // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск, 1985. С. 63—71.

12. *Найденов В. Ц.* Изучение и издание фольклорного наследия Ц. Ж. Жамцарано // Жамцарано. Доклады... С. 5—13

13. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 января 1929 г. об утверждении Положения об архивном управлении РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. М., 1929. № 16. С. 173.

I. V. Kulganek

**MONGOLIAN FOLKLORE
IN THE ORIENTALISTS' ARCHIVE
AT THE SAINT-PETERSBURG BRANCH
OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
(SPBIOS)**

Mongolian-language folklore materials are valuable and important sources for the study of the culture of the Mongolian peoples and the history of Mongolian studies.

The largest amount of Mongolian-language materials is concentrated in the Orientalists' Archive at the SPBIOS, which, in the best traditions of Russian Mongolian studies, brought together the strongest specialists in the field.

Among the first Mongolian-language materials acquired by the Asiatic Museum from the library of the Academy of Sciences, which were accorded great importance by the Museum's first director, C. D. Fraehn, were records of the folklore of the Selengin Buryats [1]. They were gathered during D. G. Messerschmidt's Siberian expedition (1720—1724), G. F. Miller's expedition to Zabaikal'e (1735—1741), and Pallas' expedition (1770s).

The Orientalists' Archive at present holds 151 personal archives, 29 subject archives (called categories [razriady]), and a still-unsorted photo archive. The current scheme emerged after numerous re-organizations, the most significant of which was conducted after the combination of the orientalists' archive with the manuscript collection in 1933 [2], although the orien-

talists' archive was reconstituted as an independent unit in 1937 [3].

At present, there is neither an all-encompassing description of the Mongolian-language folkloric materials in the Orientalists' Archive, nor a brief catalog.

At the current time, Mongolian-language folklore materials are contained in three categories: cat. I, inv. 3 «Mongolia and Tibet»; cat. II, inv. 1 «Buryats and Kalmyks»; cat. III, inv. III «Materials of individuals». They were drawn up in 1937—1938.

Additionally, folklore materials are contained in the following personal collections:

- f. 87 Baradiin Bazar Bazarovich 34 items,
- f. 62 Zhamtsarano Tsyben Zhamtsaranovich 148 items,
- f. 44 Pozdnev Aleksei Mikhailovich 319 items,
- f. 29 Kovalevskii Osip Mikhailovich 29 items,
- f. 60 Golstunskii Konstantin Fedorovich 43 items,
- f. 63 Kazakevich Vladimir Alekseevich 29 items,
- f. 83 Iakimov Vasili Dmitrievich 30 items,
- f. 145 Pankratov Boris Ivanovich 501 items.

In cat. I, of interest are not only the records and diaries of specialists, but also those of individuals who found themselves by chance in Mongolia: travelers, pilgrims, merchants.

The Materials of Ts. D. Nominkhanov contain extensive folklore notes on the language of the Derbets of North-Western Mongolia (cat. I, inv. 3, No. 39). This collection also includes several folklore texts from materials gathered for the study of the rare Mongolian dialect of zadaga (cat. I, inv. 3, No. 47).

The major part of category II, inventory 1, «Buryats and Kalmyks», which contains 392 items, is comprised of administrative correspondence from the end of the nineteenth and beginning of the twentieth centuries, when a volost'-level reform of land-tenure regulations was conducted in the Zabaikal oblast' (Buryatia) — applications, sentences, reports, petitions, copies of documentary materials of the steppe Dumas, personal archives of the taishes and clan elders. Among these are also folklore recordings and materials on folklore. Of primary importance are: «Materials on the oral folk literature of the

Astrakhan' Derbets, 1909—1911» by N. Ochirov (cat. II, inv. I, No. 344), which contain more than 200 riddles, sayings and more than 50 songs in Kalmyk; materials gathered by B. Tsyrenov (cat. II, inv. I, No. 550), G. Khamgashalov, G. Bertagaev and «other graduate students of the Academy of Sciences Institute of Oriental Studies (cat. II, inv. I, No. 358); materials of F. V. Muromskii (cat. II, inv. I, No. 346); materials of I. Z. Khamaganov (cat. I, inv. I, No. 353). Of definite interest is a work entitled «On the Buryats and Tungus of the frontier cossack host» by major K. S. Beznosik, appointed for special assignments to the General provincial Eastern Siberian staff, which contains examples of Buryat poetry (cat. II, inv. I, No. 2); «Report on a summer commission to the Kalmyk nomadic encampments of the Astrakhan' Province in 1909 by student A. Borzinkevich» (cat. II, inv. I, No. 349). The earliest material is found in «Grammatical and lexical materials on the Kalmyk language, Kalmyk texts of Protestant missionaries in Sarept, brought to Petersburg by Gol'bakh, son of a Sarept pharmacist, at the beginning of the twentieth century».

The greatest amount of folkloric material is concentrated in the following personal collections: the Mongolian studies specialists, prof. of Petersburg University, A. M. Pozdneev (f. 44); the Buryat scholar, public figure, collector of Buryat and Mongol folklore, member of the Scholarly Committee of the Mongolian Peoples Republic and member of the Leningrad Branch of the RAS IOS, Ts. Zh. Zhamtsarano (f. 62); B. B. Baradiin (f. 87), Mongolian and Tibetan studies specialist, member of the Scholarly Committee of the MPR and LB RAS IOS; B. I. Pankratov, Sinologist, specialist in Manchu, Tibetan, and Mongolian studies, member of the LB RAS IOS (f. 145); K. F. Golstunskii (f. 60).

The personal archives also contain materials which belong to other individuals: in B. I. Pankratov's archive we find works on folklore by N. N. Poppe (f. 145, inv. 3, Nos. 42, 43, 45) and B. B. Bambaev (f. 145, inv. 3, No. 84); in A. M. Pozdneev's archive, we find materials belonging to A. D. Rudnev (f. 44, inv. 1, No. 229); in Ts. Zhantsarano's archive, we find materials belonging to S. Dylykov (f. 62, inv. 1, Nos. 79, 81) and D. Tsendenov (f. 62, inv. 1, No. 127).

Thus, folklore materials in the Orientalists' Archive are found in eleven collections and make up 150 items which contain more than 3,000 unique works of folklore. Many of them have not yet been published. Among these materials are fascinating examples of folk literature in various dialects of the Mongols, Buryats, and Kalmyks: Mongolian (*khalkha, darkhat, ordos, chakhar, abaga, sunit, uzumchin, bargu, uryankhai, derbet*), Buryat (*khorin, agin, ekhirit, kizhingin, barguzin, bulgat, alar*), and Kalmyk (*Don, Stavropo*).

The following classification of Mongolian-language folklore materials in the Orientalists' Archive has been established:

1. Large poetic genres: the heroic epic, narratives, poems (Mong. *tuul*).

2. Short poetic genres: praise, good wishes, exhortation, speeches, songs (Mong. *magtaal, ug, erool, surgaal, duu*).

3. Prose genres: legends, myths, traditions, stories, narratives, jokes, parables, tales (Mong. *domog, yaria*).

4. Aphoristic genres: proverbs, sayings, riddles (Mong. *tsetsen ug*).

5. Shamanist poetry: incantations, appeals, prayers, invocations, curses (Mong. *bo, morgol, kharaal*).

In addition to direct recordings of folklore materials, the Archive contains a number of materials directly related to the genre: notes, plans, inventories of folklore recordings, articles, lectures on folklore, musical scores.

The key feature of the material, which covers all large and small folklore genres, is its multi-faceted content and the diversity of the recordings, since they were made by a large number of people at various times and for various purposes. Some of them date from the late nineteenth and early twentieth centuries, when there was great interest in dialect differences, living dialects, and folk literature.

Aside from the expeditionary folklore recordings, the Orientalists' Archive also contains collections drawn up on the basis of genre. Some, for example, contain only proverbs and riddles (f. 44, inv. 1, No. 86), or songs and good wishes (f. 44,

inv. 1, No. 95). Certain collectors arranged their material by dialect, as did N. Ochirov, who included in one notebook riddles and songs in Kalmyk (cat. II, inv. 1, No. 333). There are proofs of a work by N. N. Poppe entitled «The North-Khalkha dialect», which contains 20 new songs, a poem, a story, and an appendix with the manuscript variant of these songs and translation (f. 145, inv. 3, No. 43).

The first category, «Large poetic genre, heroic epic», presents for the most part poems (Bur. *ulliger*) collected by Ts. Zhamtsarano and B. Baradiin during their ethno-linguistic missions to Zabaikal'e and Mongolia at the beginning of the twentieth century on behalf of the Russian Committee for the study of Central and Eastern Asia. These were the first recordings of Buryat folklore which recorded entire works rather than retelling them.

The second category contains works in the Mongols' favorite genres: «urtyn duu» (long songs) and «bogino duu» (short songs), which differ in manner of performance.

Of value to folklorists are commentaries by collectors on the contents of songs, the manner and occasion of their performance, notes on informants and the place where the materials was gathered.

The third category includes etiological legends such as «On the origin of wine» (f. 29, inv. 1, No. 25), demonological, such as «Devil» (f. 67, inv. 1, No. 15, f. 95; cat. II, inv. 1, No. 342), anthropogenic, such as the «Legend of Maidari, who stole a flower from Shigemuni» (f. 44, inv. 1, No. 228, f. 67), hunting tales (f. 62, inv. 1, No. 15, f. 155; f. 62, inv. I, No. 18). There are stories of Bigermidzhid khan which have a Sanskrit literary source and were extremely popular for several centuries in Mongolia, Buryatia and Kalmykia (f. 62, inv. 1, No. 12, ff. 73—84), genealogical traditions on the origin of the ekhirit and bulgat clans (f. 62, inv. 1, No. 40 (6), f. 63), several tales about Balan Senge (or Dalan Khudalchi), a clever, wandering monk who fooled the rich, unlucky travelers, and greedy proprietors (f. 62, inv. 1, No. 40 (4), ff. 32—39).

The section «Aphoristic genres» contains sayings, proverbs (*zuir, tsetsen, ug*), and riddles (*onsogo*). Collectors sometimes

grouped them into a single quire along thematic lines; for example, saying «on mores» (f. 44, inv. I, No. 88), or «on women» (f. 44, inv. I, No. 3). Wise sayings were sometimes collected on dialectical principles, such as the notes of Kh. Nomin-khanov (cat. I, inv. 3, No. 39a). The most extensive are the notes of A. M. Pozdnev: a single quire contains 86 Mongolian sayings (f. 44, inv. I, No. 86), another, 97 Mongolian proverbs (f. 44, inv. I, No. 88). Many aphorisms were written down by N. Ochirov: a single quire contains 115 Kalmyk proverbs (cat. I, inv. I, No. 344).

The final section, «Confessional poetry», brings together materials related to the ancient faith of the Mongolian peoples, shamanism, and its various literary-poetic forms: incantations, prayers, spells, curses, invocations. Recordings of shamanist poetry in the Orientalists' Archive are valuable, for they all contain commentaries on the texts.

The richest materials on shamanist poetry was gathered by Ts. Zhamtsarano; we find among his notes 28 texts with commentary both on the texts themselves and descriptions of rituals such as the «ritual for invoking a soul», «begging for children», «calling to the gods of the west and the east», «on the 12 Fridays», «on the large and small taylgans» (f. 62, inv. I, No. 15, 18, 40 (quires 1—5)). Only a few of them have been published.

Notes

1. *Chuguevskii, L. I.* Arkhiv vostokovedov (b. Aziatskii muzei) [Orientalists' archive (from Asiatic Museum)] // *Pis'mennye pamiatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka, XXIII godichnaia sessiia LO IVAN SSSR, materialy otechestvennogo vostokovedeniia. Part III, Moscow, 1990.*
 2. SPOAA RAS, f. 152, inv. I, file 328.
 3. SPOAA RAS, f. 152, inv. 3a, file 35.
-

В. К. Шивлянова

**ФОНОЗАПИСИ МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ
В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ**

Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинский Дом) в настоящее время является уникальным хранилищем фонозаписей музыкального фольклора различных народов мира, в т. ч. и тюрко-монгольских. Его основание принято относить к 1926 г., когда при содействии Наркома просвещения СССР А. В. Луначарского по аналогии с первыми зарубежными фонограммархивами был создан Фонограммархив народной музыки Государственного института истории искусств Ленинградского отделения Академии искусствознания. В системе Академии наук СССР Фонограммархив развивался как подразделение сначала Института по изучению народов, а с 1938 г. — Института русской литературы в статусе Этномузыковедческого фонограммархива с Лабораторией звукозаписи и звукокреставрации (далее: ФА ИРЛИ РАН).

Коллекции фонозаписей фольклора тюрко-монгольских народов попадали в ФА ИРЛИ РАН различными путями. Они в основном передавались учреждениями и институтами Академии наук СССР, а также лично самими собирателями фольклора. Так, коллекция валиков Б. Я. Владимирцова с записями, произведенными им в Монголии, была передана в 1931 г. из бывшего Азиатского музея Академии наук сначала в Фонограммархив фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР, а затем после Великой Отечественной войны

вместе со всем Фонограммархивом — в ИРЛИ РАН. Другие коллекции поступали из Библиотеки АН СССР, Музея антропологии и этнографии АН СССР (МАЭ), Института народов Севера, Ленинградской государственной консерватории.

В результате экспедиционной работы, проводившейся на протяжении прошлого столетия большим числом ученых и путешественников в различных регионах, где проживают тюрко-монгольские народы, в ФА ИРЛИ РАН накоплен огромный материал. Звукозаписи сделаны на разной аппаратуре — от фонографа до современной аудиотехники. Поэтому они представлены как на восковых валиках, так и на дисках CD.

Ценный звуковой фонд, как правило, сопровождается полевыми дневниками ученых, текстами песен, фотографиями. Кроме того, в ФА ИРЛИ РАН хранятся рукописи песенных сборников, создававшихся по материалам некоторых фольклорных экспедиций.

Фонозаписи выполнялись на территории как России, так и Средней Азии, Казахстана, республик Закавказья, а также в Монголии и Китае. В силу профессиональных интересов мною были детально изучены коллекции калмыцких и монгольских звукозаписей эпических сказаний, народных песен, инструментальной музыки, а также рукописные песенные сборники. Результатом этой работы стал ряд публикаций¹. В то же время до сих пор еще не предпринимались попытки каталогизации и систематизации всего имеющегося в ФА ИРЛИ РАН материала по тюрко-монгольскому фольклору, нотной расшифровки всех валиковых записей народных песен и инструментальных наигрышей этих народов, а также подготовки к изданию имеющихся рукописных сборников фольклора интересующих нас народов. Валиковые звукозаписи музыкального фольклора тюрко-монгольских народов, ранние из которых датируются концом XIX в., являются важнейшим источниковедческим материалом для научного осмысления процессов, происходивших в живой фольклорной традиции на протяжении прошедшего столетия. Поэтому актуальным представляется скорейшее введение в научный оборот большого количества произведений музыкального фольклора тюрко-монгольских народов из фондов ФА

ИРЛИ РАН, известных до сих пор лишь узкому кругу специалистов.

Одним из начальных этапов работы в данном направлении является публикация краткого описания тюрко-монгольских валиковых коллекций из собрания ФА ИРЛИ РАН. Ключевым пунктом представляемой краткой описи становится «народ», далее указываются имена собирателей фольклора, дата и место записи, содержание звукозаписей, номера валиков.

Т а б л и ц а

№	Народ	Собиратель	Дата и место записи	Содержание записи	№ валика
1	2	3	4	5	6
1	Алтайцы	Анохин А. В.	1910 г., июль-август, Алтай, р. Чичке, Эремес, Акайры, Тунди, Куюм	Шаманские камлания. «Кай» — эпос, сказка «Чорчок», «кожон» — напевные формы с текстами различного содержания: свадебно-обрядового, исторического, религиозного	2238—2278
		Данилин А. Г., Каруновская Л. Э.	1928 г., Ойратская АО, Ур. Инди-геш	«Хан Алтай» — эпическая песня, колыбельные, свадебные, религиозные песни, телеутские календарные песни	4702—4706, 4708—4730
2	Башкиры	Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.	1927 г., Ленинград, Институт живых восточных языков (Детское село)	Песни	1380—1383

1	2	3	4	5	6
3	Буряты	Писарев С.	1931 г., г. Оренбург	Исторические песни, наигрыши на курае	3350—3356
		Лебединский Л. Н.	1937 г., Башкирская АССР, г. Уфа	Исторические песни, свадебные и семейно-бытовые песни, наигрыши на курае	4118—4167
		Петри Б. Э.	1912—1913 г., Иркутская губерния, Иркутский и Верхоленский уезды, Кудинские степи	Шаманские молитвы, обряды жертвоприношений, хоровые песни, свадебные благопожелания, ламские напевы	1071—1103
4	Казахи	Кершнер Л. М.	1929—1930 гг., Бурятская АССР, Селенгинский р-н, г. Верхнеудинск, Хоринский р-н, г. Хоринск	Музыка и молитвы из Гусиноозерского и Эгетувского дацанов, народные песни	3196—3246
		Д-р Карутц	1905 г., Зап. Туркестан, г. Казалинск	Лирические песни под аккомпанемент ситара	4946—4950
		Джубанов А. К.	1931 г., Казахстан, Темирский р-н	Народные песни	2297—2302
		Магид С. Д.	1934 г. (?)	Инструментальная музыка (домбра)	3607—3610

1	2	3	4	5	6
5	Калмыки	Очиров Н. О.	1908—1909 гг., Калмыцкая степь Астраханской губернии, Малодербетовский улус	«Джангар» — эпос, буддийские молитвы, ут дуд — протяжные песни, благопожелания	3109—3145
		Бурдукова Т. А.	1937 г., Калмыцкая АССР, г. Элиста, Приволжский, БагаЦохуровский улусы	ут дуд — протяжные песни, ахр дуд — короткие песни, инструментальные наигрыши (домбра, скрипка)	4444—4459 5175—5191
		Бурдуков А. В., Гоухберг Ф. Н.	1939 г., июль-август, Калмыцкая АССР, Черноземельский, Троицкий, Приволжский, Улан-Хольский улусы; Калмыцкий р-н Ростовской области, (ст. Ново-Николаевская, ст. Кутейниковская)	«Джангар», протяжные и короткие песни, инструментальная музыка (домбра, скрипка, бишкюр, саратовская гармонь)	4651—4689
6	Киргизы	Неизвестный собиратель	Без даты и места	Былина про Семетей-батыра	3300—3305
7	Монголы ²	Намнан Дорджи	1928 г., МНР, Урга (Улан-Батор)	Монгольские песни, музыка монгольского и китайского театров, молитвы	931—966

1	2	3	4	5	6	
8	Татары	Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.	1927— 1928 гг., г. Ленинград, Институт живых вос- точных язы- ков	Народные песни	1763—1776	
		Берлин- ский П. М.	1930 г., г. Улан-Удэ	Репертуар Ульдзуй — Лубсан-хурчи	5137—5139	
		Губай- дуллин Г.	1934 г., Та- тарская АССР	Народные пес- ни и танцеваль- ная музыка	3698—3724	
9	Татары Касимов- ские	Ключарев	1935 г., Мо- сковская обл., г. Касимов	Народные пес- ни и танцеваль- ная музыка	3748—3777	
			1937 г., г. Казань	Народные пес- ни и танцеваль- ная музыка	4610—4628	
			Татары Крым- ские	Томи- лин В. К.	1936 г., Крымская АССР, г. Симферо- поль	Песни и инст- рументальная музыка
10	Турк- мены	Рыба- ков С.	Эвальд З. В.	1937 г., г. Ленинград	Песни и инст- рументальная музыка	4524—4528
			1899 г., Туркменис- тан, Ашха- бад, аул близ Мерва	Мелодии для тюдюков, со- стояния двух певцов, молит- вы, песни	1900—1945	
			Конда- уров	1932 г., Таджикская ССР, Джи- ликульский р-н	Песни	3182—3195
		Димент- ман Э. М.	1937 г., г. Ашхабад	Песня из поэмы «Шах-Сенем»	4424—4443	

1	2	3	4	5	6
11	Телеуты	Анохин А. В.	1911 г., Алтай, с. Чолукой	Моления кама, заклинания, песни	2205—2221
12	Узбеки	Рыбаков С.	1899 г., г. Ташкент, Самарканд, Бухара	Стихи поэта Фирката, песни, Бухарский марш	1960—1968
		Залеман К.	1908 г., г. Самарканд	Пение и чтение Корана, духовные стихи	3393—3418
		Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.	1929 г., г. Самарканд, Коканд, Бухара	«Алпамыш» — эпос, культовые песни (зикр), макамы, плясовые песни	1633—1696
		Штрейхер Л. Л.	1931 г., ст. Бухара, Самарканд	Наигрыши на дойре и тамбуре, домбре и нае, песни, Эмирский марш	4731—4747
		Писарев С.	1931 г., г. Коканд, г. Фергана	Песни и танцы	3357—3372
13	Уйгуры Желтые	Малов С. Е.	1909—1911 гг., Центральный Китай, провинция Ганьсу (дер. Лянхуаян), Китайский Туркестан, Синьцзян (Оазис Хами, г. Урумчи)	Песни, сказки, рассказы о похоронах, обрядах, торжественная речь, загадки, стихотворения, молитвы мусульманские	2926—3015
14	Хакасы (сагайцы, шорцы, белтиры)	Майнагашев С. Д.	1913 г., майиюнь, Хакасская обл., улус Кызласов по р. Еси	Шаманские камлания, образцы речи	1034—1052

1	2	3	4	5	6
	(сагайцы, кызыльцы, качинцы)		1914 г., там же, Ачинский уезд, улусы Чиптыков, Кызыл-Гуль, Тастар, Сибег-кичик, Шоевский, Тогыргы	Шаманские камлания, песни, рассказы, напевные импровизации	1104—1152

Большое количество звукозаписей было произведено в последние три десятилетия с помощью современной студийной техники. Коллекции тюрко-монгольского фольклора пополнились магнитофонными записями тувинского, якутского, киргизского, монгольского, калмыцкого фольклора. В создании современного фонофонда непосредственное участие принимали сотрудники как Лаборатории звукозаписи и звукореставрации ФА ИРЛИ РАН, так и бывшей Фольклорной комиссии СССР во главе с Э. Е. Алексеевым. Ими регулярно проводились комплексные фольклорные экспедиции на территории нашей страны и за рубежом. В настоящее время в ФА ИРЛИ идет планомерная работа по производству дисков CD. Часть записанного на магнитофонные ленты фольклора тюрко-монгольских народов после компьютерной реставрации уже представлена на этих дисках.

Примечания

¹ См.: *Шивлянова В. К.* Хранитель народной музыки // Теегин Герл (Свет в степи). Элиста, 1989. № 2. С. 88—89; *Она же.* Музыка «Джангара»: Сборник эпических напевов. Элиста. 1990; *Она же.* Коллекция валиков Б. Я. Владимирцова в Пушкинском Доме // *Mongolica—III*: Из архивов отечественных монголоведов XIX—начала XX в. СПб., 1994. С. 86—88; *Она же.* Тибетский молитвенный напев // Мандала. № 6, 7. Элиста, 1995/1996. С. 38; *Она же.* К вопросу о реконструкции мелодики буддийских молитв в калмыцких храмах // Буддизм в системе мировой цивилизации: Сборник тезисов и сооб-

шений общероссийской научной конференции, 21—25 сентября 1998 г. Элиста, 1998. С. 27—28; *Она же*. А. М. Листопадов. Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 г. (Публикация) // Из истории русской фольклористики: Сборник научных трудов. СПб., 1998. Вып. 4—5. С. 541—560.

² Об ойратской коллекции, записанной Б. Я. Владимирцовым в Северо-Западной Монголии в 1912—1913 гг., см.: *Шивлянова В. К.* Коллекция валиков Б. Я. Владимирцова...

V. K. Shivlyanova

**PHONOGRAM RECORDINGS OF THE FOLKLORE
OF TURKIC-MONGOLIAN PEOPLES
AT THE PUSHKIN HOUSE**

The phonogram archive of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) is at present a unique repository of recordings of the musical folklore of various peoples of the world, including the Turkic-Mongolian peoples. It was founded in 1926, when A. B. Lunacharskii, with the support of the USSR Narkom of Education, created a Phonogram Archive of folk music similar to those which already existed abroad at the State Institute for the History of the Arts of the Leningrad Section of the Academy of Art History. Within the USSR AS, the Phonogram Archive at first developed as a subdivision of the Institute for the Study of Peoples; after 1938, as a subdivision of the Institute of Russian Literature as the Ethno-Musicological Phonogram Archive with a Laboratory of Sound Recording and Sound Restoration (henceforth abbreviated FA IRLI RAN).

Recordings of Turkic-Mongolian folklore made their way to FA IRLI RAN by various routes. They were, for them most part, donated by institutions and institutes of the USSR Academy of Sciences, as well as by personal collectors of folklore. For example, B. Ia. Vladimirtsov's collection of cylinders with recordings which he made in Mongolia was transferred in 1931 from the former Asiatic Museum of the AS to the Phonogram Archive of the folklore section of the Institute of Anthropology, Ethnography, and Archeology of the USSR AS. After WWII, it

was moved, together with the entire Phonogram Archive, to IRLI RAN. Other collections were acquired from the Library of the USSR AS, the USSR AS Museum of Anthropology and Ethnography (MAE), the Institute of the Peoples of the North, and the Leningrad State Conservatory.

As a result of expedition work conducted over the past century by a large number of scholars and travelers in various regions inhabited by Turkic-Mongolian peoples, the FA IRLI RAN has acquired a vast amount of material. Sound recordings were made on various types of equipment, from the phonograph to modern audio technology. Hence, we find there both wax cylinders and compact discs.

This valuable sound archive is usually accompanied by the field diaries of scholars, texts of songs, and photographs. Moreover, the FA IRLI RAN contains manuscripts of song collections created on the basis of the materials of several folklore expeditions.

The sound recordings were made in Russia, Central Asia, Kazakhstan, Transcaucasia, and Mongolia and China. Thanks to my professional interests, I have conducted a detailed study of the collections of Kalmyk and Mongol sound recordings of epic narratives, folk songs, instrumental music, and song collections in manuscript. This work has resulted in a number of publications¹. At the same time, there have not yet been any attempts to catalogue and systematize the Turkic-Mongolian folklore material at FA IRLI RAN, to transcribe in musical notation the cylinder recordings of folk songs and instrumental music of these peoples, or to prepare for publication existing manuscript folklore collections. Cylinder sound recordings of the musical folklore of the Turkic-Mongolian peoples, the earliest of which date to the end of the 19th century, provide important source material for the scholarly examination of the processes that affect living folklore traditions over the centuries. For this reason, it would seem timely to introduce into scholarly circulation as quickly as possible the large amount of Turkic-Mongolian musical folklore works from the collections of FA IRLI RAN which are today known only to a small group of specialists.

One of the first stages of work on this project is the publication of a brief description of the Turkic-Mongolian cylinder collection at FA IRLI RAN. The key point in the brief description is the category «people». Each of the peoples enumerated is accompanied by the names of those who collected the folklore, the time and place of recording, the content of the sound recordings, and the number of cylinders.

A large number of recordings have been made over the last three decades with the help of contemporary studio technology. The collections of Turkic-Mongolian folklore have been augmented by magnetic recordings of Tuvin, Yakut, Kirgiz, Mongol, and Kalmyk folklore. The creation of a contemporary sound collection took place thanks to the direct participation of the staff of the Laboratory of sound recordings and sound restoration of FA IRLI RAN, and the former folklore commission of the USSR, headed by E. E. Alekseev. They regularly undertook comprehensive folklore expeditions in Russia and abroad. At present, FA IRLI is working systematically on the production of CD's. Some of the Turkic-Mongolian folklore material recorded on magnetic tape is, after computer restoration, represented on those CD's.

Note

1. See: *Shivlianova, V. K.* Khranitel' narodnoi muzyki [Keeper of folk music] // Teegin Gerl (Svet v stepi). Elista, 1989. No 2. P. 88—89; *Same author.* Muzyka 'Dzhangara». Sbornik epicheskikh napevov [The music of «Jangar», a collection of epic melodies]. Elista, 1990; *Same author.* Kolleksiia valikov B. Ia. Vladimirtsova v Pushkinskom Dome [The B. Ia. Vladimirtsov collection of cylinders at the Pushkin House] // Mongolica—III. Iz arkhivov otechestvennykh mongolovedov XIX—nachala XX vv. Saint-Petersburg, 1994. P. 86—88; *Same author.* Tibetskii molitvenny napev [Tibetan prayer melody] // Mandala No. 6, 7. Elista. 1995/1996, p. 38; *Same author.* K voprosu o rekonstruktsii melodiki buddiiskikh molitv v kalmytskikh khramakh [On the question of reconstructing the melodies of Buddhist prayers in Kalmyk temples] // Buddizm v sisteme mirovoi tsivilizatsii. Sbornik tekstov i soobshchenii obshcherossiiskoi nauchnoi konferentsii. 21—25 sentiabria, 1998, Elista, 1998. P. 27—28; *Same author.* A. M. Lis-topadov. Kalmytskie pesni, zapisannye v Denisovskoi stanitse Sal'skogo okruga v noiabria 1902 [Kalmyk songs recorded in the Denisov stanitsa of the Sal okrug in November, 1902] (Publikatsiia) // Iz istorii russkoi fol'kloristiki. Sbornik nauchnykh trudov. Saint-Petersburg, 1998. Iss. 4—5. P. 541—560.

Э. У. Омакаева

**МАТЕРИАЛЫ О КАЛМЫКАХ
В АРХИВНЫХ СОБРАНИЯХ КАЛМЫКИИ
И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ**

Архивные источники на «калмыцкую» тему можно условно разделить на 4 большие группы: 1) лингвистические источники (словари, грамматики и т. п.); 2) литературные источники (сочинения на ойратском языке и билингвы — на тибетском языке с ойратским подстрочником); 3) исторические источники (документы, письма и т. п.); 4) фольклорно-этнографические материалы (записи эпоса, сказок, песен, пословиц и поговорок, загадок, примет, благопожеланий и т. д.).

На территории Калмыкии архивные материалы сосредоточены в фондах Национального архива Республики Калмыкия (в основном исторические документы), научного архива и научной библиотеки Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (лингвистические, литературные источники и фольклорно-этнографические записи), Калмыцкого государственного краеведческого музея им. Н. Пальмова (литературные источники).

Важнейшими лексикографическими источниками изучения калмыцкого языка прошлых веков являются двуязычные словари XVIII—XIX вв. Многие ценные рукописные источники хранятся за пределами Калмыкии. Так, например, в рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге имеется «Словарь языка калмыцкого» XVIII в. «Калмыцко-русский словарь» (1916) А. М. Позднеева хранится в его личном фонде в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН (ф. 44). Следует подчерк-

нуть, что лингвистические источники из фонда архива КИГИ РАН охватывают лишь послереволюционный период. Материалы более раннего времени находятся в архивах Германии (Гернгут) и Санкт-Петербурга, поскольку начало планомерного сбора лингвистического материала и целенаправленного изучения калмыцкого языка было положено гернгутерами — потомками Чешских или Моравских братьев, которые в 1765 г. основали в 28 верстах южнее Царицына немецкую колонию Сарепта по высочайшему повелению Екатерины II.

Однако старания миссионеров заинтересовать буддистов-калмыков другой религией сколько-нибудь ощутимого результата не дали, хотя до 1823 г. братьев-гернгутеров активно поддерживала русская православная церковь. Миссия сарептян потерпела крах: в 1823 г. Александр I отказался продлить им миссионерскую инструкцию. Те калмыки, которые приняли веру братьев, были переданы в лоно православия. Гернгутеры стали потихоньку покидать Сарепту, вывозя при этом весь свой архив. Правда, коллекция И. Шмидта пропала во время пожара в Москве в 1812 г. Но зато Цвику в 1836 г. удалось вывезти около 70 манускриптов. Часть наследия другого сарептянина, ученого-самоучки И. Йерига, хранится в АВ СПбФ ИВ РАН (ф. 21).

Большой интерес представляют собой буддологические работы православных священников. Среди них следует упомянуть сочинения Иоанна Попова «Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждения» (1897), «Изложение и критический разбор основных положений буддизма» (1873—1874), Мефодия Львовского «Буддийское мировоззрение, или ламаизм и обличение его». В другой своей работе — «Ламаизм у современных калмыков» (1907), рукопись которой хранится в РО РНБ г. Санкт-Петербурга, иеромонах Мефодий сравнивает ламаизм и христианство в области догматики и этики (с. 311—406).

Одним из самых известных переводчиков 2-й половины XIX в. был астраханский священник П. Смирнов, автор русско-калмыцкого словаря, до сих пор не потерявшего своего значения. В частности, он перевел популярное «Послание Джезвун Дамбы хутухты». Перевод был опубликован в Астраханских епархиальных ведомостях в конце XIX в. П. Смирнов активно переводил христианские молитвы на калмыцкий язык. Но значительная часть перево-

дов осталась в рукописи, поскольку в 1875 г. литографирование было запрещено. Первый отлитографированный перевод П. Смирнова — «Перевод на калмыцкий язык первоначальных христианских молитв, Символа веры и 10 заповедей» — относится к 1869 г. Ему же принадлежит и перевод литургии, найденный Гурием в 1907 г. в Чилгире. В своих переводах П. Смирнов использовал для передачи христианских понятий известную ему буддийскую терминологию (например, святой — *gegen*), а также не всегда прямо следовал оригиналу, допуская отход от контекста. С его переводами были знакомы известный монголовед К. Голстунский и знающий калмыцкий гелюнг бакши Санджи Яванов. После П. Смирнова переводческая деятельность в Астраханской миссии пошла на спад.

В архивных документах зафиксированы отдельные случаи обращения в христианскую веру простых калмыков и даже буддийских духовных лиц.

Успех той или иной религии в значительной мере зависит от постановки переводческого дела. В АВ СПбФ ИВ РАН хранится рецензия А. М. Позднеева на перевод «Руководства к познанию ламайского вероучения», представляющего собой перевод на ойратский тибетского трактата, выполненный буддийским священнослужителем Д. Сетеновым. Следует отметить, что калмыцкие ламы не только переводили с тибетского, но и сами пытались создавать оригинальные работы. Яркий пример — рукопись «Путь к истине» Мэнке Борманжинова, хранящаяся в АВ и недавно опубликованная Е. Хамагановой.

Переводные и оригинальные сочинения на ойратском языке составляют основу письменного наследия калмыков. Самая большая коллекция ойратских рукописей и ксилографов (около 100 ед. хр.) находится в научном архиве КИГИ РАН. Научное описание этой коллекции выполнено К. В. Орловой. Это позволяет расширить источниковедческую базу монголоведческих исследований. Что касается тематического состава коллекции, то самую обширную часть составляют сочинения практического характера — обрядовые и астрологические источники. Это различного рода ритуальные тексты: молитвы (калм. *зальвырыл*), гимны (калм. *магтал*), мантры (калм. *тарни*), изречения (калм. *тогтал*), клятвы (калм. *андыһыр*), заклинания и послания-пророчества (калм. *бичиг*), а также обрядники, календари и гадательные тексты. В на-

стоящее время мы работаем над идентификацией отдельных сочинений, которые имеют в нашей коллекции несколько иное название, чем общепринятое. Подробнее о содержании отдельных сочинений, а также о предварительных результатах анализа корпуса ритуальных текстов можно узнать из наших последних публикаций на эту тему, в частности из статьи, опубликованной в «Материалах 41-й сессии ПИАК» (Хельсинки, 1999).

В архиве КИГИ РАН находится и коллекция тибетских сочинений, имеющая непосредственное отношение к изучению письменного наследия калмыков, поскольку именно с тибетского были переведены Зая-пандитой и его учениками основные тексты как канонического, так и неканонического характера. Например, в тибетской коллекции архива КИГИ РАН имеется знаменитая «Субхашита» Сакья-пандиты, но вот ойратский перевод Зая-пандиты, к сожалению, отсутствует. Впервые тибетской коллекцией начал заниматься В. О. Чуматов. В настоящее время эту работу продолжает Д. Н. Музраева. Можно надеяться, что в скором времени мы получим каталог тибетских источников архива КИГИ РАН.

Скромную коллекцию ойратских рукописей имеет Калмыцкий краеведческий музей. Наряду с сочинениями, имеющимися и в архиве КИГИ РАН, нами обнаружены редкие и уникальные тексты практического характера. Данная коллекция также описана К. В. Орловой. Что касается тибетской коллекции Музея, то она, по сравнению с ойратской, гораздо больше. О составе коллекции пока трудно сказать что-либо определенное: она еще не описана и ждет своего исследователя.

Актуальной задачей на сегодняшний день является сбор, выявление, введение в научный оборот и публикация ойратских литературных источников. В России такая работа ведется. В Калмыкии издана А. В. Бадмаевым (КГУ) на современном калмыцком языке знаменитая «Алмазная сутра» («Дорджи-Джодва»). В настоящее время ученый готовит к изданию «Сутру золотого блеска» («Алтын гэрел»). Д. Б. Гедеева (КИГИ РАН) работает над переложением на современный калмыцкий язык в новой орфографии ойратского текста «Лунного света». Э. У. Омакаева (КИГИ РАН) опубликовала на современном калмыцком языке

вместе с русским переводом такие популярные молитвенные тексты, как «Гимн Таре» («Даре экиин магтал»), оригинал которого хранится в рукописном фонде СПбФ ИВ РАН, а также «Арьябала» («Авалокитешвара»), рукопись которой находится в архиве КИГИ РАН. В настоящее время ведется работа по подготовке к изданию ойратской «Субхашиты».

К сожалению, в Калмыкии хранится лишь малая толика всего корпуса ойратской литературы. Самые большие коллекции ойратских рукописей и ксилографов находятся в Монголии и Санкт-Петербурге. Представление о составе ойратской коллекции, находящейся в собраниях Улан-Батора, мы имеем благодаря работам Х. Лувсанбалдана и молодого ученого О. Самбуудоржа. Что касается Санкт-петербургских коллекций письменных памятников ойратской словесности, то благодаря титанической работе А. Г. Сазыкина мы имеем каталог ойратских рукописей и ксилографов РФ СПбФ ИВ РАН. Монголоеды СПбФ ИВ РАН активно работают над подготовкой к изданию ойратских источников. В частности, А. Г. Сазыкин опубликовал «Биографию Зая-пандиты», а Н. С. Яхонтова — «Повесть о Молон-тойне». Известный тибетолог В. Л. Успенский подготовил каталог ойратской коллекции из калмыцкого фонда библиотеки Восточного факультета СПбГУ. Небольшое количество ойратских рукописей имеется в Туве и Бурятии.

Остается до сих пор не востребованным и значительный пласт редких, порой уникальных материалов по калмыцкому фольклору, истории, этнографии и религии, находящихся в отечественных и зарубежных книгохранилищах. «Отцом» калмыцкой фольклористики можно назвать В. Бергмана, побывавшего у калмыков в 1802—1803 гг. Считается, что именно Бергман впервые записал образцы калмыцкого фольклора. Небольшая коллекция калмыцких фольклорных материалов хранится в АВ СПбФ ИВ РАН (материалы Ф. Муромского, Н. Очирова, Ц.-Д. Номинханова и др.), а также в калмыцком фонде библиотеки Восточного факультета СПбГУ.

Совершенно не описана коллекция фольклорных материалов архива КИГИ РАН. Основу этой коллекции составляют материалы фольклорных экспедиций в районы Калмыкии в 1962—1987 гг. (в основном фонозаписи песен

«Джангара», сказок, легенд). Наряду с общеизвестными и уже опубликованными сказками встречаются редкие записи калмыцких *туули*. Представляют определенный интерес легенды *домыг* и сказания *туужуи*: легенда об Арахе, являющаяся трансформацией древнеиндийского мифа о Раху, сказание о Гэсере, легенда о происхождении музыкального инструмента ятхи. Многие фольклорные произведения посвящены историческим лицам и событиям (фигурируют имена Чингис-хана, Убуши-хана, Дондук-Омбо-хана), являются свидетельством межэтнических контактов: «Калмыцкий хан и казахский хан» (ф. 16, оп. 1, № 51), «Калмыцкий богатырь и татарский богатырь» (№ 62).

Ценными историческими документами являются письма калмыцких ханов, прежде всего Аюки-хана и его сына Чагдоржаба (XVIII в.). Оригиналы писем хранятся в архивах Элисты, Москвы и Санкт-Петербурга.

E. U. Omakaeva

**MATERIALS ON THE KALMYKS
IN THE ARCHIVAL COLLECTIONS OF KALMYKIA
AND ELSEWHERE**

Archival sources on «Kalmyk» subjects can be conditionally divided into four large groups:

- 1) linguistic sources (dictionaries, grammars, etc.);
- 2) literary sources (works in the Oirat language and bilingual works in Tibetan with Oirat line-by-line translation);
- 3) historical sources (documents, letters, etc.);
- 4) folkloric and ethnographic materials (recordings of the epic, tales, songs, sayings and proverbs, riddles, signs, good wishes, etc.)

Within Kalmykia, archival materials are concentrated in the collections of the National Archive of the Republic of Kalmykia (mainly historical documents), the scholarly archive and library of the Kalmyk institute of humanities research of the RAS (linguistic, literary sources, and folkloric and ethnographic records), and the Kalmyk State N. Pal'mov regional studies museum (literary sources).

Bilingual dictionaries of the 18th—19th centuries are extremely important lexicographic sources for the study of the Kalmyk language in the past. Many valuable manuscript sources are held outside of Kalmykia. For example, the manuscript section of the Russian National Library in SP contains a «Dictionary of the Kalmyk Language» from the 18th century.

A. M. Pozdneev's «Kalmyk-Russian Dictionary» (1916) is held in his personal archive in the Orientalists' Archive at the SPIOs (arch. 44).

Archival documents confirm several cases in which ordinary Kalmyks, and even Buddhist clergy, were converted to Christianity.

Translated and original works in Oirat form the basis of the Kalmyks' literary legacy. The largest collection of Oirat manuscripts and xylographs (around 100 items) is in the scholarly archive of KIGI RAN. A scholarly description of the collection has been carried out by K. V. Orlova. This allows us to broaden the source base for research in Mongolian studies. As concerns the thematic nature of the collection, the bulk of it consists of practical works – ritual and astrological sources. These present various types of ritual texts: prayers (*zalvyryl*), hymns (*magtal*), mantras (*tarni*), utterances (*togtal*), oaths (*andyhyr*), incantations and prophecies (*bichig*), as well as calendars and soothsaying texts.

The archive of KIGI RAN also contains a collection of Tibetan works directly related to the study of the Kalmyks' literary legacy, for Zaya-pandita and his pupils translated the main texts, both canonical and non-canonical, from Tibetan. For example, the Tibetan collection at KIGI RAN holds the famed «Subhashita» by Sakya-Pandita, but the Oirat translation by Zaya-pandita is, unfortunately, absent. The first to study the Tibetan collection was V. O. Chumatov. At present, his work is being continued by D. N. Muzraeva. One hopes that we will soon receive a catalog of Tibetan sources in the archive of KIGI RAN.

The Kalmyk regional studies museum has a small collection of Oirat manuscripts. They augment the works held at KIGI RAN with rare and unique texts of a practical nature. This collection was also described by K. V. Orlova. As concerns the Museum's Tibetan collection, it is far larger than the Oirat holdings. But it is difficult to be more concrete, as the collection has not yet been described; it awaits its scholar.

A significant number of at times unique materials on Kalmyk folklore, history, ethnography, and religion in Russian and foreign book repositories have yet to draw serious attention. A small

collection of Kalmyk folklore materials is held in the Orientalists' Archive at the SPIOS (materials of F. Muromskii, N. Ochirov, Ts.-D. Nominkhan, and others), as well as in the Kalmyk collection of the library of the Eastern Faculty of SPbGU.

The collection of folklore materials at KIGI RAN has not been described at all. The basis of this collection consists of materials gathered during folklore expeditions to Kalmykia in 1962—1987 (mainly audio recordings of the songs of «Jangar», tales, and legends). In addition to well-known, already published tales, we find rare recordings of Kalmyk «tuuli». Of some interest are «domyg» legends and «tuuzhi» tales such as the legend of Arakh, which is a transformation of the ancient Indian myth of Rakh, the tale of Geser, the legend of the origins of the yatkhi musical instrument. Many works of folklore treat historical personages and events (with the names Chingis-khan, Ubushi-khan, Donduk-Ombo-khan) and provide evidence of inter-ethnic contacts: «the Kalmyk khan and the Kazakh khan» (arch. 16, inv. 1, No. 51), «the Kalmyk hero [bogatyř'] and the Tatar hero» (No. 62).

The letters of the Kalmyk khans, primarily Ayuka-khan and his son Chagdorzhab (18th century), are valuable historical documents. Originals of the letters are held in Elista, Moscow, and SP.

А. И. Андреев

**АРХИВНОЕ СОБРАНИЕ
МУЗЕЯ-КВАРТИРЫ П. К. КОЗЛОВА**

Мемориальный Музей-квартира знаменитого путешественника-исследователя Центральной Азии П. К. Козлова (1863—1935) — один из самых молодых академических музеев Санкт-Петербурга. Создан он был в 1988 г. при Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники РАН по инициативе ряда организаций и отдельных крупных ученых, таких как академики Е. М. Лавренко, А. П. Окладников и А. Л. Яншин. Музей располагается в квартире, где П. К. Козлов поселился в 1912 г. после женитьбы на Е. В. Пушкаревой, впоследствии ставшей известным орнитологом, и проживал до конца своих дней. В 1995 г. на базе Музея-квартиры была сформирована Группа по изучению истории исследований Центральной Азии русскими путешественниками XIX—XX вв. Усилиями этой Группы с 1996 г. издается толстый историко-научный и литературно-философский журнал «Ариаварта». Журнал выходит 1 раз в год. При Музее также существует Тибетский информационный центр с открытой для посещения библиотекой и небольшой лекторий, где регулярно выступают с сообщениями и докладами ученые и путешественники.

Несколько слов о самом Музее. Центром экспозиции является рабочий кабинет путешественника, сохранившийся в своем первоначальном виде. В настоящее время ведется работа по развертыванию экспозиции и в других помещениях квартиры с целью охватить весь период «больших экспедиций» по Монголии, Китаю и Тибету, осуществ-

ленных целой плеядой великих русских путешественников от Н. М. Пржевальского до Рерихов. Конечной задачей этого переустройства является превращение Музея П. К. Козлова в Музей исследователей Центральной Азии, как это и задумывалось поначалу.

Архивный фонд Музея составляют преимущественно материалы, связанные с жизнью и научно-экспедиционной деятельностью П. К. Козлова, который, как известно, прославился в основном археологическими раскопками мертвого города Хара-хото (1908—1909) и гуннских погребений в горах Ноин-Ула в Северной Монголии (1924—1925). В целом это собрание можно разделить на три части — личный архив П. К. Козлова, архив его жены Е. В. Козловой и архив семьи Пушкиревых (Владимира Иосифовича, Веры Владимировны и Владимира Владимировича Пушкиревых). Помимо коллекции рукописных материалов (ок. 1600 ед. хр.) к архивному фонду также принадлежат картографическая коллекция, фототека и неготекa, коллекция открыток, личная библиотека П. К. Козлова и Е. В. Козловой.

Наибольший интерес как для биографов П. К. Козлова, так и для ученых, занимающихся историей исследования Центральной Азии, несомненно, представляют материалы личных архивов П. К. Козлова и его жены Е. В. Козловой. В их число входят:

1. Обширная личная переписка П. К. Козлова (1880—1930). Среди корреспондентов путешественника — его соратники, другие географы и путешественники (А. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. А. Достоевский, Ю. М. Шокальский). В архиве имеются также одно письмо П. П. Семенова-Тянь-Шанского М. В. Певцову (20 мая 1898 г.) и копии писем Н. М. Пржевальского Козлову. Отдельный блок составляет переписка Козлова с женой, а также письма, адресованные Е. В. Козловой крупными учеными (П. П. Сушкин, Д. Н. Анучин, А. Я. Тугаринов).

2. Личные документы П. К. Козлова, а также документы, касающиеся его семьи.

3. Рукописи статей П. К. Козлова, черновики и копии его докладных записок в Главный штаб и РГО, небольшие заметки. Среди рукописных текстов — статьи «У дорогой могилы» (1917), «Сокровища древних курганов» (1925), «Археологические открытия Монголо-Тибетской экспеди-

ции» (сер. 1920-х), «Общий взгляд на Азию» (1929), «Заметка о моем замечательном учителе В. П. Вахтерове» (1932), некролог на смерть П. П. Семенова-Тян-Шанского (1914).

4. Научные дневники последней Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова. Это журналы маммалогических, орнитологических и метеорологических наблюдений, а также географический дневник (Дневник географический и описательный по наблюдениям природы и человека Тибетской научной экспедиции РГО).

5. Экспедиционные дневники Е. В. Козловой (1923—1929).

6. Материалы других лиц. Среди них следует упомянуть рукописи М. В. Певцова (Географические сведения о Северо-Западной Джунгарии, собранные в 1882 г.; Проект переписи кочевого населения: Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области, б/д.; Черновое описание границы Кобдосского участка, б/д.; Сведения о летних и зимних стойбищах киргизов рода Кажембет, б/д., и др.), Е. Г. Грум-Гржимайло (Россия и Монголия, ок. 1920) и А. Д. Симукова (Краткая заметка о результатах двухмесячной стоянки в горах Ноин-Богдо (Центральной Гоби), осень 1925).

7. Материалы, связанные с работой П. К. Козлова в зоопарке-заповеднике Аскания-Нова в 1918—1920 гг.

8. Востоковедные материалы. Среди наиболее интересных — копии надписей с монгольских памятников, обнаруженных Козловым в ходе Монголо-Тибетской экспедиции, рукопись на маньчжурском языке «Описание границы от устья р. Алькабека до г. Мус-тау», оригиналы дорожных грамот-паспортов Е. В. Козловой и В. М. Канаева, полученных из китайского МИДа летом 1925 г. (на китайском и монгольском языках), а также билет, выданный экспедиции М. В. Певцова российским консульством в Кашгаре для пропуска в китайские владения в 1889 г. (на китайском и русском языках).

Из перечисленных выше материалов наибольшую ценность, без сомнения, представляет географический дневник руководителя Монголо-Тибетской экспедиции 1923—1926 гг. Это пять толстых кожаных тетрадей одинакового формата (17,0×22,5 см), с записями с обеих сторон каж-

дого листа, общим объемом более 1000 листов. Дневник путешественника чрезвычайно информативен — особенно интересны его наблюдения и зарисовки этнографического и бытового характера, описания достопримечательностей Урги и ее окрестностей, характеристики политических и общественных деятелей революционной Монголии (Япон-Данзан, Церен-Доржи, Цецен-ван, Д. Э. Ринчино). Много и с большой теплотой Козлов пишет о встречах с хорошо знакомыми ему еще по Петербургу людьми: Цыбенгом Жамцарано, главой Монгольского Ученого комитета, и Агваном Доржиевым, неофициальным представителем Тибета в СССР, который, по некоторым сведениям, принял в 1924 г. монгольское гражданство. В столице Монголии Козлов находился почти безвыездно с октября 1923 по май 1924 г., и это делает его записки весьма ценным свидетельством для нас. Так, например, заслуживают внимания сообщения Козлова о монгольских праздниках — традиционных (буддийских) и новых, возникших после «народной революции», и о связанных с ними обычаях и обрядах. Это — Цаган-сар (5 февраля 1924 г.), ритуал по случаю лунного затмения (20 февраля), праздники русской и монгольской Красной армии (23 и 27 февраля). Одно из самых любопытных сообщений — рассказ о старинном обычае разбрасывания в степи нарисованных на бумаге коней с благопожеланиями. Следы такого обычая в виде этих самых бумажных коней путешественник обнаружил в скалах в районе реки Баян-гол, неподалеку от разрушенного монастыря. «В известный праздник, — читаем мы у Козлова, — принято изображение лошади на бумаге бросать в степи с холмов, где ветер подхватит бумажечки и разнесет в степи или пустыни, и, может быть, попадут такие кони на заблудившихся в степи и помогут им спастись» (тетрадь № 2, 3 августа 1924). Подобный обычай в середине XIX в. наблюдали французские миссионеры-лазаристы Гюк и Габе в монастыре Гумбум в Амдо и в 1925 г. в Ладаке Н. К. Рерих во время своей 1-й Центральноазиатской экспедиции.

По возвращении из Монголии осенью 1926 г. П. К. Козлов из-за пошатнувшегося здоровья не смог обработать свои дневники и создать обобщающий труд о совершенном путешествии. Только после войны дневники были изданы Всесоюзным географическим обществом под редак-

цией Е. В. Козловой (П. К. Козлов. Путешествие в Монголию, 1923—1926 // Записки ВГО. Новая серия. Т. 7. М., 1949). Издание это, однако, не соответствует требованиям строгой научной публикации и едва ли может удовлетворить нас сегодня. По сути, оно представляет собой пересказ дневников Козлова с многочисленными купюрами и огромными лакунами. Особенно пострадали при редактировании Дневник № 1 (июль 1923—апрель 1924), из которого в печать попало лишь несколько записей, а также Дневник № 3 (ноябрь 1924—май 1925). В этой связи хочу отметить, что в настоящее время ведется работа по подготовке нового полного издания дневников Монголо-Тибетской экспедиции силами сотрудников Санкт-Петербургского филиала Института естествознания и техники.

Фотографический фонд Музея состоит из ряда тематических фотоальбомов (например, альбомы с уникальными фотографиями заповедника Аскания-Нова, альбомы поездки П. К. Козлова на оз. Иссык-куль на могилу Н. М. Пржевальского в 1913 г. и в Монголию для закупки скота в 1916—1917 гг.), а также большого количества разрозненных и лишь частично аннотированных фотографий, отражающих в основном экспедиционно-исследовательскую деятельность Козлова. Среди них несомненный интерес представляют фотографии этнографического характера, сделанные в Киргизии, Забайкалье, Монголии и Китае в 1900—1920-е гг. Нельзя также не упомянуть о прекрасно сохранившейся коллекции стеклянных негативов периода Монголо-Тибетской экспедиции.

Картографическое собрание включает в себя преимущественно карты русских экспедиций в Центральную и Среднюю Азию, изданные Военно-топографическим отделом Главного штаба в 1860—1900-е гг., а также карты южной пограничной полосы Азиатской России, издания Картографического отдела корпуса военных топографов.

Библиотека Музея насчитывает около 2000 наименований научной (в большинстве своем) и художественной литературы. Ее уникальность — в целостности мемориального собрания. Это в основном книги русских и западных путешественников по Центральной Азии конца XIX—начала XX в. (Н. М. Пржевальский, В. И. Роборовский, Г. Е. Грум-Гржимайло, М. В. Певцов, Свен Гедин, О. Уод-

дел, В. Фильхнер и др.). Многие из них имеют дарственные надписи авторов и ценные маргиналии.

Архивный фонд Музея-квартиры П. К. Козлова, хотя и относительно небольшой по объему, является ценным дополнением и продолжением основного собрания архивных материалов путешественника, хранящихся в его личном фонде в Архиве РГО.

A. I. Andreyev

**THE ARCHIVES
OF THE P. K. KOZLOV MEMORIAL MUSEUM**

The Memorial Museum of the famous Russian explorer of Central Asia Petr Kuzmich Kozlov (1863—1935) is one of the youngest academic museums in St Petersburg. It was set up in 1988 under the auspices of the Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg Branch). The museum is housed in the apartment where Kozlov had lived from 1912 when he married his wife E. V. Pushkariova, who would later become a prominent ornitologist, until his death. Since mid-1990s it has been a home to a small reserach unit which concentrates on the study of the history of Russia's exploration of Central Asia in the 19th—20th centuries. The Museum is also known for its annual publication of a thick scholarly journal «Aryavarta», devoted to Central Asian history, politics, religion, literature and art. The journal is in Russian, but has English abstracts.

The items displayed in the museum are mainly things that Kozlov used during his travels, such as various measuring instruments, binoculars, a medical chest, the sleeping bags etc. Apart from this collection of memorabilia, there is also a small library and a document depository attached to the museum. The bulk of the archives consists of the materials, pertaining to the life and exploration work of P. K. Kozlov who is remembered worldwide today primarily for his archeological excavation of the Tangut city of Khara-Khoto in 1908-1909 and of the Hun's burial mounds in the Noin-Ula mountains north of

Ulan-Baator in 1924—1925. This collection incorporates three separate groups of records belonging to P. K. Kozlov, his wife E. V. Kozlova-Pushkariova and the Pushkariov family. Several more collections — of maps, of photographs, negatives and slides, and of postcards — make a valuable addition to the museum archives.

The document/manuscript collection (about 1600 items altogether) includes:

1. Extensive personal correspondence of P. K. Kozlov (1880s—1930s). Among the correspondents of the latter are his colleagues and friends, the men closely connected with the Russian Geographical Society, such as A. P. Semionov-Tian-Shansky, Yu. M. Shokalsky, A. A. Dostoevsky. A separate group of documents is made by the correspondence between P. K. Kozlov and his wife, as well as letters to E. V. Kozlova from such eminent Soviet scientists as P. P. Sushkin, D. N. Anuchin, and A. Ya. Tugarinov. One will also find in the collection copies of letters from N. M. Prijevalsky to Kozlov and one autograph letter of P. P. Semionov-Tian-Shansky addressed to M. V. Pevtsov of 20 May 1898.

2. Personal papers of P. K. Kozlov and documents belonging to his family.

3. Typewritten copies of Kozlov's articles and essays, draft copies of his memoranda to the Main Staff and the Russian Geographical Society.

4. The Geographical Diary of Kozlov's last expedition to Mongolia in 1923—1926 as well as his scientific journals (those of the mammalogical, ornitological and meteorological observations).

5. The expedition journals of E. V. Kozlova (1923—1929).

6. Manuscripts belonging to other people. Among these mention should be made of the official reports by M. V. Pevtsov (Geographical data of North-Western Djungaria, collected in 1882; Draft of the census of the nomadic population of the Akmolinsk, Semipalatinsk and Semirechinsk regions, undated; The description of the border of the Kobdo area, undated; Information concerning the summer and winter nomad camps of the Kajhembet clan of the Kirghiz, undated), E. G. Grum-

Grjmailo (Russia and Mongolia, an essay, c. 1920), and A. D. Simukov (A short note of the results of the two-month long stay in the Noin-Bogdo mountains in Central Gobi, 1925).

7. Materials, relating to Kozlov's work in the Askania-Nova national park, 1918—1920.

8. Materials in Oriental languages. The most interesting of these are the inscriptions in the old Mongolian language, copied from various monuments discovered by Kozlov during his last Mongolo-Tibetan expedition; a manuscript entitled «The description of the border from the mouth of the Al'kabek river up to the town of Mus-tau» (in Manchu, c. 1883); original travel permits issued by the Chinese Ministry for Foreign Affairs to V.M. Kanaev and E. V. Kozlova in 1926 (in Chinese and Mongolian), and the one issued by the Russian consulate in Kashgar to M. V. Pevtsov in 1889 (in Chinese and Russian).

The most valuable document of the entire collection is no doubt the original travel diary of Kozlov's last expedition to Mongolia in 1923—1926. It consists of five thick leather-bound notebooks, numbering over 2000 pages altogether. This diary, apart from purely scientific records, contains a wealth of miscellaneous information relating to politics, society and cultural life of Mongolia in the early post-revolutionary period. Of particular interest to students of this country is the traveller's account of the Mongolian traditional (Buddhist) festivals and rites, such as Tsagan-sar and the ritual performed by the lamas on the occasion of the moon eclipse in 1924, as well as the new revolutionary ones (celebration of the Soviet and Mongolian Red Army Days). One will also find in this diary abundant references to Mongolian and Buryat political and public figures (Yapon-Danzan, Tseren-Dorji, Tsetsen-Van, D. E. Rinchino, Ts. Jhamtsarano, Agvan Dorjiev), Soviet high-ranking officials, and well-known Western explorers of Central Asia (Sven Hedin and R. C. Andrews). In 1949 the Russian Geographical Society produced an abridged version of Kozlov's voluminous geographical diary. This publication, however, is far below the academic standards as the original text was badly mutilated in the process of editing. Suffice it to say that only few entries from

relating to the most dramatic initial stage of the expedition (covering the period between July 1923 and April 1924) were included in the book.

The photographic collection consists of a number of thematically arranged albums (Views of Askania Nova, Kozlov's trip to Lake Issyk-kul in 1913, and to Mongolia in 1916—1917 for the purchase of cattle for the Russian army, etc.) and a few hundred odd photos illustrating Kozlov's expedition activity. The same collection includes many photographic prints portraying people of various ethnic types (Mongols, Khazakhs, Khirghizs, Chinese, Tibetans). The photos were taken in Mongolia, China, Eastern Tibet and Khirghizia (Lake Issyk-kul area) in the early 20th century.

The map collection includes mainly the route maps of the major Russian expeditions to Central Asia, printed by the Topographic section of the Main Staff in 1860—1900s, as well as those showing the southern frontier of Asiatic Russia in the same period.

The most interesting part of the postcard collection is made by a carefully selected set of 73 cards, printed by different publishing houses. These postcards show the peoples of Eastern Siberia and Central Asia (Buryars, Yakuts, Tungus, Orochens, Kirghiz), their religious rites (Buddhist and Shamanist) and traditional way of life.

М. И. Гольман

РУССКИЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ МОНГОЛИИ XVII в.

Насыщенная драматическими событиями история Монголии XVII в. богата разноязычными документальными материалами.

В ряду всех этих важных источников достойное и особое место занимают богатейшие собрания русских архивных материалов, насчитывающих тысячи единиц хранения.

По XVII в. они сосредоточены главным образом в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве и в Отделении Архива Российской Академии наук в Санкт-Петербурге (Архив РАН), а также частично в Петербургском отделении Института истории РАН (ПОИИ).

В РГАДА это, прежде всего, фонды посольского приказа, сгруппированные тематически по коллекциям: дела Мунгальские, Зюнгарские — Калмыцкие, отчасти дела и сношения России с Китаем, многочисленные и объемистые столбцы Сибирского приказа и частично приказа Казанского дворца, а также фонды Иркутской, Верхотурской и Нерчинской приказных изб.

Особенностью всех этих фондов является преобладание подлинников и большого числа дубликатов.

В Архиве РАН находятся так называемые «Портфели Миллера», содержащие копии с книг делопроизводства приказных изб Томска, Тобольска, Тюмени, Тары и некоторых других сибирских городов, а в ПОИИ — фонды Иркутской воеводской избы и фонд «Нерчинские акты». И здесь также немало уникальных документов¹.

По составу документов все эти фонды в значительной степени однообразны: в них собраны статейные списки, доезды и распросные речи русских послов в монгольские и джунгарские улусы и в Китай, записи приема монгольских посланцев и переговоров с ними в Москве и в сибирских городах, царские грамоты монгольским князьям и ханам, грамоты и указы царей сибирским воеводам и их статейные списки и отписки в Посольский и Сибирский приказы, выписки этих приказов в доклад царю и боярской думе о различных связях с монголами, сказки служилых людей, ездивших в Монголию с торгом и по другим делам, их челобитные и т. д.

Особый интерес по содержанию и как редкие образцы монгольского и ойратского «ясного письма» (монг. *тод бичиг*) XVII в. представляют сохранившиеся в оригинале полностью и фрагментарно в общей сложности 17 подлинных посланий к царям от ведущих монгольских правителей².

Отметим, что значительная часть документов — это не казенные бумаги, а живые свидетельства прямых участников описываемых событий — послов, служилых людей, торговцев, что придает особый колорит этим материалам.

Подавляющая часть документов прежде всего и главным образом касается всего комплекса российско-монгольских политических и экономических отношений. Эти документы неопровержимо свидетельствуют, что между Россией и монгольскими улусами на протяжении всего XVII в. существовали тесные связи, шел регулярный посольский и торговый обмен.

Для России мирные отношения с воинственными кочевниками служили определенной гарантией обеспечения безопасности новоприбыльных земель и сибирских островов и возможности сношений с Китаем. Не имея сил и средств для проведения какой-либо другой политики, Москва в наказах сибирским воеводам категорически требовала «войны и задоров с монголами не чинить, а быть с ними в совете»³ и стараться не вмешиваться в их внутренние дела и не стремиться к территориальным захватам, «а мунгалам и калмыкам кочевать на прежних их кочевьях»⁴.

В свою очередь, монгольские князья и ханы стремились к добрым отношениям с Россией во имя укрепления своих позиций в междоусобной борьбе, противодействия нараставшему давлению со стороны маньчжуров, ради

доступа на городские рынки Сибири, получения «государева жалованья» «государевых ратных людей с огненным боем», на чем особенно настаивал ойратский Галдан Бошокту-хан (годы правления и смерти: 1671—1697), неоднократно предлагавший заключить прямой военный союз для совместной борьбы с Цинами⁵.

Все это обусловило частый обмен посольствами, об интенсивности которого говорят, например, 10 полноценных статейных списков (отчетов) русских послов к Алтынханам, документы более 20 посольских обменов с главами Джунгарского ханства, сведения о не менее чем 10 посольствах Тушету-хана и о 6 русских послых к нему всего за 2 года (1687—1689).

В целом, как говорилось в одном из документов: «между нами послы постоянно хаживали, ибо мы прошали-давали»⁶.

Материалы архивов полностью раскрывают содержание, ход и результаты посольских переговоров, показывают, что центральное место на них, естественно, в разное время с разной степенью значимости, занимали 4 вопроса, а именно: вопрос о даче так называемой шарби, т. е. присяги на верность царям, настаивая на принесении которой, Москва в целом безуспешно пыталась дипломатическим путем навязать монголам свой формальный сюзеренитет, «ласкою, а не жесточью поставить их под высокую государеву руку», вопрос о кыситымах, т. е. местных инородцах, о торговле, в которой были жизненно заинтересованы обе стороны, о пропуске русских послов, торговых и служилых людей через монгольские улусы в Китай и содействии их возвращению на Родину⁷.

Не только внешнеполитические связи, но и собственно внутривосточная и — в определенном отношении — социальная история Монголии XVII в. нашла определенное отражение в русских архивных документах, как справедливо отмечал И. Я. Златкин: «Без этих источников невозможно восстановить и тем более понять историю Джунгарского ханства»⁸.

То же самое можно сказать и о государстве Алтынханов. Показывают материалы и нарастание зависимости халхаских ханов от маньчжуров, усиление прямого вмешательства последних во внутренние дела Халхи, в частности в борьбу вокруг наследства Джасагту-хана Норбо в 1661 г., и т. д.

В целом мы имеем дополнительные свидетельства о кровавой междоусобице, которая раздирала Монголию в XVII в., обрекая на провал попытки объединения перед лицом маньчжурской агрессии на Джунгарском (1640) и Хулун-Балчерском (1686) съездах князей, и во многом предопределила поражение монголов в противостоянии Цинам, а также информацию о службах, периодически возникавших владениях Алтын-ханов в Джунгарском ханстве в связи с борьбой за престолонаследие, сведения о пленении ойратами Алтын-хана Лувсан тайджи, убийстве всеойратского хана Сенге, опустошительной монголо-ойратской войне 1688 г. и других политических событиях.

Документы свидетельствуют также о полном господстве ламаизма, активном участии лам и женщин — жен и вдов монгольских владельцев — в политической жизни и посольских отношениях, сообщают сведения об образе жизни, некоторых нравах и быте населения страны.

Все вышесказанное определяет непреходящую значимость этих материалов как полноценного и уникального источника по истории Монголии и, естественно, по истории России, Сибири, в определенной степени — и истории ныне независимых Киргизии и Казахстана, а также по истории и географии Центральной Азии, как сформулировал академик В. Мясников, — по «дипломатической истории» восточной границы⁹.

Примечания

¹ Так, например, только в «портфелях Миллера» сохранились стейные списки посольств Федора Михалевского и Гаврила Шешукова к Тумету-хану, М. Ржицкого — к ойратскому хану Сенге, Я. Неприпасова — к Галдану Бошокту-хану и т. п.

² Это послание Алтын-хана Омбо-Эрдэни царю Михаилу Федоровичу от 14 января 1635 г.; семь писем Алтын-хана Лувсан тайджи царю Алексею Михайловичу, от 1602—1665 гг.; его же письма царю Федору Алексеевичу от 1672 г.; фрагменты двух писем Тушету-хана Чихуне Доржи от 1672 и 1675 гг.; копии писем хошиутского Аблая-тайджи от 1661 и 1665 гг.; письма всеойратских ханов Сенге от 1666 и 1668 гг. и Галдана от 1671 и 1672 гг. и др.

³ РГАДА, ф. Мунгальские дела, оп. 2, 1673, д. 1 и др.

⁴ РГАДА, ф. Мунгальские дела, оп. 2, 1638, д. 6, л. 1—27.

⁵ См. напр.: РГАДА, ф. Сибирский приказ, сблб. 1058, л. 76.

⁶ Русско-монгольские отношения, 1607—1636: Сборник документов, М., 1959. С. 55—56.

⁷ См., например, статейный список Сеиткула Аблина, возглавлявшего первый русский торговый караван в Китай в 1668 г. В этом списке детально рассказано о помощи, оказанной ему всеойратским

ханом Сенге. РГАДА, ф. Сибирский приказ, сблб. 535, с. 137—192, 199—203. В ответ на просьбу царя Алексея Михайловича от 16 февраля 1676 г. Тушету-хан и Ундур-еген оказали помощь русским посланникам в Китай — Н. Спафирию в 1679—1680 гг., Н. Венюкову и И. Фаворову в 1686—1687 гг. и С. Коровину и И. Кочанову в 1687—1688 гг. в проезде через их владения туда и обратно.

⁸ *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 2-е изд. М., 1982. С. 10.

⁹ *Мясников В.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XVIII вв. М., 1996.

M. I. Gol'man

**RUSSIAN ARCHIVAL DOCUMENTS
ON THE HISTORY OF 17TH-CENTURY MONGOLIA**

The history of Mongolia in the 17th century is full of dramatic events which have been richly documented in various languages.

Among these important sources, a worthy and special place is occupied by the rich collections of Russian archival materials, which include thousands of items.

For the 17th century, they are concentrated for the most part in the Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA) in Moscow and in the Archival Section of the Russian Academy of Sciences in SP (RAS Archive), and partly in the Petersburg Section of the RAS Institute of History (POII).

In RGADA, the main source is the collections of the ambassadorial department (prikaz), grouped thematically by collection: Mungal affairs, Ziungar-Kalmyk affairs, certain affairs and relations of Russia and China, numerous and voluminous parchment rolls of the Siberian department and, partly, the department of the Kazan palace, as well as collections from the Irkutsk, Verkhotur'sk, and Nerchinsk scribal government offices (prikaznye izby).

These collections are distinguished by the predominance of originals and a large number of duplicates.

In the RAS Archive, we know of the so-called «Miller portfolios», which contain copies of books with records from the scribal government offices of Tomsk, Tobol'sk, Tiumen',

Tara, and several other Siberian cities. In POII, we find the collections of the Irkutsk voivode government office and the «Nerchinsk legal documents» collection. There is no small number of unique documents here¹.

In composition, all of these collections are largely uniform: they bring together article lists, reports by Russian ambassadors on travels to Mongolian and Jungar ulus and to China, records of receptions and negotiations with Mongolian messengers in Moscow and Siberian cities, missives from the Tsar to Mongol princes and khans, documents and decrees from the Tsar to Siberian voivodes and their article lists and replies to the Ambassadorial and Siberian departments, excerpts from departmental reports to the Tsar and boyar дума on various contacts with the Mongols, accounts by members of the service class who traveled to Mongolia for trade and other purposes, their petitions, etc.

Of special interest both for their content and as rare examples of Mongol and Oirat «clear writing» are the «tod biching». For the 17th century, they are represented, in all, by 17 original missives to the Tsar from leading Mongol rulers preserved either fully in the original or in fragmentary form².

The overwhelming majority of documents concern first and foremost the entire spectrum of Russian-Mongolian political and economic relations. These documents show incontrovertibly that close ties existed throughout the 17th century between Russia and the Mongolian uluses, and that ambassadorial and trade exchanges took place on a regular basis.

The archival materials fully reveal the content, process, and results of ambassadorial talks, demonstrating that four questions occupied a central place with varying degrees of significance and at various times. They were: the question of giving the so-called sharby; the question of kysityms, or local foreigners (inorodtsy); the question of trade, a vital interest of both sides; and the question of permitting Russian ambassadors, trade and service people through the Mongol ulus to China.

Russian archival documents reflect not only external political ties, but the internal political and, to a certain degree, social history of Mongolia in the 17th century. As I. Ia. Zlatkin justly remarked, «without these documents, it would be impossible

to reconstruct and, more importantly, understand the history of the Jungar khanate»³.

The documents also demonstrate the absolute predominance of lamaism and the active participation of lamas and women — the wives and widows of Mongol rulers — in political life and ambassadorial relations. They also provide information on the way of life, mores, and everyday life of the country's population.

All of the preceding confirms the permanent significance of these materials as a full-fledged and unique source on the history of Mongolia and, naturally, the history of Russia and Siberia. To a certain degree, they also illuminate the history of the newly independent states of Kirgizia and Kazakhstan, and the history and geography of Central Asia as formulated by academician V. Miasnikov: the «diplomatic history» of the Eastern border⁴.

Notes

1. The «Miller portfolios», for example, have preserved article lists?? of the embassies of Fedor Mikhalevskii and Gavril Sheshukov to the Tumet khan, that of M. Rzhitskii to the Oirat khan Senga, Ia. Nepripasov to Galdan Boshokt, etc.

2. The missive of the Altyn khan Ombo-Erdeni to Tsar Mikhail Fedorovich on January 14, 1635; seven letters of the Altyn khan Luvsan taydzhi to Tsar Aleksei Mikhailovich between 1602—1665, his letters to Tsar Fedor Alekseevich in 1672, fragments of two letters to Tushet khan Chukhuna Dorzhi in 1672 and 1675, copies of letters from the Khoshiut Ablai taidzha from 1661 and 1665, letters of the all-Oirat khans Senge from 1666 and 1668 and Gadlan in 1671 and 1672, and others.

3. *Zlatkin I. Ia.* Istoriia Dzhungarskogo khanstva [History of the Jungar khanate], 2nd edition. Moscow, 1982. P. 10.

4. *Miasnikov V.* Dogovornymi stat'iami utverdili. Diplomaticheskaia istoriia russko-kitaiskoi granitsy XVII—XVIII vv. [Established by negotiation. The diplomatic history of the Russian-Chinese border in the 17th—18th cent.]. Moscow, 1996.

Т. А. Пан

**«УСТАВ ШАМАНСКОЙ СЛУЖБЫ МАНЬЧЖУР»
В ПЕРЕВОДЕ А. В. ГРЕБЕНЩИКОВА
ИЗ АРХИВА ВОСТОКОВЕДОВ**

Одним из важнейших фондов по маньчжурскому фольклору и религии в коллекции Архива востоковедов является фонд 75, включающий 113 дел архива выдающегося маньчжуроведа Александра Владимировича Гребенщикова (1880—1941). Эти материалы относятся к периоду с 1908 по 1939 г. и включают полевые записи, собранные Гребенщиковым в Маньчжурии и относящиеся к языку, фольклору и литературе маньчжур, научные разработки и переводы на русский язык¹.

Получив фундаментальное востоковедное образование по китайско-маньчжурскому разряду в Санкт-Петербургском Университете и защитив магистерскую диссертацию, А. В. Гребенщиков долгое время преподавал в Восточном Институте и его преемнике Дальневосточном Университете. С 1935 г. по начало войны он работал в Институте востоковедения в Ленинграде, поэтому после его смерти 15 октября 1941 г. в осажденном городе его научные материалы были в декабре 1941 г. переданы вдовой, Гребенщиковой Н. А., в Архив востоковедов².

Центральное место в архиве Гребенщикова занимает перевод на русский язык «Hesei toktobuha manjusai wesere metere kooli bithе» — «Утвержденный высочайшим указом устав шаманской службы маньчжур» (далее: Устав). Как указано в предисловии 1747 г., написанном императором Хун-ли³, Устав был создан с целью упорядочения ритуального камлания, текста шаманских молитв с подробным

описанием и рисунками предметов, используемых во время жертвоприношений в императорских храмах, а также в других молельнях семей императорского рода Айсинь Гиоро.

Поскольку Гребенщиков являлся непревзойденным знатоком маньчжурского языка и культурного наследия маньчжур, то его перевод был научно точным, что подтвердилось выборочной сверкой некоторых отрывков перевода с оригиналом. Для современного читателя, возможно, необычным покажется стиль русского языка с использованием таких терминов православной литературы, как обет (т. е. жертвоприношение Небу), отходная (т. е. камлание духам предков), молитвословие (т. е. шаманская песня), и т. п. Возможно, присутствие церковно-славянской лексики объясняется обрядовой спецификой текста, а также естественным использованием ее в научной литературе старой русской школы. Особую ценность представляет собой комментарий, правда, лишь к первой тетради перевода маньчжурского текста, содержащей указ императора о цели и необходимости создания Устава, рассуждения о придворных шаманских жертвоприношениях и описания главных церемоний. Из комментариев мы видим дополнительные источники, использованные в работе Гребенщикова, такие как все имеющиеся к тому времени справочники и словари, два французских перевода и описание Пекина, составленное И. Бичуриным.

Впервые этот текст был частично переведен на французский язык в 1804 г. Л. Ланглэ⁴ и полностью в 1887 г. де Арлэ (фактически этот перевод является свободным пересказом памятника)⁵. Они оправданно считали обрядник образцом маньчжурской оригинальной литературы. Иную точку зрения высказал Лауфер в 1908 г., выразив сомнение в относительной самостоятельности текста, в основе которого он видел «древнекитайскую государственную религию, только слегка задетую буддийским влиянием»⁶. Будучи не удовлетворенным французскими переводами, Лауфер говорил о необходимости нового критического перевода этого памятника.

Что касается Гребенщикова, то он также обоснованно считал этот текст образцом маньчжурской литературы, признавая в то же время значительное китайское влияние, характерное для всей официальной культуры того време-

ни, и ритуализованный характер описанных церемоний. Чтобы проиллюстрировать точку зрения переводчика, ниже мы приведем пример описания обряда жертвоприношения весеку (духу неба и земли) в часовне шаманского храма предкам Тангсэ в переводе Гребенщикова (ф. 75, оп. 1, тетр. 1, с. 29—32):

В 3-й день нового года и в 1-й день каждого месяца при совершении жертвоприношения в часовне Тангсэ — в эти дни помощник смотрителя за приготовлением жертвенного мяса и один служитель по приготовлению жертвенных приношений привешивают 27 бумажных кружков в виде медных денег к деревянному столбику, помещенному под высоким столом, находящимся внутри часовни храма. На этом столе ставят круглое серебряное блюдо-поднос с хлебцами и печеньем по времени года, серебряную чашечку со сладким вином.

На маленьком столе, установленном на полу, в фарфоровую или фаянсовую чашу наливают вино, а другую (такую же) ставят пустой. Заведующий возжжением благовоний зажигает курительные свечи. Два евнуха, играющие на трех- и четырехструнных инструментах, садятся вне часовни на замощенную камнем или кирпичной плитой дорожку по западной стороне часовни, обратясь лицом к востоку, а прислужники шаманского храма, ударяющие в кастаньеты (трещотки. — *Т. П.*) и бьющие в ладоши (при пляске или пении), — на восточной стороне, обратясь лицом на запад. Шаман, приблизившись, преклоняет колена. Заведующий возжжением благовоний подносит шаману чашечку на блюде...

После того как шаман совершит шестикратное возношение, он отдает обратно заведующему по приготовлению жертвенных мяс чашечку и блюде-поднос, единожды повергается ниц и, встав, складывает ладони вместе и подносит их ко лбу. По возглашении помощника смотрителя за приготовлением жертвенных мяс «Прекратить ударять в кастаньеты» люди, играющие на 3- и 4-струнных инструментах, на время прекращают (игру).

Заведующий возжжением благовоний подносит шаману меч, шаман берет меч, подаваясь вперед. По возглашении помощника смотрителя за приготовлением жертвенных мяс «Ударяйте в кастаньеты» играют 3-и 4-струнные инструменты, ударяют в кастаньеты и бьют в ладоши. Шаман, сделав один земной поклон, встает; по возглашении помощника смотрителя за приготовлением жертвенных мяс «Пойте хором» поют хором. Шаман, трижды преклонив

колена на нож, единожды воспевает молитвенный гимн. Все поют хором...

Шаман, опустившись на колени, обратившись с молитвой о ниспослании счастья, совершив один поклон до земли, затем встав и выполнив поднесение ко лбу сложенных вместе ладоней, отходит назад.

Поставленные в жертву хлебцы и вино отдают служителям шаманского храма предкам.

При этом камлании произносится молитва:

Сыны Неба Ниохонь Удэбэнь бэйсэ. Такой-то (имя рек) малая личность, родившись в (таком-то году по зодиаку за такого-то), малую личность родившегося в (таком-то году) — ради его возношу жертвенное вино. Духи, столпившиеся вокруг его головы, обступив с боков, ограждая спереди, поддерживая сзади, — сочетайте его с радостью и благополучием! Убелите сединою голову, пожелтите зубы во рту, (дайте) годов как можно больше! Век долгий! Корень рода глубокий! Духи умерших, имея попечения, [духи] вэчэку, покровительствуя, дайте долголетие!

Как видно из текста, описанная церемония похожа на ритуализованное китайское жертвоприношение, и все участники ее принадлежат к определенным дворцовым службам. Однако текст молитвы и шаманские призывания духов являются типичными для тунгусо-маньчжурских текстов. В середине XVIII в. после создания маньчжурской государственности в Китае и в результате постоянного контакта с другими культурами Устав отразил изменения, происшедшие в маньчжурском шаманском ритуале, и их разительное отличие от шаманизма маньчжур до завоевания Китая (т. е. до 1644 г.), который сохранился на периферии государства и исторической родине маньчжур. Текст убедительно доказывает, что описанные камлания являлись лишь частью дворцового быта, и их главное значение было в уважении и дани традиции. Более того, Устав положил начало маньчжурской литературной традиции и является самым ранним памятником, отражающим народную культуру (несмотря на то что окончательный текст был составлен при императорском дворе). Как отметил Никола ди Козмо, Устав был конечным результатом длительного процесса создания национального самосознания маньчжур в китайской конфуцианской и буддийской сре-

де. Если ранние императоры утвердили маньчжур в китайском мире политически, то Хунли возвел образ маньчжур в отдельную нацию внутри многонациональной империи, создав письменное историческое и культурное наследие⁷.

Работа Гребенщикова является не только единственным и полным научным переводом на русский язык Устава, но и ценным пособием по истории, культуре и религии маньчжур, что отражено в авторском подстрочном комментарии. Вне всякого сомнения, этот перевод должен быть опубликован. Тем не менее работа над изданием такого текста потребует обязательной сверки перевода с оригиналом, добавления китайской терминологии в комментарии Гребенщикова, а также написания комментария к оставшейся части текста.

Примечания

¹ *Пан Т. А.* Архивные материалы А. В. Гребенщикова по шаманству маньчжуров // Двадцать вторая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы докладов. М., 1991. Ч. 3. С. 136—140.

² *Волкова М. П.* Гребенщиков Александр Васильевич (1880—1941 гг.) // ПП и ПИКНВ. XIX годовичная научная сессия ЛО ИВ. М., 1986. Ч. 1. С. 28—29.

³ Английский перевод предисловия, опубликованного Николой ди Козмо в: *Manchu shamanic ceremonies at the Qing court // State and court ritual in China / Ed. by J. McDermott. Cambridge, 1999. С. 358.* Английский перевод церемоний во дворце Куньнингун см.: *Pang T. A. The Kun-ning-gung Palace in Peking: The Manchu Dynasty's Shaman Centre in the «Forbidden City» // Shaman. Vol. 1. N 2. Autumn, 1993. P. 57—70.*

⁴ *Langlès L. Rituel des Tartars-Mantchoux, rédigé par l'ordre de l'Empereur Kien-long, et précédé d'un discours préliminaire composé par ce souverain; avec les dessins des principaux ustensiles et instruments du culte chamanique; ouvrage traduit par extraits du tartar-mantchou, et accompagné des textes en caractères originaux. Paris, 1804.*

⁵ *De Harlez Ch. La religion nationale des Tartares Orientaux. Bruxelles, 1887.*

⁶ *Lauffer B. Skizze der manjurischen Literatur // Keleti szemle. 1908. N 9. С. 1—53.*

⁷ *Di Cosmo N. Manchu shamanic ceremonies... С. 385.*

T. A. Pang

**«CODE OF SHAMANIC SACRIFICES»
IN RUSSIAN TRANSLATION BY A. V. GREBENSCHIKOV
AT THE ARCHIVES OF ORIENTALISTS**

The font 75 includes 113 items from the collection of the outstanding manchurologist Alexander Vasilievich Grebenschikov (1880—1941) and is kept in the Archives of Orientalists. It is one of the most important collections on Manchu folklore and religion. These materials were collected by him in Manchuria during his field expeditions of 1908—1929. After graduating the Chinese-Manchu department of Saint-Petersburg University and defending his master degree in 1909, he worked as a professor of the Oriental Institute in Vladivostok. Only in 1935 he returned to Leningrad (Saint-Petersburg) and continued his research at the Institute of Oriental studies. He died of hunger in the besieged city on October 15, 1941, and his scholarly archive was transferred by his widow to the Archives of Orientalists in December 1941.

His Russian translation of “Hesei toktobuha manjusai wecere metere kooli bithe” — “Imperial Commissioned Code of Rituals and Sacrifices of the Manchus” (hereafter *Code*) occupies the central place in this collection. As it is mentioned in the imperial preface by the Qianlong emperor Hongli dated by 1747, the text was compiled to put in order ritual sacrifices, texts of shaman’s prayers, as well as to give the detailed descriptions of utensils used during sacrifices at the imperial temples and other sacrificial places of the imperial Aisin Gioro clan.

Grebenschikov considered the Code to be a unique sample of the Manchu original literature in which the shamanic ceremonies were greatly influenced by the Chinese culture as well as the whole official culture of that time. The shamanic sacrifice to the spirits of Heaven and Earth in the Tangse in Grebenshchikov's translation (see the Russian version of this article) clearly demonstrates that the ceremony was ritualised in a Chinese style and was carried by eunuchs and other members of the palace service, while the text of the shaman's prayer reviled its original typical Manchu character. The *Code* reflected the changes in the original shamanic ceremonies that happened under the influence of different cultures in proper China in the middle of the 18th century. It greatly differed from the local ceremonies in Manchuria and boarder areas, and was a kind of instructions for shamanic rituals of the imperial Aisin Gioro clan. Nicola di Cosmo in his cultural and historical analysis of the *Code* rightly stated that this text marked the transition from an oral to a literate Manchu culture and was the end result of a long process in the creation of a Manchu 'national' identity in the Confucius and Buddhist multinational Qing empire.

One could judge the process of translation from multiple notes and notebooks written by Grebenschikov, which were later used by him for his final type-written version. To realise such a big project one had to know all the existing literature on shamanism, as well as the Chinese culture and administration. For the first time Grebenschikov addressed to the *Code* for his master degree in 1908, and returned to it much later — the fascicles of the final type-written Russian translation are dated by the period from June 29 till December 26, 1939. This material is divided into two files that include nine fascicles with a total number of 252 type-written folios. The Russian translation of Manchu text is in eight fascicles (1, 3—9), while the second fascicle has a word-for-word commentary to the text of the first one.

Grebenshchikov was an outstanding specialist of language and culture of the Manchus, and his Russian translation is rather accurate what was proved by checking some abstracts of the translation with the original. In some cases the words and

expressions sound rather unusual for the modern Russian reader, since the scholar used Russian orthodox terminology like *obet* for the sacrifices to Heaven, *otkhodnaja* for ritual sacrifices to the spirits of ancestors and others. This Orthodox vocabulary was possibly influenced by the ritual characteristics of the text, as well as its standard use in the scientific literature of the old Russian school. The scientific commentary in the second fascicle to the first chapters of the Manchu text shows a deep Grebenschikov's knowledge of the available reference books, dictionaries, two French translations of the *Code* by Langles and De Harlez, and the description of Peking by I. Bichurin. Some of his references revile his projects of the studies of the Manchu shamanism where he planed to give detailed explanations to the Manchu ritual terminology. Unfortunately this work was not finished because of the World War II, the siege of Leningrad and his death.

The Russian translation with commentaries by Grebenschikov is not only a unique scientific work, but a good source for the study of history, religion and culture of the Manchus. This translation is worth publishing. Nevertheless, the preparatory editor's work will require a complete check with the Manchu original, as well as writing scientific commentary to the second-sixth fascicles of the text and adding Chinese terminology omitted in Grebenschikov's references.

А. Цендина

**ОБ ОДНОМ СОЧИНЕНИИ
ПО ИСТОРИИ БУДДИЗМА В МОНГОЛИИ,
ХРАНЯЩЕМСЯ В БИБЛИОТЕКЕ ИВ РАН**

В библиотеке ИВ РАН хранится машинописная рукопись на русском языке (VII М 7 ж/эрд), озаглавленная: «Что является причиной религий, исповедуемых монгольскими племенами». Автор — Эрдэнипэл, переводчики на русский язык — Ринчен и Самбу. 200 машинописных страниц.

Габджу Эрдэнипэл (1877—1960) был одним из образованнейших людей Монголии, первым настоятелем монастыря Гандан в г. Улан-Баторе после восстановления в нем религиозной службы в 1944 г. Свой труд он написал, по-видимому, в 1930-х гг., когда был вынужден покинуть монастырь из-за политических репрессий, обрушившихся на буддийских монахов в Монголии. Возможно, он работал над своим трудом по заказу Монгольского Ученого комитета. В 20-х и 30-х гг. такая практика существовала. Ученый комитет несколько раз инициировал написание трудов по истории Монголии известными учеными ламами или светскими литераторами. Говоря о построении Эрдэни-дзу, Эрдэнипэл пишет: «Можно предположить, что Эрдэни-дзу со дня основания Абатай-ханом, считая по 28-й год МНР, существует как таковой в течение 353 лет» (с. 156). По-видимому, он имеет в виду не дату образования МНР (возможно, это ошибка переводчика) — 1924 г., а дату установления независимости Монголии — 1911 г., в прошлом традиционно использовавшуюся в обозначении дат. В этом случае датой окончания труда будет 1939 г., что, между

прочим, сходится и с цифрой 353, обозначающей количество лет, прошедших со времени построения Эрдэни-дзу (1586).

Причина перевода сочинения на русский язык и обстоятельства появления его в Москве загадочны. Оно было переведено в начале 1940-х гг. Один из переводчиков, судя по написанию имени и многочисленным ремаркам в тексте, — известный монгольский ученый, академик Б. Ринчен. Известно, что, находясь в начале 40-х гг. в тюремном заключении по обвинению в шпионаже в пользу Японии, Б. Ринчен использовался властями в качестве переводчика текстов на русский язык. Кто такой Самбу, установить не удалось. Возможно, этот перевод был послан в Москву в качестве материала для написания однотомной Истории МНР, готовившейся в СССР. Конечно, все это лишь предположения, никаких данных на этот счет сама рукопись не содержит, никакими фактами из других источников я не обладаю. Текст перевода изобилует стилистическими погрешностями, опечатками, не снабжен ни введением, ни комментариями. Однако в настоящее время монгольский оригинал сочинения не обнаружен. Поэтому русский его перевод приобретает значительную ценность.

Сочинение написано в рамках традиционной монгольской историографии, в жанре так называемых «историй религии». Оно повествует об истории Монголии с древнейших времен, о древних верованиях монголов, о распространении в Монголии буддизма, о событиях, связанных с вхождением монголов в империю Цин (XVII в.). Изложение прерывается на второй половине XVII в., и это дает основание предположить, что перед нами лишь первый том. Рукопись поделена на четырнадцать глав. Деление условное, порядковый номер главы часто не указан, дано только название:

Глава I. Что является конечной причиной религий, исповедуемых монгольскими племенами? (с. 1)

Глава II. О шаманской вере древних предков монголов (с. 3).

Глава III. Учение Шигимуни и распространение его церкви в Монголии (с. 15).

[Глава IV.] Принятие восточными монголами религии Шигимуни и падение ее в Западной и Восточной Монголии (с. 38).

- Глава V. О том, каковы были у монголов религиозные дела, начиная со времен Чингис-хана и до распространения желтой религии (с. 49).
- [Глава VI.] Эпоха трех ханов после Чингис-хана (с. 66).
- [Глава VII.] Период Хубилай-цецен-хана (с. 78).
- Глава VIII. О десяти императорах Юаньской династии после Хубилая (с. 88).
- [Глава IX.] Эпоха 16 малых ханов после Тогон-Темур (с. 95).
- [Глава X.] Пути распространения желтой религии в Монголии и общая картина глубокой связи ее с властью маньчжур (с. 104).
- [Глава XI.] Как желтая религия распространилась в Монголии. О том, как желтая религия распространилась в Монголии и как стала иметь глубокие связи с маньчжурской властью.
- [Глава XII.] Наступление беспокойных времен в Монголии (с. 176).
- [Глава XIII.] Первые хитрости, которые пустили [в ход] тибетские ламы, чтобы подчинить всех монголов исключительно желтому учению и объединить их (с. 188).
- [Глава XIV.] Первые попытки с маньчжурской стороны полной колонизации всех монголов посредством использования религии в качестве оружия (с. 198).

В первой части, касающейся древнего периода и охватывающей первые четыре главы, Эрдэнипэл с материалистических, или, лучше сказать, с вульгарно-материалистических позиций пытается объяснить причины возникновения религиозных верований страхом древнего человека перед таинственными силами природы. «Истоки всякой религии и культа лежат в вымысле, родившемся у робкого, мягкосердечного человека», — пишет он (с. 2). Затем он рассказывает о происхождении монголов, отвергая версии о китайских, индийских и тюркских истоках монголов и настаивая на их происхождении от народа могол или таджиков, т. е. персов. Эрдэнипэл обосновывает эту идею записями тибетцев о хорах, которых он считает одной ветвью моголов, свидетельствами китайских и тибетских путешественников, а также монгольскими древними сказаниями о переселении монголов с запада на восток. Таким образом, Эрдэнипэл предлагает гипотезу о западном происхождении монгольского шаманизма. Он упоминает добуддийскую веру тибетцев бон как возможный источник верований древних монголов. Интересно, что эта гипотеза

сопрягается с уже современными идеями Б. И. Кузнецова и Л. Н. Гумилева о происхождении и бона, и монгольского шаманизма от персидского вероучения маздакизма.

Затем Эрдэнипэл рассказывает о проникновении буддизма к монголам.

Сообщает Эрдэнипэл также данные китайских хроник о распространении буддизма в государстве Ляо. Киданей он называет народом монгольского происхождения. Несмотря на знакомство киданей с учением Будды, «в период высшего расцвета Киданьской страны религия Шигимунуи в Монголии пришла в сильнейший упадок», — пишет он (с. 45).

В разделе о Чингис-хане (гл. V) Эрдэнипэл вновь возвращается к историографическим традициям монголов и кратко пересказывает биографию Чингис-хана по монгольским летописям.

Далее Эрдэнипэл пересказывает известный миф об установлении Чингис-ханом отношений хана-милостынедателя и ламы-наставника с сакьяским ламой. Он склонен думать, что переписка между монгольским ханом и настоятелем Сакьяского монастыря существовала в действительности, но склоняется к тому, что адресатом Чингиса был Сакья-пандита Гунгаджалцан, а не основатель монастыря Сакья-Гунганинбу, как на это указывает большинство монгольских летописей.

Эрдэнипэл сравнительно подробно останавливается на приглашении Угэдэем тибетского ламы Гун-Данбы и о предпочтении им тибетского буддизма мусульманству и христианству. Он анализирует противоречивые сведения монгольских летописей, некоторые из них указывают на Угэдэя как на пригласившего Сакья-пандиту, а некоторые — на царевича Годана.

В части, описывающей период правления юаньских ханов, Эрдэнипэл вполне традиционен. Он приводит типичный для историй религии в Монголии, как, впрочем, и для монгольских хроник, набор эпизодов, ограничивающийся, как правило, рассказом о принятии юаньскими ханами буддизма и о их взаимоотношениях с духовными наставниками. Интересны сведения автора о пребывании в ставке Хубилая Пагба-ламы.

В рассказе о периоде после падения Юаньской династии и до Батмунхэ Даян-хана Эрдэнипэл следует мон-

гольским летописям, повествуя о долгих войнах между восточными монголами и ойратами. Между прочим, он отмечает, что монгольские ханы вернулись к почитанию вечного Неба. Кроме того, они стали поклоняться и духу Чингис-хана. Эрдэнипэл указывает, что уже Бату-хан потребовал от русского князя Михаила поклониться духу Чингис-хана, от чего тот отказался и был казнен.

Далее автор нашего сочинения переходит к изложению данных о распространении в Монголии «желтой религии». В начале он останавливается на истории буддизма в Тибете, особенно подробно рассказывая об учении Цзонхавы. В частности, он приводит данные тибетских источников о возникновении института перерождений в секте черношапочных кармапасцев и заимствовании этого института желтошапочниками.

Эрдэнипэл анализирует данные источников о формировании семи хошунов Халхи. Он утверждает, что Халха как отдельный тумэн появилась задолго до времени государства Батмунхэ-хана, и халхасцы были потомками киданей. Затем автор переходит к рассказу о возвышении тумэдского Алтан-хана и принятии им буддийского вероучения от III Далай-ламы. Об этом он повествует очень подробно. Он замечает, что на самом деле Алтан-хан тумэдский и Сэчэн-хунтайджи ордосский познакомились с буддизмом намного ранее, во время своих походов на Амдо. Он подчеркивает, что в это время монголы принимали не только гэлугпаских иерархов, но и сакьясцев и карджудпасцев. Есть в этом сочинении и курьезные построения. Обосновывая тот факт, что монголы фактически стали буддистами в XVI в., Эрдэнипэл пишет: «Тибетцы древле были любителями чая. Религия Будды, распространенная среди тибетцев, этих любителей чая, не может быть оторвана от чаепития. В Монголии же до второй половины XVI в. не употребляли чая. Поэтому когда в 1577 г. или в 5-м году правления Минского Вань-ли в 9-й луне шаньсийский пристав Цзюй-ши-ши-чен доложил, что Гуюань-су-цзюнь-фу Алтан-хан послал монгольское письмо с просьбой открыть торговлю чаем, то китайцы удивились: почему монголы, совершенно не употреблявшие чая, вдруг запросили его? Что бы это могло значить? По этому факту можно судить, что буддизм в Монголии распространился со второй половины XVI века» (с. 125).

Эрдэнипэл пишет, что Минский Китай способствовал принятию монголами буддизма, стремясь усмирить воинственных соседей. Таким образом, еще задолго до маньчжурской династии, которой обычно приписывается политика поддержки процесса распространения буддизма в Монголии, эту идею претворяли в жизнь власти Минского Китая. Он приводит многочисленные цитаты из китайских сочинений, подтверждающих это.

Далее идет рассказ о принятии буддизма халхасцами. Эрдэнипэл тщательно анализирует дату встречи Далай-ламы и Абатай-хана. Как известно, в источниках говорится о 1577 или 1586 г. Эрдэнипэл останавливается на последнем. Он утверждает, что халхасцы были знакомы с буддизмом и ранее, считая, что Абатай-хан и его младший брат приняли буддийскую веру, будучи в походе на олётские племена, которые познакомились с буддизмом намного ранее восточных монголов. Другое интересное сообщение касается посылки Далай-ламой в Халху для освящения Эрдэни-дзу сакьяского ламы. Сравнив большое количество данных, Эрдэнипэл приходит к выводу, что Далай-лама «считал, что Сакьяский закон не хуже закона желтой веры и так же хорош... Монастырь Эрдэни-дзу был вначале, по-видимому, даже почти Сакьяским, придерживающимся в основном его догм и установлений» (с. 154).

Далее Эрдэнипэл повествует о начале перевода религиозных сочинений на монгольский язык, о войне между халхасцами и олётами, о возвышении хошутского Гуши-хана, о религиозной войне в Тибете, о поездке Сайн-ноёна Тумэнхэна в Лхасу, о вступлении войск западных монголов в Тибет для поддержки партии желтошапочников в начале XVII в., об избрании V Далай-ламы, о кознях Таранаты против желтошапочников, т. е. рассказывает преимущественно о тибето-монгольских отношениях.

Последняя часть этого сочинения посвящена началу маньчжурской «эпохи». Эрдэнипэл показывает, как завоевание маньчжурами монголов было облегчено распрями последних на религиозной почве.

Как мы видим, Эрдэнипэл использовал большой фактический материал, частично не известный до настоящего времени, почерпнув его из многочисленных монгольских летописей, тибетских исторических сочинений и китайских хроник. Чаще всего он не указывает своих источни-

ков, но иногда называет их. В частности, он цитирует «Золотое сказание», по-видимому Лубсандандзана, «Желтую историю», «Хрустальные четки» Рашпунцага, «Хрустальное зеркало» Джамбадорджа, многочисленные тибетские источники, например «Дэбтэр джамцо», которое он называет «Дэбтэрийн далай», китайские хроники, например «Мэнгу-ю-му-цзы». Судя по сведениям, сообщаемым им, он работал и с сочинением Саган-Сэцэна «Илэтхэл шастрой», тибетскими дунрабами, гарчиками, перепиской чиновников, дневниками и пр.

Чувствуется отдаленное знакомство автора с некоторыми европейскими трудами и методами исторической науки. Такое сочетание образованности в традиционных знаниях со стремлением использовать новые подходы делает его сочинение интересным не только с исторической, но и с историографической точки зрения. Эрдэнипэл ставит своей задачей если не анализировать события, то хотя бы объяснять их, а это заставляет его искать в исторических источниках, с которыми он был хорошо знаком, новые данные, а также вводить в оборот неизвестные, забытые или периферийные для монгольской историографии сочинения.

A. Tsendina

**A WORK ON THE HISTORY OF BUDDHISM
IN MONGOLIA FROM THE LIBRARY OF THE SPIOS**

The library of the SPIOS contains a typewritten manuscript in Russia (VII M 7 zh/erd) entitled: «What is the cause of the religions professed by the Mongol tribes». The author is Erdenipel; the translators into Russian, Rinchen and Sambu. It consists of 200 typewritten pages.

Gabdzhu Erdenipel (1877—1960) was one of the most educated man in Mongolia, the first superior of the monastery of Gandan in the city of Ulan-Bator after the resumption of religious services in 1944. He appears to have written his work in 1930, when he was compelled to abandon the monastery because of the political repression which befell the Buddhist monks of Mongolia.

The reason for the work's translation into Russian and the circumstances of its appearance in Moscow are difficult to ascertain.

At present, the Mongolian original has not been found, which renders the Russian translation of significant value.

The work fits within the framework of traditional Mongolian historiography, the genre of the so-called «histories of religion». It narrates the history of Mongolia from the most ancient times and tells of the Mongols' ancient beliefs, the spread of Buddhism in Mongolia, and events linked with the Mongols' entrance into the Tsin Empire (17th century). The exposition breaks off in the second half of the 17th century, which gives

reason to believe that it is merely a first volume. The manuscript is divided into 14 chapters.

In the first part, which treats the most ancient period and includes the first four chapters, Erdenipel, basing himself on materialist (or, to me more accurate, vulgar materialist) positions, attempts to explain the reasons for the emergence of religious beliefs as a consequence of ancient man's fear of the mysterious forces of nature.

Erdenipel goes on to describe the spread of Buddhism among the Mongols.

Erdenipel also recounts information from Chinese chronicles on the spread of Buddhism in the Liao state. He calls the Kidan a people of Mongol descent.

In the section on Chingis-khan (chapter V), Erdenipel returns to the historiographical traditions of the Mongols and briefly recounts the biography of Chingis-khan on the basis of Mongol chronicles.

Later, the author moves to an exposition of information on the spread of the «yellow religion» in Mongolia.

Erdenipel writes that Ming China aided the Mongols' acceptance of Buddhism in an attempt to pacify their warlike neighbors.

Erdenipel goes on to describe the first translations of religious works into Mongolian, the war between the Khalkhas and the Olyot, the elevation of the Khoshut Gushi-khan, the religious war in Tibet, Sain-noyon Tumenkhen's journey to Lhasa, the entrance of the Western Mongols' troops into Tibet to support the «yellow hats» faction in the beginning of the 17th century, the election of the V Dalai-lama, Taranata's plotting against the «yellow hats» ... In short, he concentrates on Tibetan-Mongolian relations.

The final part of the work deals with the beginning of the Manchurian «era». Erdenipel shows that the Manchurian conquest of the Mongols was aided by religious strife among the latter.

As we have seen, Erdenipel used a great deal of factual material partially unknown until the present which he extracted from numerous Mongolian chronicles, Tibetan historical works,

and Chinese chronicles. In most cases, he does not indicate his sources, although there are exceptions.

One senses that the author was distantly familiar with several European works and the methods of historical science. This combination of traditional knowledge and a desire to employ new approaches renders his work interesting from a historiographical, as well as historical, vantage point. Erdenipel set as his goal perhaps not an analysis of events, but at least an explanation, which compelled him to seek out new information in the historical sources he knew and to introduce into circulation unknown or forgotten sources or works which had hitherto remained peripheral to Mongolian historiography.

А. А. Бурькин

**О РУКОПИСНЫХ И ПЕЧАТНЫХ ИСТОЧНИКАХ
«ОПИСАНИЯ ЯКУЦКОЙ ПРОВИНЦИИ» 1794 г.**

Среди разнообразных архивных материалов по этнографии и истории народов Сибири имеется один источник, который уже привлекал внимание исследователей (З. Д. Титова) и вызывает особый интерес, — это «Описание Якуцкой провинции», составление которого датировано 1794 г. (РНБ, Эрмитажное собр., № 2386-f, 48 л.). В этом источнике содержится информация о якутах, их материальной культуре, хозяйстве, одежде, обычаях, религиозных представлениях и обрядах. В «Описании Якуцкой провинции» содержатся данные также и о других народах, представляющих коренное население Крайнего Северо-Востока России — эвенах, юкагарах, чукчах и коряках.

Среди источников по этнографии народов Сибири XVIII в. «Описание Якуцкой провинции» входит в своеобразную группу этнографических источников XVIII в., имеющих среди разнообразных сообщений один пассаж, содержание которого по крайней мере требует комментариев. Речь идет об описании обычая сохранять кости умерших шаманов, использовать их в качестве домашних охранителей-амулетов и использовать их для предсказания будущего. Вот что говорится об этом в «Описании Якутской провинции»: «Коряки также с отменным уважением поклоняются солнцу и луне, сверх того имеют вместо идола обвешанные оленью кожей человеческие кости; жертвоприношение, так же как и у других народов, состоит в том, что убивают зверей и их съедают, однако ж сие бывает очень редко и почти совсем не в употреблении» [1, с. 82—83].

Описание обычая сохранять кости шаманов и почитать их характерно также для материалов по истории народов Якутии, которые были составлены в 60-е и 80-е гг. XVIII в. Эти документы, хранящиеся в Якутском республиканском архиве, были изданы А. П. Окладниковым еще в 1948 г. [2, с. 17—48]. Один из этих документов имеет название «Описание... о нравах, качестве и обхождении находящихся в окрестности и ведомстве города Якуцка ясашных разных родов иноверцах...». С тех пор эти документы были по крайней мере однажды перепечатаны в виде объемных выдержек [3, с. 238—254], в частности, следующий отрывок, характеризующий коряков: «Вера их: кланяются солнцу и луне и обшивают мертвого кости в оленью кожу и обнизывая одекуем, а мертвые человеческие тела, как протчия ясашныя иноверцы, на лакбазы и в землю не кладут, только зажгут на огне» [2, с. 36].

Еще один источник, входящий в интересующую нас группу документов, — «Описание Иркутского наместничества» — также включает материалы по этнографии народов Якутии. Это описание, составленное еще в 1792 г., было опубликовано только в наши дни — в 1988 г. В этом документе содержится та же характеризующая религиозные верования и рассматриваемый обычай фраза, что и в указанном выше источнике [4, с. 155].

В то же время между «Описанием...», опубликованным в 1948 г., и соотносящейся с ним печатной статьей из журнала «Российский Магазин», на которую обратил внимание А. П. Окладников [2, с. 19, 47, примеч. 5], существуют мелкие различия, которые могут быть значимыми при анализе соотношения этих текстов с другими историко-этнографическими источниками.

Сверка текстов четырех названных источников («Описание Якуцкой провинции» 1794 г., «Описание Иркутского наместничества» 1792 г., журнальная статья 1792 г. и «Описание... о... иноверцах» 1758 г.) показала, что между ними существует значительное сходство. Это сходство может быть объяснено следующим образом. «Описание Якуцкой провинции», составленное для Екатерины II в 1794 г., имеет непосредственным источником печатную статью «Российского Магазина» 1792 г. В свою очередь, «Описание народов Российской империи», составленное в 1770 г. и опубликованное в 1792 г., опиралось на более ранние докумен-

ты, которые, без сомнения, были составлены непосредственно в Сибири при участии и под руководством тогдашнего иркутского губернатора генерал-поручика И. В. Бриля, по распоряжению которого они и были переданы в Камер-коллегию. Можно с уверенностью утверждать, что в числе этих документов были подлинники или копии описаний народов Якутии, найденных и изданных А. П. Окладниковым, в частности, «Описание» 1758—1759 гг. сохранилось в Якутске именно в копии, приложенной к делу 1785 г. В свою очередь, очевидно, что эти же материалы были использованы и при подготовке текста «Описания Иркутского наместничества» 1792 г. в той его части, которая относится к Якутии. В частности, фраза этого документа: «Коряки сходствуют в виде с якутами, язык же их одинаковый с языком соседствующих с ними немирных чукчей» [4, с. 154] — идентична с соответствующим текстом «Описания Якуцкой провинции». Еще одна цитата из статьи в «Российском Магазине» почти идентична документам, изданным А. П. Окладниковым. Ср.: «А у Чюкч нрав и качество их равно как и у Коряков, и язык имѣют сходственной и неразличной, а для легости и разминажа пинают печи (= мячи. — А. Б.) и копейному сраженію обучаются, також и друг друга из луков стреляют до ран» [5, с. 373]. Текст «Описания...» 1758—1759 гг.: «А у чукоч нрав и качества, равно как коряки, и язык имеют сходственной и не различной, а для легости и разминажу пинают мячи и копейному сражению обучаются, тако же и друг друга из луков стреляют до ран» [2, с. 36].

В печатном тексте «Описания народов Российской империи» имеются статистические данные о населении Якутской провинции: «А по справкѣ в Якутской Воеводской Канцеляріи по нынѣшней переписи во всем Якутском вѣдомствѣ разных народов состоят: Якутов 34 132, Тангутов 2714, Ламуток 386, Юагирей 581, итого 37 813 человек» [5, с. 376]. Эти же данные в иной форме, которая более исправно передает этнонимы, приведены в другом источнике, также изданном А. П. Окладниковым, — небольшой статистической справке, сохранившейся в копии среди издаваемых им документов. Эта «справка» опубликована А. П. Окладниковым сразу после документа с заголовком «Описание обитающих в Якутской области якутов о начале их происхождения и о достопамятностях, произ-

шествии, равномерно вере, законе, их обрядах и о прочем», составленного коллежским асессором Осипом Матушевским «15 числа 1785 года (очевидно, 15 января. — А. Б.)» («По справке в ясажном повытье по нынешней вновь переписи (sic! — А. Б.) ясашных разных народов состоит, а именно — якутов 34 132, тонгусов 2714, ламуток 386, юкагиров 581, итого 37 813 человек» [2, с. 46].

Обычай хранить кости умерших шаманов, о котором здесь говорится, характерен только для юкагиров. Употребление этнонима «коряки» здесь явно ошибочно. При этом причина такой ошибки не могла быть установлена без обращения к внутренней форме — мотивировке этнонима «коряки». По-чукотски слово *а-к'ора-кы*, *а-к'ора-кы-лг'ын* действительно является грамматической формой слова *к'оран'ы* 'олень', но означает 'не имеющий оленей, безоленный'. В понимании чукчей это слово применимо к любому этносу, представители которого не являются оленеводами — в XVII—XVIII вв. оно могло быть приложимо и к приморским чукчам, и к оседлым приморским корякам, и к юкагирам.

И. К. Кирилов еще в середине XVIII в. знал о том, что описываемый обычай сохранять в функции амулетов останки умерших шаманов характерен именно для юкагиров: «Те юкагири знатных своих мертвых, выпотроша, засушивают и возят в своих юртах в платье, какое живые носят, а в кибитках сажают в первое место» [6, с. 296].

В отличие от обычая хранить кости умерших шаманов, который исполнялся примерно до начала 30-х гг., а сами амулеты-охранители сохранялись до сравнительно недавнего прошлого, указания Я. Линденау, будто бы юкагиры изготавливали из кожи умерших шаманов бубны [7, с. 155], несмотря на свой почтенный возраст (они относятся к 40-м гг. XVIII в.), очевидно, не соответствуют действительности по своему содержанию. Согласно описанию В. И. Иохельсона, юкагирские бубны относятся к центральноазиатскому типу и имеют достаточно большие размеры, так что человеческой кожи едва ли могло хватить на бубен такой величины. Кроме того, известно, что сам Линденау у юкагиров не был и собирал сведения о них из вторых рук, а данное сообщение не подтверждается иными источниками по этнографии юкагиров.

Относительно необычного сообщения, согласно которому обычай сохранять останки шаманов в качестве амулетов описывается как характерный для коряков, необходимо отметить, что все содержащие его документы восходят к какому-то одному источнику — «Описанию...» 1758—1759 гг. или документам, лежащим в его основе. В этих документах, как можно думать, была зафиксирована информация о народах Якутии, полученная со слов оленных чукчей, которые называли «не имеющими оленей» или «коряками» (*а-к'оракылг'ыт*) юкагигов.

Л и т е р а т у р а

1. *Титова З. Д.* Обзор этнографических материалов о народах Сибири отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Советская этнография. М., 1972. № 2.
 2. *Окладников А. П.* К истории этнографического изучения Якутии // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948.
 3. Колумбы земли Русской. Хабаровск, 1989.
 4. Описание Иркутского наместничества. Новосибирск, 1988.
 5. Российский Магазин. 1793. Ч. 1.
 6. *Кирилов И. К.* Цветущее состояние Российского государства. М., 1977.
 7. *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). Магадан, 1983.
-

A. A. Burykin

**THE HANDWRITTEN AND PRINTED SOURCES
OF THE «DESCRIPTION OF THE YAKUTSK PROVINCE»
(1794)**

The subject of the paper is «The Description of the Yakutsk Province» (1794), the manuscript of St. Petersburg Russian National Library (The Hermitage Collection, N 238_{6-f}) and the problem of its sources. This manuscript (48 sheets) belongs to the so-called The Hermitage Collection, which was formed from the personal collection of Catherine II, and we may be sure that «The Description of the Yakutsk Province» was compiled specially for Catherine according to her great interest to the history and the questions of political sciences relating to the problems of Russia. This manuscript describes the physical anthropological features, the material culture, costumes, customs and traditional religious beliefs of the Yakuts and the other peoples who present the ancient native inhabitants of Yakutia in the borders of that time — the Yakuts, the Evenkis (Tungus), the Evens (Lamuts), the Yukagirs, the Chukchees and the Koryaks. The documents of the 17–18th centuries nowadays are very important source of information for the ethnologists who study the culture of the peoples of Siberia, however, there are some problems in understanding their contents from the historical, philological and properly linguistic points of view.

Besides its proper history, closely connected with the history and historiography of Russia in the 18th century as well as with the history of Russian ethnology expurgating the various peoples of Russia, «The Description of the Yakutsk Province» of 1794

gives us among all the other information the characteristics of the customs of the native peoples of Eastern Siberia. Together with the other customs, there is the description of the custom to preserve the remains of the dead shamans as the home amulets. From the other sources of information and from the field observations of the 19–20th centuries such custom is well-known as the custom of the Yukagirs, it belonged only to this people all over Siberia and was never mentioned as the custom of any other Siberian people; it is also rather important that the language and culture of the Yukagirs made the scholars to regard this people as the isolated ethnic community which had no close relatives among the neighboring peoples. «The Description of the Yakustk Province» presents the description of this custom as a custom of the Koryaks in connection of their religious beliefs. Besides «The Description of the Yakustk Province» the custom to keep the parts of the bodies of dead shamans was being depicted in some other documents of the 18th century, but all such cases should be truly regarded as a sort of mistake.

So, while discussing our main subject we have to solve two problems concerning the information of «The Description of the Yakustk Province» relating to this custom. First of all, either there were in fact several documents with the depiction of the custom of keeping dead shamans' bones at home and worshipping them as the Koryak custom, or all the pieces connected with this custom date back to one source, which is unknown to us. Further, we must find the solution of the problem connected with the names of the peoples. The first idea which had to come to the mind of all the scholars who explored the ethnic history and culture of the peoples of the Far North of Russia could be the idea of mixing the names of Yukagirs and the Koryaks. But it is very important to note, that all the documents of 18th century which present us the custom of keeping and worshipping the shaman's remains as the custom of the Koryaks, always do not mention that the very same custom (in fact it is unique all over Siberia) existed among the Yukagirs, though the Yukagirs were known to the researchers of the 18th century much better than the Koryaks (who now live outside the administrative territory of Yakutia).

This fact seems to us very symptomatic for the assumption that in some documents of this period the name «the Koryaks» could be used by some reasons in relation to the Yukagirs or some other peoples — the etymology of the word «the Koryaks» and its way to the Russian language from the documents of the middle of 17th century were hitherto not quite clear.

The comparison of all documents describing the peoples of Yakutia with special attention to the information about the custom to preserve the remains of the dead shamans gave us the opportunity to find at least one direct source of the «Description of the Yakutsk Province» of 1794. This is the manuscript of the description of the native peoples of Yakutia, which was compiled in Yakutsk in 1758—1759 and published by A. P. Okladnikov in 1948 together with some other documents relating to the history of Yakutia, and partially published once more in 1989. A. P. Okladnikov indicated that some parts of the description of Yakutia of 1758—1759 were published already in the end of 18th century as one of the papers in the journal «Rossiyskiy Magazin» (1792).

Now we can observe that there are some small differences between the text edited by the manuscript of 1758—1759 in 1948 and the printed article of 1792, probably originating from the different correctness of some handwritten copies of this document, especially the copy used for the article in the journal «Rossiyskiy Magazin» of 1792.

Looking through the other materials to the ethnology of Siberia in the 18th century and comparison of the information of these materials concerning some peoples, first of all the Yukagirs and the Koryaks lets us to find out that the same materials were also used in other document — so-called «The Description of the Irkutsk Vicegerency» which was compiled in 1792 and edited only in 1988. Some fragments of «The Description of the Irkutsk Vicegerency» turn out to be identical with two texts which were named above — «The Description of the Yakutsk Province» of 1794 and the documents of 1758—1759. The most part of the descriptions of various peoples of Yakutia is common in all the texts and so we may be sure that all the documents mentioned above originate to the only one source of information. Probably, it was the description of Yakutia of

1758—1759 which could have been spread in copies widely in St.-Petersburg and also in some Siberian towns.

So, «The Description of the Yakutsk Province» of 1794 contains the materials taken from the earlier documents — first of all the descriptions of Yakutia of 1758—1759 and the printed article from the «Rossiyskiy Magazin» of 1792, which were already available to the scholars for a long time. «The Description of the Yakutsk Province» of 1794, though it is still not published, turns out to be one of the documents of the whole family of the manuscripts telling us about the Yakuts and the other peoples of Yakutia, but from the chronological point of view it is the latest in this family, and from the point of view of the genealogy of the manuscripts it is a compilation.

Having found out the origin of the name «The Koryaks» we get the possibility to explain the usage of this name in the documents of 17—18th centuries in application to the peoples who were not the contemporary Koryaks. The word «The Koryaks» is really connected with the Chukchee word «k'orany» 'reindeer', as the Russian scholars of the middle of 18th century wrote about, but it originates from the specific negative form of the adjective — *a-k'ora-ky* 'without reindeer, that one who has no reindeer'. In the earliest texts of the middle of the 17th century and even in the 18th century this name is used as the name for the seaside Chukchees given by the reindeer Chukchees. Now we can say that the characteristics of the Yukagir custom of keeping the shamans' bones at home and worshipping them as related to the Koryaks, which was being found in several texts of 18th century, can be explained as the misunderstanding the tellings of other native people of Yakutia — the reindeer Chukchee, who could name as «ak'oraky», «ak'orakyl'yt» 'those who have no reindeer' everybody among their neighbors: the seaside Chukchees, the seaside Koryaks and also the Yukagirs. In some texts they named with this name the Yukagirs, and this becomes obvious in the result of the analysis of the depiction of the customs of the people named as «the Koryaks».

И. В. Зайцев

**РОССИЙСКИЕ АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ АСТРАХАНСКОГО ХАНСТВА
(к хронологии правлений ханов Джанибека и Хусейна)**

В отечественной и зарубежной историографии работы, посвященные истории Астраханского ханства, почти отсутствуют. Можно назвать лишь несколько кратких очерков астраханской истории (см.: [11, с. 163—166; 7, с. 217—230; 4, с. 1—18; 1] и др.), а также статью М. Г. Сафаргалиева, написанную около полувека назад [12]. Только исследование М. Г. Сафаргалиева касалось истории Астрахани до ее завоевания, прочие же освещали в основном события 1550-х гг. Безусловную ценность представляет также раздел в книге Ш. Марджани [5], посвященный астраханским ханам.

Одной из причин отсутствия исследований по астраханской истории является недостаточное использование архивного материала. Подлинные документы переписки астраханских ханов с московскими великими князьями, ханами Казани и Крыма, ногайскими мирзами не сохранились. Важнейшим источником по истории Астрахани во второй половине XV—первой половине XVI в. являются Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, Крымским ханством и Турцией. Большая часть их опубликована в сборниках Русского исторического общества. Не опубликованы 3 Крымские книги (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, 7, 9) за годы 1523—1532, 1533 и 1545—1548. Не полностью публиковались документы Посольской книги по сношениям с Турцией (РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1) 1512—1569 гг. [10], а также Ногайские дела за 50-е гг. XVI в.

Несмотря на большой объем опубликованного материала, зачастую для правильного понимания событий астраханской истории требуется обращение к архивному подлиннику. Это касается, в частности, хронологии правлений ханов в конце 10-х—первой половине 20-х гг. XVI в.

Не позднее лета 1514 г. на астраханский престол вступил Джанибек, сын Махмуда и брат Абд-ал-Керима. Ш. Марджани передавал его родословную так: «Затем [правил] Абу-Сайид Джанибек-хан, бин Барак-хан, бин Куюрчак-хан, бин „рус-хан“» [5, с. 134]. Так же излагает его генеалогию и Шарафутдинов [15]. Ш. Марджани, а вслед за ним и Шарафутдинов, видимо, путали Джанибека сына Махмуда с казахским Джанибеком (действительно третьим сыном Барака, внуком Куюрчака, четвертого сына «руса»). Он родился не позднее 1429 г. и ненадолго пережил своего брата Гирея (последний раз упоминается в источниках под 1473/74 г.) (см.: [13, с. 25—29]), следовательно, его правление в Астрахани в указанное время более чем сомнительно. В том убеждает письмо московского посланца Василия Коробова из Азова, доставленное в Москву 19 июня 1515 г. По дороге в Азов В. Коробов поймал нескольких татар. Один из них, Кара-Чура, сообщил Коробову (речь шла о событиях лета), что «посылал Зенебек (т. е. Джанибек. — *И. З.*) царь человека с грамотою к Чагир-мырзе, да к Шийдяку, да к Мамаю, да к Келмамаю, чтоб пошли с ним воевати Шигим-мурзу» [9, с. 144]. В. Коробов писал письмо в мае 1515 г., следовательно, события, о которых рассказал ему Кара-Чура, не могли относиться к лету 1515 г., а, скорее, происходили прошедшим летом 1514 г. Эту дату называл и М. Г. Сафаргалиев [12, с. 40]. Джанибек мог начать править и ранее. Так, Шарафутдинов пишет о вступлении Джанибека на престол в 915 г. х. (1509/10). Опись архива Посольского приказа дает другую дату. В приказе хранились «Книги астороханские с лета 7029-го по лето 7042-го, при великом князе Василье Ивановиче всеа Русии и после его при сыне его при великом князе Иване Васильевиче всеа Русии до царского имянованья (т. е. до венчания Ивана IV на царство в 1547 г. — *И. З.*), как был в Асторохани Яныбек царь» [6, с. 106]. Следовательно, согласно Описи, Джанибек правил в Астрахани с 1521 г. по 1534 г. С другой стороны, в архиве Посольского приказа хранились «Книги астороханские с лета 7016-го по лето

7025-го, при великом князе Василье Ивановиче всеа Русии, как был в Асторохани Обдыл-Керим царь» [6, с. 106]. Таким образом, получается, что Абд-ал-Керим (брат и предшественник Джанибека на троне) правил в Астрахани с 1508 г. по 1517 г. Тогда следует допустить, что в описи архива Посольского приказа не учтен перерыв в правлении Абд-ал-Керима (по меньшей мере, с лета 1514 г. по весну 1515 г., когда правил Джанибек) или же В. Коробов был дезинформирован (что менее вероятно).

10 мая 1521 г. в Москву прибыло письмо некоего Зани Зудова, пробывшего, по его собственным словам, в плену в Астрахани 4 месяца. Зудов писал: «Ино при мне, государь, приходил посол из Крыма к Азстороканскому царю, а молил так Зяныбеку царю: меж собою есмь братья, что был есми в дружбе с Московским, и он передо мною изменил: а сам иду на Московского со всею своею силою, а хочешь со мною дружбы и братство держати, и ты б сам пошел на Московского или салтанов послал. И азстороканской, и князи, и земские люди с тобою не хотят, государь, недружбы, все, государь, хотят с тобою дружбы» [9, с. 678—679].

Таким образом, по крайней мере, в начале 1521 г. (до, вероятно, марта-апреля), в Астрахани продолжал править Джанибек. В этом же году Джанибек умер, свидетельство о чем сохранилось в Посольских книгах по связям с Турцией: «А царя Азстороканского Ченибека не стало, а иного царя в Азсторокани по ся места еще не ведаем» (РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 194).

22 апреля 1521 г. в Москву прибывают письма азовских чиновников — кади (судьи), «коючного» капудан-аги (начальника корабельной части) и бурган-аги (гражданского чиновника). В письме сообщались астраханские известия: «Шигим-мирзу убили да и орды его взяли, и опять брат его ногайской Шийдяк-мурза Мусофар солтана убил да и семи солтанов с ним, а не осталось ни одного в Азсторокани, да и все свое взяли назад да и азстороканской улус поймали, а нынеча толко один город остался» [9, с. 675]. Фраза «а нынеча толко один город остался», вероятно, означает, что хан, если он остался в живых (убили ведь как будто бы только султанов), контролировал только сам город даже без окрестностей. Вероятно, конфликт Шихима (Шигима) и Шейдяка (двух братьев) разгорелся имен-

но из-за Астрахани. Если эта интерпретация верна, то в городе остался какой-то другой хан, а Джанибек погиб в распре. В источниках есть один весьма неясный намек на то, что Джанибек оставил астраханский трон далеко не мирным путем.

Как следует из письма азовского «беккула» Мухаммеда, написанного Василию Ивановичу в июне 1523 г., после неудачного похода Мухаммад-Гирея на Астрахань ногайцы бросились в погоню за отступающими крымцами через три дня после того, как город был оставлен. В опустевшую Астрахань без боя вошел Хусейн.

Хусейн был сыном Джанибека сына Махмуда. Было ли его воцарение в Астрахани после ухода отсюда ногайцев вторичным или же он впервые начал править в городе в конце весны или в начале лета 1523 г.? Именно о вторичном восшествии астраханского царя на престол после разгрома Мухаммад-Гирея писал С. Герберштейн, однако он не называл его по имени — Хусейном [2, с. 184]. Сопоставляя сообщение З. Зудова и сведения письма азовского беккула Мухаммеда, можно сделать вывод, что Хусейн мог взойти на престол между весной 1521 г. (упоминанием Джанибека как правящего и драматичными событиями смерти султанов) и весной 1523 г. (походом Мухаммад-Гирея), т. е. сменить Джанибека еще до похода крымского хана.

Об обстоятельствах пребывания Хусейна на астраханском престоле свидетельствуют документы Посольской книги по связям России с Крымом. Едва вступив на престол в 1523 г., новый крымский хан Саадет-Гирей пишет великому московскому князю письмо, в котором делится с Василием планами похода на ногайцев: «И яз ныне и землю свою и рат(ь) свою в руки взял, на своего недруга на нагаев борзо хочю идти» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 8 об.). В этом же письме хан заявлял: «И как салтан Сюлеймен Шаг таков у меня брат есть, так же и астороканской Хусейн-царь, то мне брат же. А и в Казани Саип-Гирей цар(ь), и то мне родной брат, и с ыную сторону — казатцкой цар(ь), то мне брат же, а Агыш княз(ь) мой слуга. А с сю сторону черкасы и тюмени мои же, а король холоп мой, а волохи — и то мои нутники и стадники» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 8 об.). Саадет рисовал явно неправдоподобную картину своих отношений с главными политическими силами, окружавшими Крым.

Из письма можно сделать вывод: астраханским ханом летом 1523 г. продолжал быть Хусейн. В том, что в Астрахани правил тогда именно Хусейн, убеждает и наказ И. С. Морозову, посланному в Турцию (отпущен из Москвы 30 марта 1523 г.). На вопрос: «А с Азсторокан(ь)ю как ныне князь великий?» — Морозову следовало отвечать: «Присылал Хусейн цар(ь) азстороканской ко государю нашему своих послов, чтоб государь наш был с ним в дружбе. А и ныне у государя нашего от Хусейн царя люди его есть» (РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 242) [3, с. 49].

Противореча собственным уверениям в дружественных отношениях с Астраханью, Саадет-Гирей весной 1524 г. в проекте шерти, присланном в Москву, прямо называет Астрахань своим врагом. «А кого станеш себе недругом держати, и яз тому недругом буду. Оприч казанские земли, и нагаем, и Азсторокани твоим недругом недружба ми чинити. А на сей роте крепко ми стояти. А учнеш Азсторокан воевати, Волгою суды запроважу, а полем конную рат(ь) пошлю, так же и на нагаев, недругов твоих рат(ь) пошлю, а водою будет суды надобе, и яз суды пошлю» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 57—57 об.). Саадет-Гирей вновь, как до этого Менгли и Мухаммад, пытался заручиться поддержкой Москвы в войне с Астраханью и ногайцами. Василий отказывается подписывать этот вариант шерти. Главной причиной было нежелание Москвы вступать в конфликт на крымской стороне. К тому же московский вариант шерти, уже подписанный к тому времени Саадетом, был им изменен и неправильно заверен (отсутствовали печати) (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 69 об.—70). И. Колычеву была дана инструкция, как подписывать шерть перед ханом: «А учнет говорити, чтоб написати в грамоту Азторокан или Нагаи или Казан, и ты б того в грамоту однолично не писал и в том бы еси не имался и правды не давал» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 76—76 об.). И. Колычеву следовало ссылаться на грамоты, подписанные между Москвой и Крымом во времена Менгли-Гирея: «И в тех грамотах Азсторокан и Нагаи, и Казан не писана». «А Азсторокан: и Нагаи, и Казан и наперед того в грамотах были не писаны, а и ныне их писати непригож» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 76 об.).

Политический кризис в Крыму на исходе 1524 г. на некоторое время снизил актуальность астраханского вопроса

во внешней политике Крыма. Теснимые казахами, ногайцы вновь установили контроль над Астраханью, а астраханский хан (вероятно Хусейн) не смог сдержать их напора и не пустить на правый берег Волги. Возможно, сведения о казахском натиске — недоразумение, т. к., согласно другим источникам, казахи к тому времени были полностью разгромлены ногаями и оттеснены на восток. По весьма вероятному предположению В. В. Трепавлова (устное сообщение), в этом месте шестой крымской Посольской книги оказалась переписана грамота 1519—1520 гг.

Таким образом, правление Джанибека началось никак не позднее лета 1514 г. (возможно раньше). Вероятно, весной 1521 г. он погиб в распре с ногайскими мирзами. Астраханским ханом стал, по всей видимости, Хусейн, сын Джанибека. Поначалу он придерживался ногайской ориентации. Поход на Астрахань крымского хана Мухаммад-Гирея в 1523 г. привел к кратковременному безвластию в городе, а затем Хусейн вернул престол, однако уже без опоры на ногайцев. Зимой 1523—1524 гг. ногайцы безуспешно пытаются вернуть контроль над Астраханью. Выяснение точной даты окончания правления Хусейна — предмет отдельного исследования и выходит за рамки данной работы.

Литература

1. *Верейн Л. Е.* Присоединение Нижнего Поволжья к Русскому государству. Начало строительства русской Астрахани. Астрахань, 1958.
2. *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии. М., 1988.
3. *Дунаев Б. И.* Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916.
4. *Карнович Е. П.* Покорение царства Астраханского // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Вып. 1. Астрахань, 1896.
5. *Марджани Ш.* Мустафад аль-ахбар фи эхвали Казан ва Булгар. Казан, 1885 (араб. шрифт).
6. *Опись царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г.* М., 1960.
7. *Перетятыкович Г.* Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.
8. *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489—1549.* Махачкала, 1995.
9. *Сборник Русского исторического общества.* СПб., 1895. С. 95.
10. *Рогожин Н. М.* Посольские книги России конца XV—начала XVI в. М., 1994.

11. *Рычков П. И.* Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767.
 12. *Сафаргалиев М. Г.* Заметки об Астраханском ханстве // Мордовский государственный педагогический институт им. Полежаева: Сборник статей преподавателей института. Саранск, 1952.
 13. *Султанов С. И.* Правители первого Казахского государства (1470—1718). Алматы, 1993.
 14. *Фэхретдин Р.* Казан ханлары. Казан, 1995.
 15. [Шарафутдинов С.] Шеджере аль-Чингизийя. Казан, 1906 (араб. шрифт).
 16. *Oztuna Y.* Islam Devletleri: Devletler ve Hanedar. Cilt 1. Ankara, 1989.
 17. *Saray M.* The Hanate of Astrahan // A short history of Turkish-Islamic States (Excluding the Ottoman Empire). Ankara, 1994.
-

I. V. Zaitsev

**RUSSIAN ARCHIVAL SOURCES ON THE HISTORY
OF THE ASTRAKHAN' KHANATE**

(THE CHRONOLOGY OF THE REIGNS OF KHANS DZHANIBEK AND KHUSEIN)

There are virtually no historical works, Russian or otherwise, on the history of the Astrakhan' khanate. One can name only a few brief essays on the history of Astrakhan' [Rychkov 1767: 163—166; Peretiat'kovich 1877: 217—230; Karnovich 1896: 1—18; Verein 1958, and others], and an article by M. G. 'Afargaliev written nearly half a century ago ['Afargaliev 1952]. Only M. G. 'Afargaliev's work treats the history of Astrakhan' before its conquest; other studies deal mainly with events of the 1550s. Of definite value is the section on the Astrakhan' khans in Sh. Mardzhani's book [Mardzhani 1885].

One of the reasons for this dearth of material on the history of Astrakhan' is the insufficient use of archival sources. The original correspondence between the Astrakhan' khans and the great princes of Muscovy, the khans of Khazan' and the Crimea, the Nogai mirzas has not been preserved. The most important source for the history of Astrakhan' in the second half of the 15th—first half of the 16th century are the Ambassadorial books for ties between Russia and the Nogai Horde, the Crimean khanate, and Turkey. A large part of them have been published in the Collections of the Russian Historical Society. Unpublished are three Crimean books (RGADA f. 123, inv. 1, items 6, 7, 9) for the years 1523—1532, 1533 and 1545—1548. Documents of the Ambassadorial book for relations with Turkey (RGADA f. 89, inv. 1, item 1) 1512—1569 [Rogozhin

1994] and Nogai affairs for the 1550s have not been published in full.

Despite the volume of published material, one must often turn to archival originals for a correct understanding of events in Astrakhan' history. We review here one episode from that history — the chronology of the ruling khans between the late 1510s and early 1520s.

In the beginning of 1521 (probably until March-April), Dzhanibek continued rule in Astrakhan'. Dzhanibek died in that year, and confirmation of that event has been preserved in the Ambassadorial books for ties with Turkey.

We learn from a letter from the Azov «bekkul» Muhammad to Vasiliï Ivanovich in June, 1523, that after Mukhammad-Girei's unsuccessful campaign against Astrakhan', the Nogai departed in pursuit of the retreating Crimeans three days after the city was relinquished. Khusein entered deserted Astrakhan' without giving battle.

Khusein was the son of Dzhanibek, son of Makhmud. Was his assumption of power in Astrakhan' after the departure of the Nogai secondary, or did he first begin to rule in the city at the end of spring or the beginning of summer 1523?

The circumstances of Khusein's time on the throne in Astrakhan' are described in documents of the Ambassadorial book for ties between Russia and the Crimea. After assuming the throne in 1523, the new Crimean khan, 'Aadet-Girei, wrote a letter to the great prince of Muscovy in which he shared with Vasiliï his plans to undertake a campaign against the Nogai.

One can conclude from the letter that in the summer of 1523 Khusein was still khan in Astrakhan'.

Contradicting his own claims of friendly relations with Astrakhan', in the spring of 1524 'Aadet-Girei openly termed Astrakhan' his enemy in a shert project sent to Moscow.

The political crisis in the Crimea in late 1524 for a time diverted attention from the question of Astrakhan' in the Crimea's external relations. Pressed by the Kazakhs, the Nogai once again established control over Astrakhan', and the Astrakhan' khan (probably Khusein) was unable to withstand their pressure and keep them from right bank of the Volga.

Hence, the rule of Dzhanibek began no later than 1514 (and perhaps earlier). Most likely, he perished in spring, 1521 in a conflict with the Nogai mirzas. In all likelihood, Khusein, Dzhanibek's son, became the Astrakhan' khan. At first, he maintained a Nogai orientation. The Crimean khan Muhammad-Girei's campaign against Astrakhan' in 1523 led to a brief interregnum in the city, after which Khusein regained the throne, though already without the support of the Nogai. In the winter of 1523—1524, the Nogai tried unsuccessfully to reestablish control over Astrakhan'. Establishing an exact date for the end of Khusein's reign is a subject of separate research and goes beyond the boundaries of this study.

Е. В. Бойкова

**ОБ ОДНОЙ НЕУДАЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В МОНГОЛИЮ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА)**

В Российском Государственном военно-историческом архиве (ВИА) хранятся материалы, озаглавленные «Об экспедиции А. Г. Белинского по Монголии» (ф. 400, оп. 1, д. 3688 *). Кто такой был Александр Григорьевич Белинский и что это за экспедиция, о которой ничего не известно в научном монголоведении?

Экспедиция началась осенью 1907 г. и считалась научной. Сам Белинский называл экспедицию торговой. В ее состав входили штабс-капитан запаса Бунин, крестьянин Барнаульского уезда А. Н. Котельников, купец Н. Б. Калгаманов. Как отмечал член экспедиции Н. Б. Калгаманов в записке от 24 марта 1908 г. начальнику Штаба Омского военного округа (фактически это были письменные показания о деятельности экспедиции), Белинский называл себя начальником торгово-промышленной экспедиции, целью которой было исследование на месте, то есть в Монголии, русских торговых операций и нужд монголов (ВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3688, л. 10, 13) ** .

В действительности денег у начальника экспедиции на проведение каких-либо исследований в Монголии не было, хотя он всем говорил, что на экспедицию ассигновано 10 000 рублей. По словам Белинского, Министерство торговли и промышленности России очень интересовалось

* Начато 01.03.1908, окончено 02.03.1915.

** Далее по тексту ссылки на данные материалы ограничиваются указанием листов дела.

положением русской торговли в Монголии и хотело устроить в Кош-Агаче торговые склады. Однако эти объяснения были лишь прикрытием истинных целей Белинского.

По словам участников экспедиции, А. Г. Белинский всем говорил, что он имеет «личное поручение Государя предпринять попытку организовать восстание монголов против китайцев». Он заявлял, что «хочет устроить самостоятельное Монгольское ханство» и что государь согласился на его попытку (л. 13 об.). Не предполагая, как будут развиваться события в дальнейшем, Н. Б. Калгаманов посоветовал Белинскому для этой цели воспользоваться именем Амурсаны, «которого монголы ждут, как магометане Махди».

По словам Бунина, Белинский предполагал начать экспедицию с Алтая и хлопотал перед правительством о командировании горного инженера и назначении ему правительственной субсидии. Во время подготовки экспедиции Бунин встречал у Белинского правительственных чиновников «из какого-то министерства» (л. 9). По-видимому, Белинскому удалось уговорить правительственных чиновников согласиться с идеей организации подобной поездки, и в конце июня 1907 г. он пригласил Бунина в экспедицию на Алтай, а затем в Монголию. Вероятно, речь шла и о выделении каких-то сумм, потому что Белинский возмущался тем, что Главный штаб и Министерство торговли и промышленности задерживают деньги. РГО отказалось выдать ему 10 000 рублей под предлогом отсутствия денег. О том, что Белинский не сумел найти денег на экспедицию, свидетельствовал тот факт, что он занимал в дороге деньги у Бунина, а также закладывал вещи (л. 9 об.).

Экспедиция направлялась через Барнаул и Змеиногорск в станицу Чарышскую. Только в пути Белинский сообщил Бунину, что цель его поездки не Алтай, а Монголия. Его основной целью было подготовить восстание в Монголии. По его словам, он говорил об этом с государем, и тот сказал: «Работайте, но не накуролесьте» (л. 9 об.).

Еще в Кош-Агаче Белинский начал говорить о необходимости создания торгово-промышленного синдиката, над проектом которого он якобы думал заранее. В Улясутае Калгаманов активно взялся за реализацию этого проекта — по глубокому убеждению, что это единственно возможный способ спасти русскую торговлю в Монголии,

находившуюся в то время в довольно плачевном состоянии. Что же касалось поставленной Белинским главной цели экспедиции — поддержки восстания монголов, то участники экспедиции предприняли несколько осторожных разведок, которые «давали надежду на несомненный успех, но не в близком будущем» (л. 9 об.). Однако Белинский пытался всемерно ускорить развитие событий. Поэтому Бунин и Калгаманов решили не переводить монголам всего, что говорил Белинский, так как его «дикость, необузданность и неразвитость могли привести к скорой развязке в худшую сторону» (л. 9 об.).

По мере того как экспедиция продвигалась, Бунин все больше удивлялся тому, каким образом Белинский мог убедить кого-то в Петербурге, что он в силах что-то реально сделать в Монголии. Бунин считал его «смелым авантюристом, который обманул правительство и всех нас». Все более явно в экспедиции назревал серьезный скандал. В Улангоме Белинский довел дело до того, что монгольские рабочие взбунтовались, и все закончилось мирно только благодаря Калгаманову, уладившему все проблемы.

Однако, несмотря на внутренние проблемы, то и дело возникавшие в экспедиции, внешне все выглядело достаточно благополучно. Экспедиция прибыла в Улясутай в декабре 1907 г. Российский консул в Улясутае отнесся к Белинскому, который объявил ему, что целью экспедиции является организация в Монголии Русского синдиката, субсидируемого российским правительством, с полным доверием и даже называл его генералом. Было проведено собрание русских купцов, которые вели торговлю в Монголии; они высказались за создание такого синдиката, который помог бы наладить российскую торговлю в этой стране. В Улясутае Белинский неоднократно встречался с цзянь-цзюнем, амбанем, Джалхандза-гэгэном.

Как сообщал командующий войсками Омского военного округа генерал-лейтенант Надаров в шифротелеграмме № 322 от 15 марта 1908 г., отправленной начальнику Главного штаба и начальнику Генерального штаба, агитация А. Г. Белинского «имеет успех и может вызвать серьезные недоразумения с Китаем» (л. 2). Успех вскружил голову Белинскому. Как отмечал Бунин, «началось какое-то сплошное, безумное разгулье дикого человека, вырвавшегося на волю: от того лишь, что его не выезжали встре-

чать за несколько верст от стоянки чиновники, он приходил уже в дикое бешенство...» (л. 11). В Байтехе (так в документе. — *Е. Б.*) Белинский, «уже не стесняясь говорил с монголами о неповиновении Китаю под покровительством России, причем всюду, где даже было совершенно излишне, упоминался Ваган [Цаган] Хан (Белый Царь)» (л. 11). В то время как Белинский занимался решением «политических проблем», Котельников пытался выполнить поручения, касавшиеся закупки товаров.

Белинский щедро раздавал монголам обещания, что Россия поможет им оружием и деньгами, хотя гарантировать исполнение своих обещаний он, конечно же, не мог. Так, например, Джалхандза-гэгэну, который был крайне популярен в Монголии, для уплаты долгов было обещано 5000 руб., в хурэн Ло-гуна — серебряный котел, лошади и пр., а также, конечно, оружие. Вначале Бунин и Котельников «сделали несколько попыток вывезти из Монголии этого обезумевшего человека, но все рушилось через день» (л. 11 об.).

Подозревая, что Белинский не имеет полномочий от царя, и понимая, что уговорить его не афишировать свои цели в Монголии не удастся, Бунин и Котельников решили уехать из экспедиции. Однако Белинский не хотел их отпускать, видимо, понимая, что в одиночку он не сможет что-либо предпринять для достижения своих целей. Не видя выхода из создавшегося положения, Котельников, Бунин и один российский рабочий бежали из экспедиции, уведя с собой 3 лошадей. Бунин высказывал самое серьезное опасение, что Белинский действительно может объявить себя Амурсаной, «и тогда крупные осложнения неизбежны, тем более что китайцы его знают как человека, командированного самим государем» (л. 11 об.).

Как сообщал в секретной телеграмме № 222 от 24 апреля 1908 г. титулярный советник Долбежев, согласно собранным им секретным сведениям, «Белинский во время обратного проезда от Улясутая до русской границы секретными переговорами с некоторыми монгольскими властями, стараясь расположить к себе монголов, затрагивал весьма неуместный вопрос о возможности освобождения монголов от китайцев» (л. 21). Ситуация вокруг экспедиции складывалась таким образом, что если поначалу государственные учреждения и организации хотя и не помога-

ли, но не мешали Белинскому в ее проведении, то по мере того как он стал открыто говорить о своих планах в Монголии, Министерству иностранных дел России и Генеральному штабу пришлось решать многие проблемы, возникшие в результате пребывания экспедиции в Монголии. По мере разбирательства стало ясно, что никто не знает наверняка, кем был командирован в Монголию Белинский.

Причастные к экспедиции люди видели один выход из создавшегося положения — «парализовать Белинского, выставив его перед монголами и китайцами за сумасшедшего», и тогда сами монголы доставили бы Белинского в Россию. Основная проблема заключалась в том, что все свои деяния Белинский совершал от имени российского государя, много обещал и ничего не был в состоянии выполнить, хотя, как считал Бунин, уплата долгов Джалхандза-гэгэна уже могла бы многое исправить.

Пока мы не имеем возможности точно определить сроки пребывания экспедиции в Монголии. Судя по сообщению Долбежева, Белинский отправился в обратный путь из Монголии в Россию в январе 1908 г. Однако в обращении Азиатской части Главного штаба МО в полицейское управление Петергофа, датированном 30 апреля 1914 г., речь идет о том, что в 1912 г. Белинский находился в Монголии и выдавал себя за начальника торгово-промышленной экспедиции. 17 февраля 1914 г. Белинский переехал из Павловска в Петербург, а 14 марта того же года — в Москву. Там его следы теряются.

Итак, экспедиция, которая формально состоялась и которая таковой фактически не была. Ее руководитель Белинский — энтузиаст или авантюрист, «за успех ручавшийся головой» (л. 17 об.), скорее всего, сам себя и назначил начальником. Во всяком случае, при том, что экспедиция продвигалась по Монголии и добралась, по меньшей мере, до Улясутая (точных данных о ее маршруте в документах не содержится), по сути, она не имела видимых результатов — ни научных, ни практических. Хотя можно сказать, что один результат — отрицательный — все же был: не скрывая своих намерений поднять монголов на восстание против китайцев, Белинский в первую очередь наносил вред тем монголам, которые с пониманием отнеслись к его идее. И, несомненно, активная «революционная» деятельность Белинского наносила вред отношениям между Россией и Китаем.

B. V. Boikova

**AN UNSUCCESSFUL EXPEDITION TO MONGOLIA
(ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN
STATE MILITARY-HISTORICAL ARCHIVE)**

The Russian State Military-Historical Archive contains materials under the heading «On the expedition of A. G. Belinskii to Mongolia» (arch. 400, inv. 1, item 3688*).

Who was Aleksandr Grigor'evich Belinskii and what was this expedition, of which we learn nothing from academic Mongolian studies?

The expedition began in autumn 1907 and was considered scholarly. Belinskii himself term the expedition «commercial».

According to participants in the expedition, A. G. Belinskii told everyone that he had «personal instructions from the Ruler to undertake an attempt to organize an uprising of the Mongols against the Chinese».

The expedition made for the stanitsa of Charishskaia through Barnaul and Zmeinogorsk.

The expedition arrived in Ulyasutai in December, 1907. Belinskii announced to the Russian consul in Ulyasutai that the expedition's aim was to organize in Mongolia a Russian syndicate subsidized by the Russian government. The consul responded by granting Belinskii his full trust, even terming him a general. Russian merchants who traded in Mongolia were gathered together; they spoke out in favor of creating such a

* Begun on 01.03.1908, ended on 02.03.1915.

syndicate, which would help to ease the way for Russian trade there.

Circumstances surrounding the expedition took shape in such a fashion that, while state institutions and organizations at first did not hinder Belinskii, even if they may not have helped him, as Belinskii began to speak openly of his plans in Mongolia, the Russian Ministry of Foreign Affairs and the General Staff were compelled to solve numerous problems which arose as a result of the expedition's presence in Mongolia. As they investigated the matter, it became clear that no one knew for certain who had sent Belinskii to Mongolia.

Those involved in the expedition saw only one way out of the dilemma: «paralyze Belinskii by presenting him to the Mongols and Chinese as a madman», after which the Mongols themselves would deliver Belinskii to Russia.

It is not possible at present to determine the exact dates of the expedition's stay in Mongolia.

The expedition produced neither scholarly nor practical tangible results. But one result, if a negative one, was achieved: by failing to conceal his intention of raising a Mongol uprising against the Chinese, Belinskii harmed primarily those Mongols who reacted favorably to this idea. Furthermore, Belinskii's energetic «revolutionary» activities harmed relations between Russia and China.

С. Г. Кляшторный

**ФОРМИРОВАНИЕ ФОНДА ПАМЯТНИКОВ
ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ СПбФ ИВ РАН
(ОТКРЫТИЯ И НАХОДКИ Д. А. КЛЕМЕНЦА)**

Отчет о рекогносцировочном археологическом маршруте по Центральной и Северо-Западной Монголии и по Урянхайскому краю (Туве) летом 1891 г. бывший воспитанник физико-математического факультета Петербургского университета, бывший народоволец, политический ссыльный и консерватор музея Восточно-Сибирского отдела Географического общества Дмитрий Александрович Клеменц прислал своему начальнику по орхонской экспедиции академику В. В. Радлову зимой 1893 г.

Археологический дневник Д. А. Клеменца оказался образцовой научной работой и впоследствии, в 1898 г., Академия наук вновь поручила ему археологическое обследование — на этот раз Восточного Туркестана. А памятным летом 1891 г. Д. А. Клеменц стал ближайшим сотрудником В. В. Радлова и исполнителем самых трудных его заданий.

Те задачи, которые были поставлены перед Д. А. Клеменцем, — установить степень связанности древнетюркской культуры Центральной Азии и Южной Сибири и найти археологическую границу между двумя регионами — не решены окончательно и поныне. Но первый вариант ее решения был предложен В. В. Радловым в немалой степени под влиянием наблюдений Клеменца.

В цепи памятников, исследованных тогда Клеменцем, оказалась и группа курганов верстах в пяти от северного конца Ихе-Ханын-нора.

Соседство обширного городища, остатков каменных гробниц, богато украшенных орнаментом, и рунической надписи привлекло внимание Клеменца и побудило его дать первую атрибуцию всего комплекса памятников, основанную на вполне логичном сопоставлении с подобным же комплексом, хотя и большим по объему — древней-гургским городищем Карабалгасун, близ которого Н. М. Ядринцевым был обнаружен замечательный трехязычный памятник.

«Могилы, которые находятся не вдали от этих развалин, могилы с разнообразными письменами, с каменными бабами заставляют нас, — писал Клеменц в свое дневнике, — признать эти развалины одновременными с древними Орхонскими (т. е. с Карабалгасуном. — С. К.) впредь, пока не будет доказано противного».

В 1927 г. Бальджи Бамбаев, сотрудник этнолого-лингвистического отряда Комиссии по изучению Монголии и Танну-Тувы, вновь обнаружил могильник и надпись, а также огромное городище близ них: «В трех верстах от развалин города видел тюркское погребение с орхонской надписью, что в прошлом году было раскопано местными монголами с целью найти клад». Погребальное сооружение, таким образом, было уничтожено, а надпись Б. Бамбаев сфотографировал, сделал эстампаж и прорисовку; вместе с его отчетом сохранилась лишь последняя.

Открытие Ихе-Ханын-норской надписи стало первым самостоятельным эпиграфическим открытием Д. А. Клеменца в Монголии. Текст был отлично описан и скопирован им вместе с окружающим археологическим комплексом. Мне довелось повторить обследование этого комплекса в 1974 г., после чего новое прочтение и интерпретация текста позволили установить, что для древнетюркской археологии надпись имеет отнюдь не маловажное значение. Она не только дала ключ к дешифровке тюркской терминологии, связанной с поминальными сооружениями, но и выявила состав и характер погребального дара, посвященного родичами и близкими умершему герою.

Маршрут 1891 г. был продолжен в Северо-Западной Монголии, а затем в Туве.

Эстампажи 14 рунических надписей, сделанные Д. А. в Туве, во время тяжелейшего, но плодотворного маршрута 1891 г., были использованы В. В. Радловым при издании

его «Атласа древностей Монголии», а ныне хранятся среди прочих, в составе коллекции эстампажей Орхонской экспедиции, в рукописном отделе Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

В 1896 г. Русское географическое общество передало Азиатскому музею мешок с обрывками древних рукописей, собранных или купленных в Турфанском оазисе экспедицией В. И. Роборовского и П. К. Козлова (1893—1895). Эти рукописные обрывки из пещерных монастырей близ Туюк-мазара и из развалин Идикутшари были первоначально разобраны А. О. Ивановским и С. Ф. Ольденбургом, а затем, в декабре 1896 г., просмотрены академиком В. В. Радловым, выделившим из коллекции четыре древнеуйгурских фрагмента. Отмечая, что фрагменты слишком малы для идентификации, В. В. Радлов все же указал на наличие двух разных групп текстов — деловых записей, выполненных трудночитаемым курсивом, и буддийских сутр в каллиграфическом исполнении.

Открытие рукописей побудило В. В. Радлова, совместно с В. Р. Розеном и К. Г. Залеманом, ходатайствовать перед Академией наук о направлении в Турфанский оазис специальной экспедиции «для исследования главным образом Туюк-мазара и Идикутшари, а по возможности и древностей других мест Турфанского края». Главным объектом исследований должен был, по мнению В. В. Радлова, стать Идикутшари, «столица уйгурско-буддийской культуры», где следует искать «древнейшие тюркские языковые памятники».

В Турфанском оазисе Д. А. Клеменц стал поистине первооткрывателем древностей севера Восточного Туркестана.

Одним из важнейших результатов экспедиции Д. А. Клеменца стало открытие значительного числа эпиграфических и рукописных текстов, в том числе и древнетюркских, копии или оригиналы которых были доставлены в Петербург. Отмечая достигнутые Д. А. Клеменцем «блестящие результаты при очень ограниченных средствах», В. В. Радлов выделяет пять категорий письменных памятников, обнаруженных экспедицией: а) древнетюркские рунические надписи, процарапанные в пещерных буддийских храмах; б) древнеуйгурские надписи, выполненные черной и красной краской на кусках штукатурки из дворцовых или храмовых построек; в) фрагменты древнеуйгур-

ских буддийских рукописей; г) фрагменты буддийских ксилографов; д) древнеуйгурские хозяйственные документы. По результатам экспедиции В. В. Радлов осуществил первую публикацию древнетюркских письменных памятников из Восточного Туркестана — четырех рунических граффити, двух юридических (хозяйственных) документов и двух небольших фрагментов буддийских сутр.

Находками В. И. Роборовского, П. К. Козлова и Д. А. Клеменца было положено начало одному из богатейших в мире древнеуйгурскому собранию рукописей Азиатского музея — Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. А за Д. А. Клеменцем прочно утвердилась слава одного из создателей материальной базы современной тюркологии.

Значительный фонд зарисовок, эстампажей и полевых записей, сделанных Д. А. Клеменцем во время его центральноазиатских экспедиций (Монголия, Тува, Восточный Туркестан) составляет весомую часть материалов первооткрывателей древнетюркских рунических памятников, хранящихся в рукописном отделе и Архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Все материалы Д. А. Клеменца являются плодом его активного участия в полевых исследованиях Орхонской и Турфанской экспедиций Императорской Академии наук. Несмотря на то что большая часть этих материалов опубликована на русском и немецком языках, опыт изучения их архивных оригиналов показывает немалые возможности извлечения весьма существенных подробностей, меняющих трактовку или аспект рассмотрения старых находок. Археологический дневник Д. А. Клеменца сам по себе является образцовой научной работой. Он хранит черновые варианты отчетов, посылавшихся им академику В. В. Радлову — его начальнику по Орхонской экспедиции. Впоследствии Д. А. К. стал ближайшим сотрудником и исполнителем самых трудных его заданий. Те задачи, которые были поставлены перед Д. А. К., — установить степень связанности древнетюркской культуры Центральной Азии и Южной Сибири и найти археологическую границу между двумя регионами — не решены окончательно и поныне. Дневники Д. А. К. обнаруживают, что первый вариант решения этой проблемы, предложенный Радловым В. В., в немалой степени был сделан под влиянием наблюдений Клеменца.

Новое обращение к архиву Д. А. Клеменца позволяет гораздо шире, чем было принято, интерпретировать историко-культурную значимость надписи Ихе-Ханын-нор, открытой Д. Клеменцем в 1891 г., и надписи Хэнтэй, открытой им в 1895 г. В свете архивных материалов существенно повышается оценка дневниковых записей Д. Клеменца во время Турфанской экспедиции 1848 г.

S. G. Klyashtorny

**COLLECTION OF OLD TURKIC INSCRIPTIONS
AT THE SP BRANCH OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL
STUDIES: KLEMENTS' CONTRIBUTIONS**

A significant collection of sketches, stone rubbings, and field notes made by D. A. Klements during his Central Asian expeditions (Mongolia, Tuva, Eastern Turkestan) comprises a substantial part of the materials gathered by the first discoverers of ancient Turkic runic inscriptions and today held in the Manuscript section and Archive of Orientalists at the SP Branch of the IOS. All of D. A. Klements' materials represent the fruit of his active participation in field research on the Orkhon and Turfan expeditions of the Imperial Academy of Sciences. Despite the fact that most of these materials have been published in Russian and German, experience shows that the study of archival originals provides ample opportunities to extract extremely significant details capable of changing our interpretation and view of old finds.

D. A. Klements' archeological diary is in and of itself an exemplary scholarly work. It preserves the rough drafts of essays he sent to academician V. V. Radlov, his superior on the Orkhan expedition. D. A. Klements later became his closest collaborator and carried out his most difficult missions. The questions which were posed to D. A. Klements – to determine connections between ancient Turkic culture in Central Asia and Southern Siberia and to find the archeological border between the two regions – have still not been answered definitively. His diaries reveal the first version of a solution to this problem,

proposed by V. V. Radlov and heavily influenced by the observations of Klements.

A new look at the D. A. Klements archive allows us to broaden significantly our interpretation of the historical-cultural significance of the Ikhe-Khanyn-nor inscription, discovered by D. Klements in 1891, and the Khentei inscription, which he discovered in 1895. These archival materials substantially enhance our evaluation of the diary entries made by D. Klements during the Turfan expedition of 1848.

**Архивные материалы
о монгольских и тюркских народах
в академических собраниях России:
Доклады научной конференции**

научное издание

ISBN 5-85803-148-X

Технические редакторы —
Г. В. Тихомирова, Л. И. Гохман
Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*
Выпускающий — *О. И. Трофимова*

Макет подготовлен в издательстве
«Петербургское Востоковедение»

Издательство «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18
<http://www.pvcentre.agava.ru>
ЛР № 065555 от 05.12.1997

Подписано в печать 01.06.2000. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Объем 10 печ. л. Тираж 500 экз.
Заказ № 318

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Книжная серия

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ®

ВОСТОКА

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
НАУЧНАЯ СЕРИЯ**

Редколлегия серии:

Ю. А. Петросян (председатель),
О. Ф. Акимушкин, И. А. Алимов, В. Н. Горегляд,
Е. И. Кычанов, Л. Н. Меньшиков,
Э. Н. Темкин (отв. секретарь), А. Б. Халидов

Серия «Памятники культуры Востока. Санкт-Петербургская научная серия» образована в 1993 году для введения в научный оборот новых памятников письменной культуры стран Востока — в виде критических и факсимильных изданий текстов: рукописей, документов, ксилографов и т. д.; для нового издания таких текстов, если прежние публикации не удовлетворяют современным научным требованиям; для публикации научных переводов издаваемых памятников, а также публикации научных переводов, выполненных на основании уже выпущенных критических изданий текстов.

Серия готовится и выпускается совместно с Санкт-Петербургским филиалом Института востоковедения Российской Академии наук, одним из крупнейших мировых хранилищ рукописей и ксилографов, ведущим мировым научным центром.

Назначение серии — специальное: она адресована, прежде всего, профессионалам-востоковедам, однако любой читатель, желающий углубить свои знания о культурах стран Востока, найдет для себя в ней много нового и полезного.

В СЕРИИ ВЫШЛИ КНИГИ:

Том I. Раса'ил ал-хикма I—XIV («Послания мудрости» I—XIV): Из друзских рукописей СПбФ ИВ РАН (А 173). Факсимиле рукописи; предисловие, исследование (гл. II, III), избранные переводы с арабского, глоссарий М. А. Родионова; гл. I исследования Вал. В. Полосина. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1995. 272 с. ISBN 5-85803-035-1

«Послания мудрости» (Раса'ил ал-хикма) — памятник арабоязычной литературы XI в., излагающей основы друзского вероучения. В настоящей работе дается факсимиле первых четырнадцати (из более чем ста) друзских рукописных текстов, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН, а также исследование, избранные переводы и глоссарий основных религиозно-философских терминов.

Том II. Двенадцать царств. Факсимиле рукописи; издание текста, исследование, перевод с тангутского, комментарий К. Ю. Солонина. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1995. 216 с. ISBN 5-85803-011-4

Данная публикация включает в себя факсимильное воспроизведение рукописи, комментированный перевод и исследование части памятника китайской литературы, сохранившегося в тангутском переводе, — сборника исторических сюжетов чжоуского времени (XI—III вв. до н. э.). Дошедший до нас ксилограф не имеет титульного листа и колофона и не может быть точно датирован. Полное название текста также неизвестно: «Двенадцать царств» — это краткий заголовок на сгибе листа ксилографа. В дошедшем до нас варианте текста две части (цзюани) — «верхняя» и «средняя», за которыми должна следовать третья цзюань — «нижняя». До настоящего времени сохранились разделы, посвященные царствам Ци, Позднее Ци, Лу, Цзинь, Вэй, Чжао и Вэй. В рамках данной работы дан перевод памятника в той степени, насколько позволяла сохранность текста. В исследовательской части работы анализируется вопрос происхождения и датировки китайского оригинала памятника и разбираются особенности его содержания.

Том III. Чёк Сёный Чён. Квонджи тан (Повесть о Чёк Сёные. В одной тетради): Из корейских ксилографов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Факсимиле ксилографа; перевод с корейского, предисловие, комментарий, приложения и указатель А. Ф. Троцевич. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 232 с. ISBN 5-85803-054-8

Книга посвящена изданию и исследованию текста ксилографа, хранящегося в рукописном отделе СПбФ ИВ РАН. Повесть входит в коллекцию простонародной литературы, собранную в конце XIX в. английским востоковедом У. Г. Астоном. Написана на сюжет буддийской джатаки о двух принцах — Друге Добра и Друге Зла.

В комментарии выделена китайская фразеология, которая характерна для языка традиционной корейской повести, а также сделаны попытки определить китайские географические названия и имена китайских персонажей, записанных в тексте ксилографа корейским национальным письмом.

В СЕРИИ ВЫШЛИ КНИГИ:

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ВОСТОКА

Том IV. Море значений, установленных святыми. Факсимиле текста; издание текста, предисловие, перевод с тангутского, комментарий и приложения Е. И. Кычанова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. ISBN 5-85803-055-6

«Море значений, установленных святыми» — оригинальное сочинение на тангутском (Си Ся) языке, написанное во второй половине XII в. Оно относится к известному в китайской литературе жанру *лэй шу*, наименование которого достаточно условно переводится как «энциклопедия». Сочинение действительно копирует сунские (X—XIII вв.) *лэй шу*, но оно не является переводом с китайского, хотя в описании значительного числа явлений отражает достижения современной памятнику китайской философской мысли. Исследование сохранившихся частей памятника свидетельствует о впечатляющем знакомстве составителей «Моря значений, установленных святыми» с китайской литературой, а также под-

тверждает известное из других публикаций памятников тангутской письменности стремление тангутов к пропаганде идей *сяо* — «почитание старших и любовь к младшим» — как наиболее понятных широким слоям общества и утверждающих идею государственности при перенесении этих идей в русло отношений «государь—подданный». Очень важны те немногие вкрапления собственно тангутских представлений о мире и упоминаний о тангутских преданиях, которые вкупе с публикуемым в этом же издании текстом «Большой оды» позволили автору сделать первую попытку реконструкции тангутской мифологии. То, что удалось восстановить, свидетельствует о значительном сходстве тангутского предания с преданиями и мифами, о которых мы в настоящее время узнаем из публикаций китайских ученых, представивших научной общественности материалы по народам Юго-Западного Китая, в частности по группе народов, известной под названием «ицзу». Здесь можно назвать такие мотивы, как представление о птице (журавле) — творце (ткаче) вселенной, о «девяти братьях» с Белого Высокого (Белых высот). Последнее предание вошло и в полное наименование тангутского государства. Как всякая энциклопедия «Море значений, установленных святыми» служила пропаганде знаний и была учебным пособием.

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ВОСТОКА

Том V. Абу Бакр Мухаммад ас-Сули.

Книга ал-Аврак. Критический текст и перевод на русский язык В. И. Беляева и А. Б. Халидова; предисловие, примечания и указатели А. Б. Халидова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. ISBN 5-85803-027-0

«Книга ал-Аврак» — многотомное сочинение по истории поэзии и поэтов эпохи Аббасидов, произведения которых дошли до наших дней в отрывках. Настоящее сочинение охватывает период правления шести халифов в Ираке в период с 842 по 870 г. Исторические экскурсы ас-Сули включают в себя многочисленные цитаты из арабской поэзии, что так характерно для этого автора. Критический текст «Книга ал-Аврак» публикуется впервые и основан на уникальных рукописях, хранящихся в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге (ныне — Российская национальная библиотека), а также на ряде других источников.

В СЕРИИ ВЫШЛИ КНИГИ:

Том VI. Ойратская версия «Истории о Молон-тойне».

Факсимиле рукописи; издание текста, транскрипция текста, предисловие и примечания Н. С. Яхонтовой. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999.

ISBN 5-85803-056-4

«История о Молон-тойне» (санскр. Маудгальяна) — произведение так называемого народного буддизма, пользовавшегося большой популярностью среди монгольских народов. Сочинение повествует о посещении праведным Молон-тойном ада в поисках своей грешной матери. В настоящем издании публикуется уникальная ойратская рукопись XVIII в. из собрания Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Исследовательская часть книги посвящена сравнению содержания всех известных тестов сочинений на эту тему на монгольском, тибетском и китайском языках.

Раднабхадра. «Лунный свет»: История рабджам Зая-пандиты.

Факсимиле рукописи; перевод с ойратского Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина; транслитерация, предисловие, комментарий, указатели, примечания и словарь А. Г. Сазыкина. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2000.
ISBN 5-85803-095-5

В историю монгольской литературы вписано немало имен талантливых литераторов, внесших заметный вклад в приумножение сокровищ письменной словесности монгольских народов. Один из них — ойратский Зая-пандита, создатель ойратской письменности и автор большого числа переводов с тибетского языка, по существу основоположник ойратской литературы. В отличие от большинства монгольских литераторов, сведения о жизни и творчестве которых приходится собирать по крохам, Зая-пандита обрел своего биографа — Раднабхадру, составившего в конце XVII в. подробное и достоверное жизнеописание учителя, где он предстает неутомимым переводчиком и просветителем, ревностным проповедником. Разнообразие и обширность сведений в сочетании с добросовестностью биографа и стало причиной того, что труд Раднабхадры представлял и представляет поныне ценнейший источник информации как для филологов-литературоведов, так и для историков.

В СЕРИИ ГОТОВЯТСЯ КНИГИ:

Тәріх-и Кәшгар: Тюркоязычная история владельцев Восточного Туркестана от начала XVI по конец XVII века. Факсимиле текста; издание текста, введение, индексы О. Ф. Акимушкина. СПб.: «Петербургское Востоковедение». ISBN 5-85803-088-2.

Настоящая хроника посвящена истории тюркских народов и главным образом истории Могулии — государственного образования ханов-чагатаидов на территории Восточного Туркестана (совр. провинция Синьцзян, КНР) с центром в Яркенде и Кашгаре с 1514 г. по самый конец XVII в. Труд относится к разряду «всеобщих» историй и, как всегда случается в подобных случаях, компилятивен в своей первой половине, в которой анонимный автор широко использовал известные исторические сочинения, написанные на персидском языке: «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, «Хабиб ас-сийар» Хондамира, «Тәрих-и Рашиди» Мухаммад-Хайдар Дуглата, а также два труда местного автора Шах-Махмуда Чурса «Тәрих» и «Анис ат-талибин». Сочинение написано на кашгарском диалекте т. н. новоуйгурского языка и в своей оригинальной части (л. 586—105а) повествует о политических событиях, сотрясавших этот обширный регион в течение почти двух столетий (1514—1697). Пока это единственный из дошедших до нас исторических трудов, созданный местным автором на родном языке, который детально фиксирует хронологию правлений ханов-чагатаидов.

Значение «Тәрих-и Кәшгар» как исторического источника в этом аспекте трудно переоценить, и еще академик В. В. Бартольд, считая его публикацию крайне необходимой, включил в свой академический план на 1929 г. издание этого памятника, поскольку труд закрывает значительную лауну в наших знаниях истории Восточного Туркестана.

Настоящее факсимильное издание подготовлено по наиболее полному и лучшему текстуальному списку (шифр С 57б) из трех известных в настоящее время. Все эти списки хранятся в Фонде рукописей Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Во введении рассмотрены источниковедческие и историографические вопросы, связанные с этим уникальным памятником, а также обсуждается проблема авторства, как овым, по мнению подготовителя публикации, был Шах-Махмуд б. Мирза Фазил Чурса.

Ким Чёгук. Корейские новеллы. Предисловие, перевод с корейского, комментарии Д. Д. Елисеева. Под ред. А. Ф. Троцевич. СПб.: «Петербургское Востоковедение». ISBN 5-85803-126-9.

Основная цель настоящего издания — публикация уникального рукописного сборника корейских новелл, хранящегося в настоящее время в Фонде рукописей Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (шифры С-13 и В-34). Эту рукопись получил в дар от автора, почти неизвестного корейского писателя XIX века Ким Чёгука, английский исследователь Кореи У. Г. Астон (1841—1911), собиравший корейскую престолярную литературу.

Рукопись не зафиксирована в каталогах существующих корейской литературы. В настоящем издании она публикуется впервые.

Сборник содержит традиционные в целом новеллы, разнообразные по сюжету, в том числе бытовые и фантастические. Новое в произведениях Ким Чёгука заключается не столько в появлении каких-то новых идей, сколько в совершенствовании искусства выражения этих идей, в совершенствовании изображения человека, в психологической убедительности и большей мотивированности поступков героев.

Включение нового литературного памятника в научный оборот позволит создать более полное представление о литературном процессе в Корее, судить о конечном результате длительной эволюции традиционного новеллистического жанра и о его достижениях.

СЕРИЯ «МИР ВОСТОКА»

Е. А. Торчинов. ДАОСИЗМ. «ДАО-ДЭ ЦЗИН»

Будучи самым крупным исследователем данного вопроса, Е. А. Торчинов, написал книгу одновременно ученую и популярную. Ученую — потому что он занимается даосизмом уже много лет; популярную — потому что свои обширные знания он систематизировал доступно и увлекательно. Перед глазами читателя течет неспешная двухтысячелетняя история даосизма, рождаются и умирают знаменитые даосы-отшельники, алхимики, маги и чудотворцы, пишутся знаменитые книги и трактаты.

В качестве приложения к книге Е. А. Торчинов предлагает читателю плод своих многолетних трудов — художественный перевод всемирно известного «Дао-Дэ цзина», приписываемого таинственному Старцу-Младенцу, мудрецу Лао-цзы. И хотя русскому читателю доступен уже не один перевод великого даосского трактата, этот перевод не затеряется среди прочих.

Т. В. Ермакова, Е. П. Островская. КЛАССИЧЕСКИЙ БУДДИЗМ

Книга посвящена исходному (южноазиатскому) этапу истории этой мировой религии, возникшей в середине I тысячелетия до новой эры в среде индоарийской воинской аристократии. Опираясь на многолетний опыт изучения буддийских письменных памятников, созданных в Индии эпохи древности и раннего средневековья и вошедших в мировую сокровищницу религиозно-философской мысли, авторы написали очерк классического буддизма. Читателю предстоит узнать, каким образом складывалось собрание буддийских священных текстов (Трипитака), почему религия Шакьямуни отрицает идею Бога-Творца и вечной души, во что веруют буддисты, под влиянием каких идеалов оформились школы и направления буддийской классической философии. Читателю откроется закон кармы — космическая сущность любой осознанной деятельности и смысл тех нравственных предписаний, которыми руководствуются буддисты в повседневной жизни.

А. А. Хисматулин. СУФИЗМ

Эта книга — одна из немногих попыток в отечественной и зарубежной ориенталистике осмыслить в целом столь многоплановое явление мусульманской культуры, как исламский мистицизм. В ней рассматриваются прежде всего духовные истоки суфизма, формы божественного избранничества, традиции обречения и наследования непосредственно пережитого духовного знания, их эволюция от мусульманской общины времен Пророка Мухаммада до организованных форм в виде суфийских братств, а также основные составляющие суфийского пути познания.

В заключительной части книги читатель впервые получит возможность ознакомиться с небольшим по объему, но важным по содержанию сочинением известного мусульманского мыслителя Абу Хамида Мухаммада ал-Газали ат-Туси (1058—1111) под названием «Божественное знание» («Илм-и ладуни»).

Эксклюзивный дилер по продажам книг серии — ЗАО ИТД «Летний сад».

В Санкт-Петербурге: 197136, Санкт-Петербург, Большой проспект П. С., д. 82 (ст. метро «Петроградская», флигель во дворе). Тел.: (812) 232 21 04. Факс: (812) 233 19 62. E-mail: letnysad@mail.wplus.net. В Москве: ул. Б. Никитская, д. 46 (ст. метро «Баррикадная»). Тел.: (095) 290 06 88, магазин-салон; Б. Предтеченский пер., д. 7, склад-офис (ст. метро «Краснопресненская»). Тел.: (095) 255 01 98. E-mail: letsad@aha.ru.

*По поводу приобретения книг нашего издательства
просьба обращаться в ЗАО ИТД «Летний сад».*

В Санкт-Петербурге:
197136, Санкт-Петербург, Большой проспект П. С., д. 82
(ст. метро «Петроградская», флигель во дворе).
Тел.: (812) 232 21 04. Факс: (812) 233 19 62.
E-mail: letnysad@mail.wplus.net.

В Москве:
ул. Б. Никитская, д. 46 (ст. метро «Баррикадная»);
Тел.: (095) 290 06 88, магазин-салон;
Б. Предтеченский пер., д. 7, склад-офис
(ст. метро «Краснопресненская»);
Тел.: (095) 255 01 98. E-mail: letsad@aha.ru.

*По поводу заказа книг нашего издательства
наложенным платежом по почте
просьба обращаться по адресу:*
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9,
Издательство Санкт-Петербургского университета,
отдел «Книга-почтой».
Тел.: (812) 328 77 63.
Факс: (812) 328 44 22
E-mail: books@dk2478.spb.edu

Адрес нашего издательства в Интернет:
www.pvcentre.hotmail.ru
E-mail: pvcentre@mail.ru

Здесь вы можете оперативно узнать обо всех изданных книгах, о наших издательских новинках и планах, а также познакомиться с фрагментами из опубликованных текстов. Представлены также персональные станицы востоковедов, библиографические материалы, статьи и многое другое.

За пределами Российской Федерации:

**KUBON UND SAGNER
BUCHEXPORT-IMPORT GmbH.**
Heßstraße 39/41, Postfach 34 01 08,
München, Deutschland-80328.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДАХ В АКАДЕМИЧЕСКИХ СОБРАНИЯХ РОССИИ

Доклады
научной
конференции

В данном сборнике собраны доклады научной конференции "Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России", проходившей в СПбФ ИВ РАН в апреле 2000 г. и продемонстрировавшей большой интерес научного мира к поднятой теме. Докладчиками были введены в научный оборот ценнейшие материалы по истории, литературе, этнографии монгольских и тюркских народов, находящиеся в архивах СПбФ ИВ РАН, СПбО АА РАН (Санкт-Петербург), Архиве Института востоковедения (Москва), Российском Государственном военно-историческом архиве (Москва). Впервые была дана характеристика архива Музея-квартиры П. К. Козлова в Санкт-Петербурге. Некоторые доклады были посвящены отдельным рукописям, находящимся в архивах России, или материалам о конкретных событиях, связанных с монгольскими и тюркскими народами (т. е. об экспедициях, путешествиях, торговых, политических и экономических контактах). Материалы охватывают большой период времени - с момента гуннских завоеваний до образования первого монгольского государства и политических событий первой половины XX в. Введение новых материалов и архивов в научный оборот расширит и углубит области монголоведных и тюркологических исследований - как лингвистических, исторических, фольклорных, музыковедческих, так и политологических, культурологических, кроме того, это позволит представить панораму самих событий, а также их участников более зримо и наглядно.

ISBN 5-85803-148-X

9 785858 031482